В. И. ШАДЫРО

РАННИЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК СЕВЕРНОЙ БЕЛОРУССИИ

АКАДЕМИЯ НАУК БЕЛОРУССКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

В.И.ШАДЫРО

РАННИЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК СЕВЕРНОЙ БЕЛОРУССИИ

Под редакцией
кандидата исторических наук
А.Г. Митрофанова

МИНСК
"НАУКА И ТЕХНИКА"
1985

ББК 63.4 (2Б)
Ш 17

Рецензенты:
Г. В. Штыхов, доктор исторических наук,
В. Д. Будько, В. Б. Перхавко,
кандидаты исторических наук

Шадыро В. И.

Ш 17 Ранний железный век северной Белоруссии / Под ред. А. Г. Митрофанова.—Мн.: Наука и техника, 1985.— 126 с., ил.

В пер.: 1 р. 30 к.

В монографии изложены итоги изучения памятников раннего железного века бассейна Западной Двины в пределах Белоруссии. Большинство материалов вводится в научный оборот впервые.

Рассчитана на научных работников, историков, археологов, краеведов, всех тех кто интересуется историей Белоруссии.

0507000000—121
Ш ――――――――― 20—85
М 316—85

ББК 63.4(2Б)+63.3(2)2

ВВЕДЕНИЕ

В период раннего железного века в бассейнах рек Западной Двины. Верхнего Днепра и прилегающих районах обитали племена днепро-двинской, штрихованной керамики, верхнеокской, юхновской и милоградской культур, относящиеся к восточнобалтийской языковой группе. Этот этнический массив, заметно отличаясь от соседних финно-угорского и ираноязычного, в то же время не был монолитным по своей культуре. Так, днепро-двинскую культуру выделяет комплекс признаков, который не свойствен другим культурам этого массива. Более того, внутри самой культуры выделяется вариант, соответствующий отдельным племенам внутри рассматриваемой группы племен.

Ряд отдельных признаков днепро-двинской культуры встречается в соседних культурах раннего железного века, однако в своем комплексе они характерны только для изучаемой культуры. В комплекс признаков входят: поселения только укрепленного типа — городища, имеющие разновременную систему оборонительных сооружений; постройки наземные, столбовой и кольевой конструкции; гладкостенные баночные и слабопрофилированные сосуды с характерной орнаментикой; долговременное бытование весьма разнообразных изделий из кости и камня; своеобразие некоторых форм железных изделий (серпы, топоры и т. д.). Эти признаки еще более дифференцируются внутри самой культуры.

Рассматриваемая в работе территория Белорусского Подвинья включает в себя бассейн белорусского течения Западной Двины и по современному административному делению всю Витебскую область (без самой южной окраины) БССР.

Хронологические рамки работы охватывают значительный отрезок времени: от VIII в. до н. э. до середины I тысячелетия н. э., когда в истории изучаемых племен произошли чрезвычайно важные преобразования, которые составили по существу новый этап в их развитии. Сложившийся в первой половине I тысячелетия до н. э. скотоводческо-земледельческий уклад надолго стабилизировал облик материальной культуры и быта местных племен и прочно привязал их к своим территориям. В рассматриваемое время появляется и к концу периода получает широкое распространение железо — последнее и важнейшее из всех видов сырья, игравших революционную роль в истории [1, *163]*. Рост производительных сил, связанный с применением изделий и орудий труда из железа, повлек за собой значительные социально-экономические изменения, которые можно проследить на археологическом материале изучаемых городищ.

Данную работу автор рассматривает как продолжение исследований памятников раннего железного века Подвинья, начатых в довоенные годы А. Н. Лявданским, С. А. Дубинским, А. Д. Коваленей и продолженных в послевоенный период А. Г. Митрофановым, Л. В. Алексеевым,

К. П. Шутом, Г. В. Штыховым, другими археологами. По ряду причин, одной из которых является то, что древние городища не лежали в центре научных интересов указанных исследователей, за исключением К. П. Шута, материалы раскопок не были полностью введены в научный оборот и не получили должного освещения в литературе (рис. 1). Работы северобелорусского отряда (1963—1968 гг.) под руководством К. П. Шута сделали значительный сдвиг в решении этой проблемы, однако в целом в изучении древностей Белорусского Подвинья наметилось отставание от соседних территорий как по объему изыскательских работ, так и по научным публикациям их результатов.

Городища Среднего Подвинья, равно как и других смежных территорий, давно привлекали пристальное внимание исследователей. Их интересовало прежде всего назначение этих весьма загадочных мест и их этническая атрибуция. Уже на карте З. Доленги-Ходаковского отмечены городища по Западной Двине до Дриссы (Верхнедвинска) *.

З. Доленга-Ходаковский относил городища к культовым местам, и этой точки зрения придерживались многие исследователи вплоть до XX в. Ее, в частности, поддерживал и развивал А. А. Спицын [102, *126]*. В этой связи интерес представляет деятельность А. К. Киркора, который на основании данных исследований, проведенных на городищах Белоруссии и Прибалтики, впервые попытался доказать, что городища—это не что иное, как поселения, убежища и культовые места [39, *8, 242]*.

В начале 50-х годов XIX в. в окрестностях Полоцка археологические памятники обследовал К. А. Говорский [16], который называет городище «Толкач» у д. Горовые.

Более значительная работа по сбору сведений о городищах на севере Белоруссии была проведена А. М. Сементовским. Его первая археологическая карта Витебщины отразила 77 памятников [94, *36],* во втором труде уже отмечено до 1200 объектов [95, 55]'. Не занимаясь раскопками, А. М. Сементовский тщательно описал и картографировал памятники Витебщины. Сведения 1873 г. о городищах и курганах Витебской губернии [85] — плод в основном его кропотливого труда, который как справочное пособие не утратил научного значения до настоящего времени.

В связи с деятельностью Археологической комиссии по подготовке и проведению IX и X археологических съездов изучение древностей на исследуемой территории несколько оживилось. Широкие археологические изыскания с целью составления археологических карт производил Ф. В. Покровский. В изданных им трудах большое количество объектов древности, в том числе и городища нынешней северо-западной части Белоруссии [78]. Несмотря на некоторые неточности, эти карты не утратили ценности до сегодняшнего дня, а обильное введение в науку памятников заслуживает самого высокого одобрения.

На конец XIX — начало XX в. приходится деятельность ряда краеведов, много сделавших для археологического изучения Витебщины-. Прежде всего следует отметить работы А. П. Сапунова, Е. Р. Романова К. Т. Аникиевича [83; 84; 82; 5].

Первым исследователем городищ северной Белоруссии можно считать профессора Харьковского университета Л. Ю. Лазаревича-Шепелевича, который произвел раскопки на городищах Марченки (Городокский район) и Юпино (РСФСР) в пределах Витебской губернии [46]. Раскоп-

---

* Карта (л. 4) опубликована в работе М. П. Погодина «Древняя русская история до монгольского ига» (М., 1871).

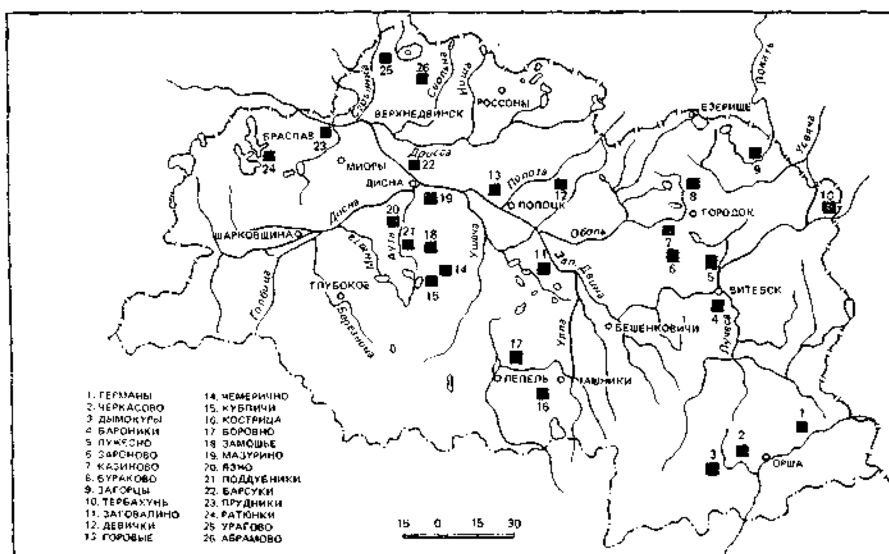

Рис. 1. Городища Белорусского Подвинья, материалы которых использованы в работе

ки велись малыми площадями и на городищах со сравнительно бедными находками, поэтому исследования оказались малоинтересными и скудость находок на долгое время отпугнула исследователей от подобного рода памятников данной территории.

Если обратиться к дореволюционным работам обобщающего характера по территории Белоруссии, то эпоха раннего железа, ввиду полного отсутствия археологических исследований, отражена слабо и схематично [123; 8; 26].

Обзор дореволюционных работ по археологии Белоруссии показывает, что уровень знаний о городищах, как, впрочем, и о периоде раннего железа в целом, был очень низким. Оставались совершенно неизвестными вопросы, связанные со временем возникновения городищ, характером материальной культуры поселений. Не было ясного представления о назначении и тем более об этнической принадлежности последних. Заслуга же дореволюционной археологии связывается с выявлением, описанием и картографированием многих археологических объектов, в том числе и городищ.

В советское время коллектив белорусских археологов начал проводить планомерные и систематические исследования Белоруссии. Большая заслуга в этом принадлежит А. Н. Лявданскому. В 1920—1930 гг. он проводил полевые работы в бассейнах Днепра, Березины, Западной Двины.

В конце 20-х—начале 30-х годов на территории северной Белоруссии было организовано несколько археологических экспедиций [27]. Самой значительной по масштабам работ была экспедиция 1933—1934 гг. под руководством А. Н. Лявданского, когда были обследованы и частично раскопаны ряд городищ верхнего и среднего течения Западной Двины вплоть до границы с Латвией (Загорцы, Мямли, Тербахунь, Старое Село, Зароново, Бураково, Полоцкое, Горовые и др.). Большие работы были проведены также и в верховьях р. Ловати [55, *210—217]*. А. Н. Лявданский рассматривал городища как центры патриархальной родовой общины. Он зарегистрировал свыше 300 городищ на Смоленщи-

не и впервые дал классификацию памятников Белоруссии и Смоленщины, разделив их на четыре хронологические группы.

В 1930 г. с появлением новых материалов А. Н. Лявданский выделяет в самостоятельные группы городища со штрихованной и гладкостенной (ныне днепро-двинской) керамикой. Тогда же были намечены их приблизительные ареалы [49, *335—337]*.

Насколько можно судить по публикациям, суммарное рассмотрение городищ с лепной гладкостенной керамикой привело А. Н. Лявданского к неправильным выводам, а именно: всю гладкостенную керамику из городищ третьей четверти I тысячелетия н. э. исследователь относил на более древние памятники, не видя различий между керамикой типа верхнего слоя Банцеровщины и гладкостенной (днепро-двинской культуры). Недостаточная степень изученности материалов не позволила ему разграничить керамические типы, характерные для отдельных периодов.

Неоспоримой заслугой А. Н. Лявданского является то, что он впервые выявил идентичность древностей Смоленского Поднепровья и Белорусского Подвинья и отнес их к одному этнокультурному массиву, принадлежавшему прибалтийским племенам [49, *336*]. Более того, он выяснил, что эти городища относятся не к узкому хронологическому отрезку времени, как предполагал А. А. Спицын, а охватывают целую эпоху, по его мнению, I—IX вв., а «может быть и более раннего времени» [54, *56]*. А. Н. Лявданским было обследовано значительное количество городищ, сделано их описание, составлены планы и собран фактический материал к характеристике материальной культуры племен, впоследствии получивших название днепро-двинских.

Определенный интерес при изучении городищ северной Белоруссии вызывают раскопки И. А. Сербова на Ушаччине и Оршанщине [96, *85—91]*, С. А. Дубинского на Оршанщине [28, *275—282;* 30, *81—83;* 29, *71—79]*.

Если в довоенные годы археологическое изучение Витебщины было поставлено на широкую планомерную основу, то этого нельзя сказать об аналогичных поселениях западных районов. Работы ограничивались небольшими обследованиями, которые осуществляли В. и Е. Голубовичи. В течение 1933—1938 гг. на территории современных Миорского, Шарковщинского, Поставского и Глубокского районов Витебской области они обследовали 72 городища с лепной гладкостенной и штрихованной керамикой [17, *126—132]*.

В последние годы изучение днепро-двинских городищ было продолжено. Так, в бассейне Верхнего Подвинья большие исследования были проведены Я. В. Станкевич [105, *82—90;* 107, *95—109;* 108]. Полученные материалы позволили ей решить вопросы взаимосвязи культуры верхнедвинских городищ с культурой городищ Верхнего Поднепровья, более четко дать их хронологию и решить некоторые вопросы этнической истории. По мнению автора, в первых веках нашей эры в Подвинье расселяются летто-литовские племенные группы, проникшие сюда с юго-запада.

На соседних территориях в бассейне р. Великой и в районе Себежа (Псковская область) исследования синхронных городищ проводили С. А. Тараканова [111, *111—127]* и Ф. Д. Гуревич [24, *95—107]*. Было установлено, что себежские городища не имеют сетчатой керамики, характерной для древнейших городищ верховьев Западной Двины, и что для них присуща слабопрофилированная гладкостенная керамика.

Тогда же о существовании особой группы верхнеднепровских городищ в пределах Белоруссии высказался А. Г. Митрофанов [62], который

в 40-х — начале 50-х годов проводил широкие археологические изыскания в западной части изучаемой территории. Помимо рекогносцировочных работ (зарегистрировано свыше 20 городищ) им были проведены раскопки на городищах Девички, Язно, Поддубники, Горовые (всего вскрыто около 1000 кв. м), материал которых значительно расширил источниковедческую базу исследуемых древностей.

В 50-х годах археологические разведки с незначительными раскопками в Белорусском Подвинье проводил Л. В. Алексеев [3, *273—315]*. *В* сводной работе, посвященной древностям Полоцкой земли, Л. В. Алексеев, говоря об этнической истории северной Белоруссии в дославянский период, выделяет западно-двинскую культуру городищ, отмечая, что она близка культуре смоленских городищ [4, *21]*.

Древностям днепро-двинской культуры большое место в своих исследованиях отводил П. Н. Третьяков. Рассматривая вопросы славянского этногенеза, он выделил смоленские городища раннего железного века в отдельную группу [114, *12—16]*, считая впоследствии, что носителями ее были раннеславянские племена [116, *85—86]*. Дальнейшее изучение материалов городищ Смоленского Поднепровья привело его к выводу о том, что весь комплекс признаков культуры смоленских городищ доказывает их балтийскую принадлежность [119, *21]*.

По мнению П. Н. Третьякова, область нижнего и среднего течений Западной Двины в значительной части входила в пределы культуры городищ штрихованной керамики, а выделенная им область городищ смоленского типа на этой реке ограничивалась с запада смоленским и отчасти витебским ее течением [119, *21]*. Тонкостенную, слабопрофилированную, неорнаментированную керамику Правобережья Западной Двины, идентичную смоленским образцам, он относит к особой группе древних городищ с тонкостенной керамикой, иногда украшенной в верхней части несложным узором из разной формы ямок, типичной для юхновских городищ. И, наконец, в 70-х годах П. Н. Третьяков делает попытку объединить древности Правобережья Западной Двины и юга Псковщины в одну археологическую культуру «типа Осынского городища» [121,2/5—2/6].

С начала 50-х годов и по настоящее время интенсивную работу по изучению древностей днепро-двинской культуры в бассейнах рек Сожа, Десны, Днепра, Западной Двины, Вазузы проводил Е. А. Шмидт. Материалы разведок и раскопок позволили сделать ему ряд выводов о времени существования культуры древних городищ Смоленского Поднепровья [141, *17]*, границах распространения городищ этого типа, характере жилых и других строений, балтской принадлежности обитателей городищ и их связях с племенами других культур [142]. *Е.* А. Шмидт специально рассмотрел вопрос об уровне развития скотоводства и земледелия у днепро-двинских племен в раннем железном веке [143, *140—153]*. Исследованию подвергался вопрос об особенностях развития днепро-двинской культуры в первых веках нашей эры [145, *102—106]*. В работе «Днепро-двинские племена в I тысячелетии н.э.» Е. А. Шмидт на основе археологического материала, собранного многими археологами, а также собственных многолетних полевых работ и исследований показывает историческое развитие племен Смоленского Поднепровья и Среднего Подвинья в I тысячелетии н. э. до образования Древнерусского государства [146].

Изучением днепро-двинской культуры занимался В. В. Седов. Используя материалы собственных изысканий на Смоленщине [87, *70—74]*

и Псковщине [90], а также результаты исследований других археологов, он публикует небольшую сводную работу о днепро-двинских городищах Поднепровья и Подвинья в I тысячелетии до н. э. [88, *116—125],* в которой дается общая характеристика городищ и их материального комплекса, обсуждаются вопросы хронологии культуры и ее принадлежности к балтскому этническому массиву. Сведения об этом В. В. Седов помещает и в монографию, посвященную истории славян в Верхнем Поднепровье и Подвинье [89], где подводит читателя к выводу о том, что носители днепро-двинской культуры явились субстратом смоленско-полоцкой группы кривичей.

Исследуя культуру штрихованной керамики в средней Белоруссии, большое внимание изучению городищ днепро-двинской культуры продолжал уделять А. Г. Митрофанов. Основываясь на новых материалах древних городищ Смоленщины и северной Белоруссии, он приходит к выводу о том, что эти древности принадлежат к общему этнокультурному массиву, названному им днепро-двинской культурой. Его точка зрения вошла в научный оборот и принята всеми исследователями. Говоря об успехах археологической науки в БССР за годы Советской власти, А. Г. Митрофанов подводит некоторые итоги изучения днепро-двинской культуры в бассейне Западной Двины и дает ее общую характеристику, называя наиболее исследованные памятники [63, *137—138].* В разделе о памятниках днепро-двинской культуры первой части работы «Очерки по археологии Белоруссии» он уточняет границы распространения этой культуры в пределах БССР, характеризует поселения в целом, жилища, хозяйство и материальную культуру, особое место уделяет описанию керамики, дает сведения об общественном строе, торговых и культурных связях. Говоря об этнической принадлежности племен, А. Г. Митрофанов относит их к балтской языковой группе [66, *213—224].*

С 1963 г. древнейшие городища бассейна Западной Двины изучал К. П. Шут, ставший со временем основным исследователем днепро-двинской культуры Белорусского Подвинья. В 1963—1968 гг. он произвел раскопки на городищах близ деревень Кубличи Ушачского района, Урагово и Абрамово Верхнедвинского, Бураково и Казиново Городокского, Заговалино Лепельского, Кострица Чашникского района Витебской области (всего вскрыто 2000 кв. м). На основании полученных материалов К. П. Шут дополняет представления о материальной культуре, хозяйстве, жилищах и общественном строе насельников изучаемого региона [154, *166—182;* 155, *406—423; 157,31—42;* 158, *262—289].* Вслед за А. Г. Митрофановым он относит памятники раннего железного века Среднего Подвинья к днепро-двинской культуре, наполняет это понятие конкретным содержанием, уточняет хронологию культуры и характер взаимоотношений ее с соседними племенами. Результаты исследований позволили ему в предварительном плане выделить в бассейне Среднего Подвинья два варианта днепро-двинской культуры — себежский и смоленский [154, *168—169].* Карта К. П. Шута значительно дополняет карту Л. В. Алексеева, общим недостатком которой является то, что она не охватывает всю территорию северной Белоруссии (ареал днепро-двинской культуры), а лишь Витебскую область в пределах 1959 г. Естественно, на ней отсутствуют данные о древних городищах по Миорскому, Шарковщинскому, Браславскому, Глубокскому и Поставскому районам, расположенным в юго-западной части области. Эти данные имеются на карте К. П. Шута. Кроме того, она содержит сведения о большом количестве новых памятников, открытых в 1963—1967 гг.

Археологическая карта БССР, составленная и опубликованная Г. В, Штыховым, включает почти все известные к настоящему времени памятники раннего железного века Среднего Подвинья [153, *31—91]* и, кроме того, содержит сравнительно полный перечень опубликованных и архивных источников о них. Однако и эта сводка требует значительного уточнения. Занимаясь раскопками раннесредневековых древностей на территории северной Белоруссии, Г. В. Штыхов изучал наслоения днепро-двинской культуры на Полоцком и Лукомльском городищах, а также на городищах близ Кострицы (1965 г.), Бороники (1965—1972 гг.), Лужесно (1970, 1972гг.).

В связи с подготовкой третьего тома «Памятников истории и культуры БССР» сотрудниками сектора археологии Института истории АН БССР в 1971 —1972 гг. проводилось сплошное обследование территории Витебской области. В результате этой работы собран большой ценный материал, включающий в себя данные внешнего обследования и топографии городищ. Это позволяет внести ряд существенных изменений и дополнений к характеристике памятников раннего железного века данной территории.

Таким образом, усилиями исследователей почти за столетний отрезок времени были собраны различные и обширные материалы, позволившие составить представление об истории и культуре большой группы племен, населявшей в раннем железном веке Белорусское - Подвинье. Но ряд проблем, связанных с изучением днепро-двинской культуры, пока не может быть решен. Тем не менее постановка их вполне закономерна, а предварительное решение до некоторой степени уже возможно. Вызывают интерес аспекты, связанные с развитием основных производящих отраслей хозяйства (скотоводства, земледелия). Далеко не ясен удельный вес и характер таких отраслей, как охота, рыбная ловля, собирательство, бортничество. Если наличие домашних ремесел у днепродвинцев не вызывает никаких сомнений, то ряд вопросов остаются в археологической литературе еще открытыми: в их числе — технология отдельных производств, источники сырья для цветной металлургии и т. д. Совершенно неизвестными являются погребальные памятники. Ввиду неизученности памятников эпохи бронзы остается открытым вопрос о происхождении днепро-двинской культуры. Немало проблем в области классификации городищ, закономерности их размещения и застройки, в области общественных отношений и религиозных верований. Этнические вопросы в какой-то степени уже решались, но и здесь еще много неясного. Другими словами, в истории днепро-двинских племен очень много нерешенных проблем, и связаны они прежде всего со слабой степенью изученности территории распространения культуры, несмотря на то что Среднее Подвинье изобилует большим количеством памятников периода раннего железного века. Большая часть материалов, полученных исследователями этой территории, так и не была введена в научный оборот, а некоторые важные вопросы, касающиеся материальной культуры, датировок, территории, хозяйства и общественного строя, локальных особенностей, все еще не получили должного освещения. Автор настоящей книги в известной степени стремился восполнить этот пробел.

Памятники раннего железного века северной Белоруссии представляют значительный интерес не только для характеристики первобытнообщинного строя данного региона в целом, но и для решения важных вопросов балто-славянских взаимоотношений, имевших место в более позднее время.

С 1974 г. изучением памятников днепро-двинской культуры на севере Белоруссии занимается автор. К настоящему времени обследован ряд городищ в бассейне полоцкого течения Западной Двины до границы с Латвийской ССР.

Материалы разведок позволили уточнить западную границу днепро-двинской культуры. На одном из открытых городищ близ д. Барсуки Верхнедвинского района производились в 1975—1976 гг. раскопки (420 кв. м), материал которых вызывает определенный интерес и особенно для изучения оборонительных сооружений городищ данного региона [131, *419*]. С 1977 г. и по настоящее время автором ведутся исследования городища близ д. Замошье Полоцкого района. Результаты раскопок помогают более четко характеризовать материальную культуру днепро-двинских племен на ранних этапах [135, *27—29*]. На основе новых данных, выявленных автором и другими исследователями, составлена археологическая карта городищ Белорусского Подвинья, отражающая сведения последних лет. Рассматривая такие факторы, как размещение, форма площадки, вид оборонительных сооружений, автор произвел предварительную классификацию городищ севера Белоруссии [134, 77—83].

Суммирование и анализ имеющихся материалов позволили по-новому осветить ряд моментов в истории днепро-двинских племен, и прежде всего в вопросах материальной культуры, датировок, уровня хозяйственной деятельности, периодизации и локальных особенностей днепро-двинской культуры.

Глава 1

ПОСЕЛЕНИЯ И ЖИЛИЩА

1. ТОПОГРАФИЯ ПОСЕЛЕНИЙ

Основным типом поселений у племен днепро-двинской культуры Белорусского Подвинья были укрепленные поселки—городища. Открытые и неукрепленные поселения — селища, существовавшие одновременно с городищами или предшествовавшие им, на изучаемой территории пока не выявлены.

Вероятно, племена днепро-двинской культуры, во всяком случае до III—IV вв. н. э., проживали главным образом, а может быть исключительно на укрепленных поселениях. Согласно сведениям, которыми мы располагаем, в Белорусском Подвинье насчитывается к настоящему времени 246 городищ. Для их сооружения выбирались возвышенные места у берегов рек и водоемов и чаще всего недалеко от мест впадения небольших речек или ручьев в более крупные реки или озера, в тех местах, где имелись значительные пойменные площадки. Видимо, с целью безопасности люди предпочитали селиться несколько поодаль от берегов больших рек с открытой поймой, предпочитая им более глухие, укрытые среди лесов возвышенные места у небольших речек, ручьев или озер. Весенние разливы крупных рек, затоплявшие огромные площади, безусловно, также брались в расчет при выборе места поселения. Прежде всего поселенцы старались найти такое место, которое бы было как можно лучше защищено природными условиями, т. е. с наличием естественных преград в виде водоемов, оврагов, крутых склонов и т. п.

Каких-либо локальных различий в устройстве городищ Белорусского Подвинья не наблюдается. Имеющиеся же обусловлены особенностями рельефа местности (рис. 2—7, 11). Север изучаемого региона изобилует всхолмлениями ледникового происхождения, поэтому здесь встречаются городища, устроенные на ледниковых останцах-холмах. В остальной же части преобладают мысовые поселения (табл. 1).

Таблица 1

Городища Белорусского Подвинья

Типы	Количество (наличие сведений)	%	Примечание
Холмовые	130	77,3	
Мысовые	38	22,7	
Всего	168	100	

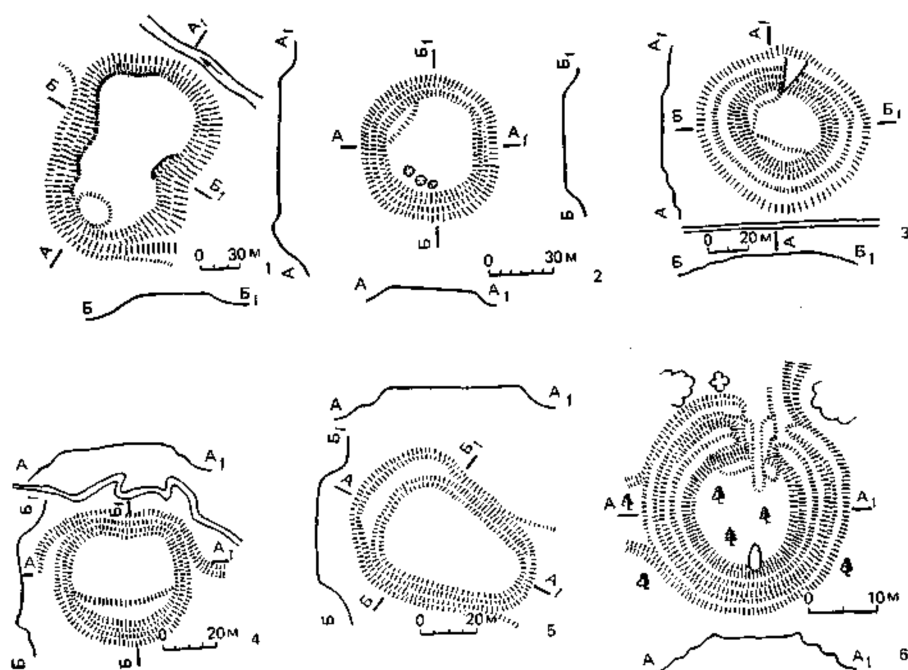

Рис. 2. Типы городищ северной Белоруссии: 1—Прудники, 2 — Соболевщина, 3 — Понизово, 4 — Боровно, 5 — Азяруты, 6 — Асиновик-Новоселки

Нанесение на карту известных в настоящее время древних городищ показывает, что они распределяются на территории Белорусского Подвинья (современная Витебская область) далеко неравномерно. В районах (Лиозненский, Сенненский, Глубокский, Поставский), где преобладает равнинный (без холмов и удобных под поселения мысов) ландшафт, городищ сравнительно мало. В то же время в районах (Городокский, Россонский, Ушачский, Миорский, Верхнедвинский, Браславский и др.) с холмисто-озерным ландшафтом подобных поселений значительно больше. Причем в большинстве случаев они располагаются не равномерно, а отдельными группами. Выделяются группы, объединяющие два, три и более городищ. Подобное распределение городищ уже отмечалось П. Н. Третьяковым для Верхней Волги [115, *38]* и среднего течения Оки [113, *154—157].* Ранее это наблюдение было высказано А. А. Спицыным [103, *91—93].* «Гнездовое» размещение городищ характерно для племен

Таблица 2

Площадки городищ Белорусского Подвинья

Форма	Количество	%	Примечание
Круглая	29	24	
Овальная	87	61	
Треугольная	10	8	Углы закруглены
Прямоугольная	8	7	»
Всего (наличие сведений)	126	100	

средней Белоруссии [62, *9*], Верхнего Подвинья [108, *20*], Верхнего Поднепровья [141, *6*]. Форма площадки городища зависела от конфигурации выбранного участка и характера оборонительных сооружений на вершине. Чаще всего встречается овальная форма (табл. 2).

Поверхность площадки зависела от продолжительности жизни на поселении. С течением времени все неровные места постепенно нивелировались. На мысовых городищах, заселяемых долгое время, площадка, как правило, ровная и часто с наклоном в сторону стрелки мыса. Городища же, устроенные на холмах, чаще имеют сравнительно ровные, т. е. горизонтальные, площадки, например, Язно, Горовые, Барсуки, Понизово и др. Размеры площадок сравнительно небольшие. Длина от 20 до 50 м, бывает до 70 м. Ширина обычно составляет от 20 до 40 м, но в отдельных случаях достигает более 50 м. Почти половина городищ, по имеющимся данным, имеет площадь от 500 до 1500 кв. м (табл. 3). Чаще всего это ранние поселения, жизнь на которых прекращается в первых веках нашей эры. С течением времени площадка городища увеличивается. Некоторые поселения, содержащие материалы железного века, впоследствии становятся укрепленными центрами будущих городов (Полоцк, Витебск, Лукомль).

Таблица 3

Распределение городищ Белорусского Подвинья по величине площадки

Площадка, кв. м	Количество (наличие сведений)	%
до 500	6	3,19
501—1000	25	13,29
1001—1500	50	26,59
1501—2000	23	12,23
2001—2500	22	11,8
2501—3000	14	7,44
3001—3500	11	5,85
3501—4000	7	3,72
4001—4500	5	2,66
4501—5000	7	3,73
5001—6500	1	0,44
6501—7000	2	1,08
Свыше 7000	15	7,98
Всего	188	100

2. ОБОРОНИТЕЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ

Появление городищ обусловлено усилением процесса распада первобытнообщинного строя. Рост производительных сил, главным образом в скотоводстве и земледелии, способствовал появлению и углублению противоречий между родами и племенами, что влекло за собой усиление военной опасности. Возникает необходимость устраивать поселения в укрепленных природой местах и, более того, с течением времени по мере необходимости сооружать искусственные оборонительные укрепления. Эти сооружения устраивались с таким расчетом, чтобы наиболее эффективно защитить поселение от нападающих.

Изучение городищ днепро-двинской культуры позволило выделить хронологическую последовательность в строительстве оборонительных сооружений на них. Сложная система укреплений возникла не сразу и прошла в своем развитии несколько этапов. На раннем этапе, приблизительно с VIII—VII вв. до н. э. и до V—IV вв. до н. э., поселенцы, избравшие для места жительства высокий мыс или вершину холма, еще не строили никаких земляных укреплений. Раскопки на большинстве городищ показали, что нижние горизонты культурных отложений находятся под насыпью первоначального внутреннего вала. Так, на Черкасовском городище, нижний культурный слой лежит на песке, на себе же имеет незначительные остатки древнего гумусного нарастания под южным валом и более значительные (до 20 см толщиной) под северным валом;

над гумусом нижнего слоя залегает слой более светлой почвы с прослойками земли, песка и глины [29, 75], и далее, «на природном мысу между двумя долинами первонасельниками городища, как сообщает С. А. Дубинский, сначала не было сделано никаких укреплений его, кроме только выравнивания площадок...» и «через некоторое время только на северо-восточной стороне был построен вал...» [29, 75]. Подобное зафиксировано и при раскопках Германовского городища Оршанского района. Раскопками установлено, что «первоначальное население Германовского городища не сделало на нем никаких укреплений» [30, *83]*. Аналогичное явление зафиксировано раскопками А. Г. Митрофанова, К. П. Шута и автора. Так, стратиграфия городища Кострица показывает, что западная часть площадки неоднократно подсыпалась с целью искусственно повысить и сделать более крутым этот наиболее доступный край поселения. Площадка первоначально была огорожена по периметру деревянной оградой. От этой изгороди сохранились остатки обгорелых бревен, скопления углей, остатки ям диаметром от 0,2 до 0,5 м и глубиной 1 —1,2 м в материке [186, д. 257].

Оборонительные укрепления сводились к подсыпке краев площадки и сооружению деревянных изгородей вокруг нее. Следы таких сооружений обнаружены при раскопках городища Заговалино Ушачского района. Из профиля стенок раскопа видно, что край площадки дважды подсыпался (рис. 5), в результате чего образовалось возвышение, где выявлены следы столбов от деревянной ограды [186, д. 273]. В этой связи интерес вызывает наблюдение К. П Шута над столбовыми ямами, обнаруженными на городище Кострица Лепельского района. По его мнению, эти ямы, расположенные в два ряда по краю площадки, являются следами от разновременных древних оград. Причем наиболее древней, т. е. первоначальной изгородью, является та, которая располагалась несколько дальше *от*

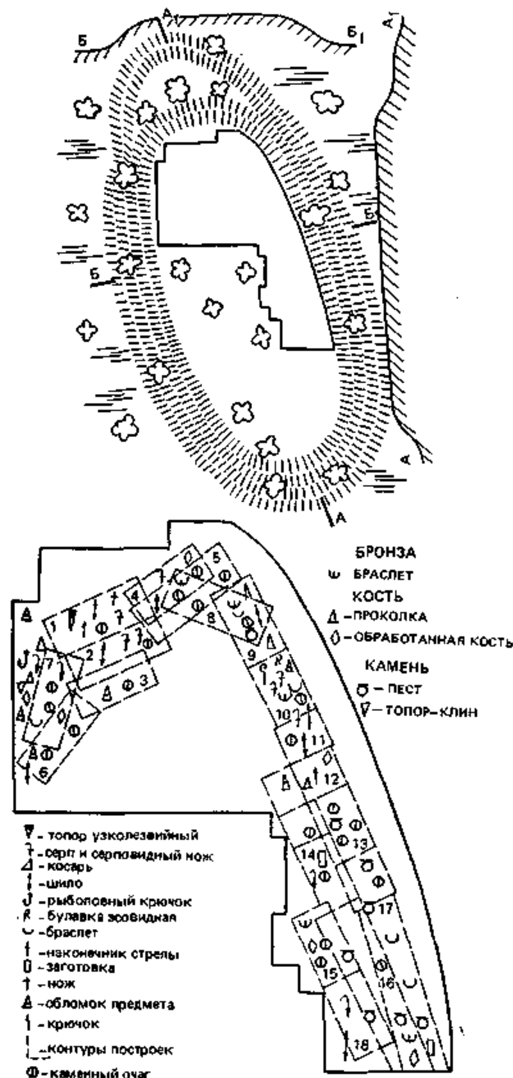

Рис. 3. Кубличи. Планы городища раскопа и жилищ с находками (по К. П. Шуту)

края площадки. Это доказывается тем, что ямы данного ряда диаметром 0,2—0,3 м глубже входят в материк—на 1,1 —1,3 м. От этой изгороди сохранились остатки обгорелых бревен, скопления углей. За счет подсыпок и укрепления краев произошло расширение площадки, и ограда была отнесена на 1—2 м ближе к краю площадки. Столбы второй изгороди уже сравнительно неглубоко проникали в материк

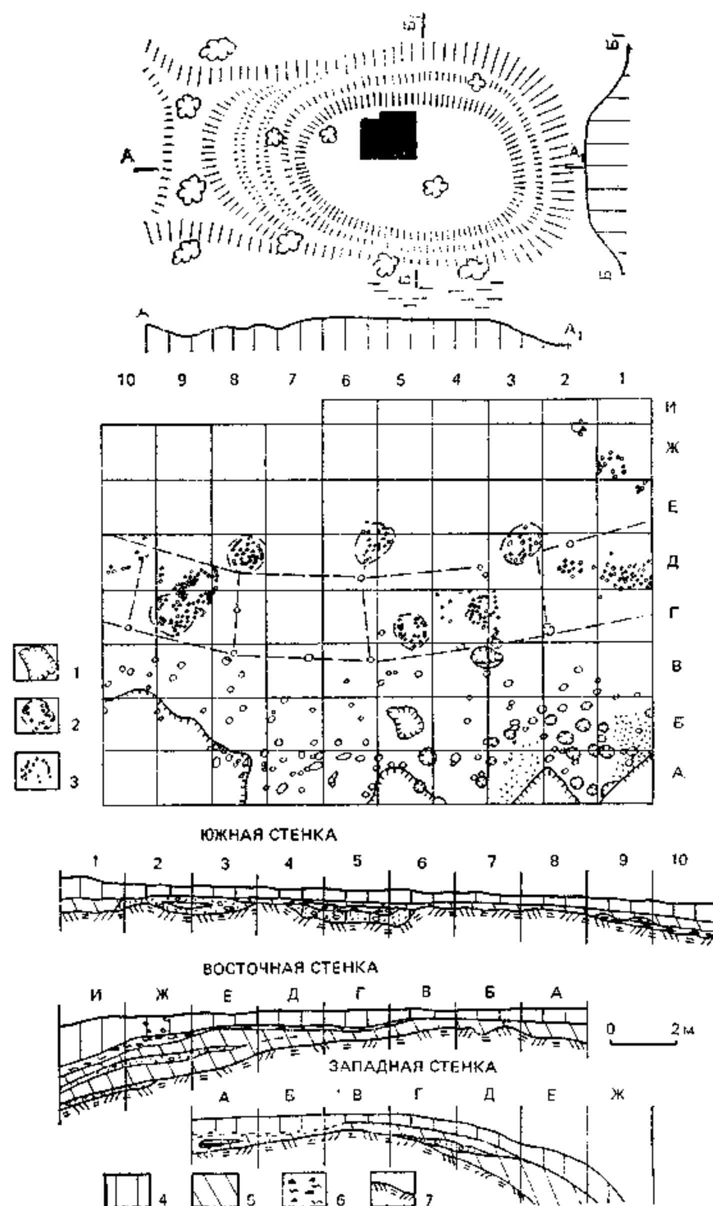

Рис. 4. Урагово. Планы городища, раскопа и профили стенок: 1 — ямы, 2 — очаги нижнего горизонта, 3 — очаги верхнего горизонта, 4 — культурный слой черной окраски, 5 — культурный слой темно-серой окраски, 6 — уголь, зола, 7 — материк (по-
К. П. Шуту)

(0,5—0,7 м) [186, д. 257, рис. 5]. Таким образом, первое укрепление в виде изгороди было построено в начальный период жизни на городище, т. е. в середине I тысячелетия до н. э. Трудно судить о характере этих деревянных сооружений. Можно лишь на примере городища Кострица предполагать, что это были заборы, которые состояли из ряда поставленных бревен или кольев, к которым крепились горизонтально положенные бревна или плахи. Следы подобных укреплений обнаружены на Смоленщине (городища Мокрядинское, Новые Батеки, Наквасино) [140, *148—149,* рис. 5]. Остатки защитной стены из бревен, сооруженной в начальный период жизни, обнаружены и на Асотском городище в Латвии [148, *223]*. А. Г. Митрофанов подобные городища, которые укреплялись по краю лишь деревянной стеной, рассматривает как поселения переходного характера — от неукрепленных к укрепленным [67, *10]*.

Дальнейшее усиление разложения патриархально-родовых отношений с постоянно возраставшими военными опасностями вызвало необ-

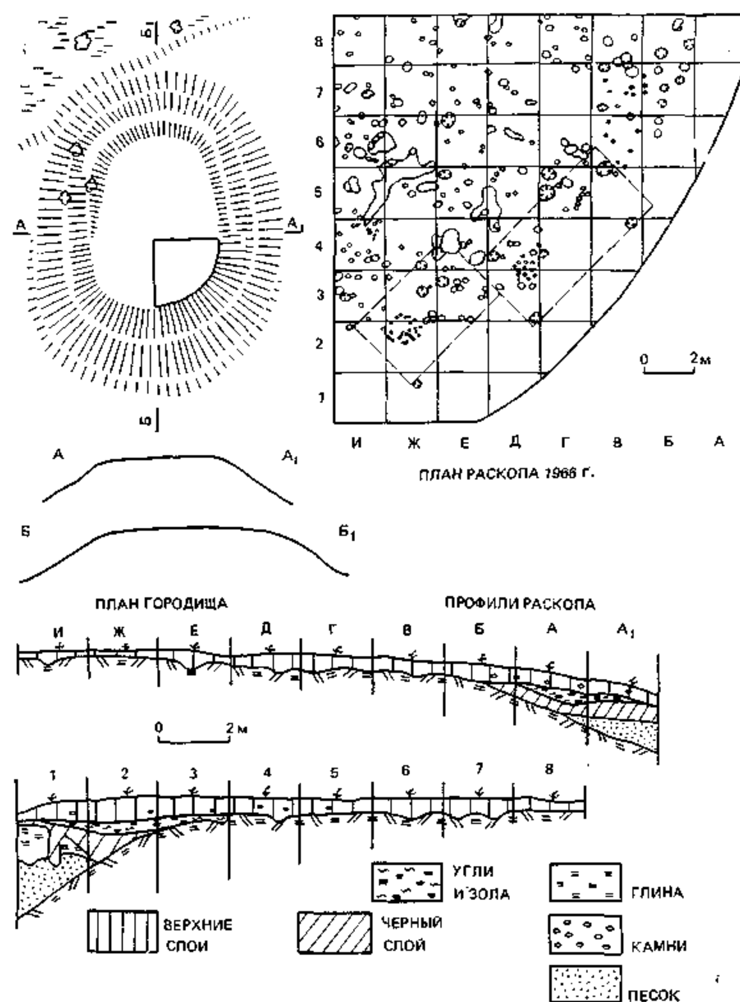

Рис. 5. Городище Заговалино Ушачского района (по К. П. Шуту)

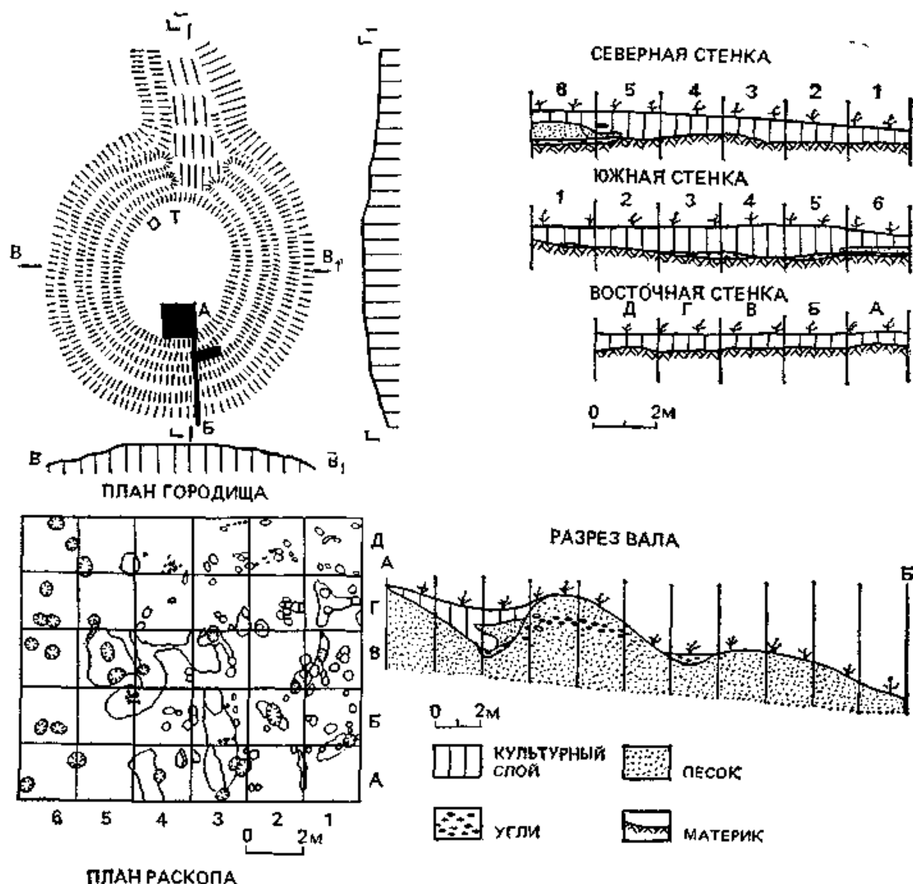

Рис. 6. Абрамово. Планы городища, раскопа и профили стенок. Разрез вала

ходимость дополнительного укрепления поселений. Возникает сложная оборонительная система в виде земляных валов и рвов. Первоначально, примерно с IV в. до н. э. до рубежа нашей эры, по краю площадки сооружался вал, земля для которого бралась как с самой площадки, так и со склона. В результате на склоне образовывался ров. Изучение вала на городище близ д. Мазурино Миорского района показало, что при сооружении вала использовались дерновины. Остатки вала подобной конструкции зафиксированы с находками древнейшей керамики и вещевым материалом второй половины I тысячелетия до н. э. [183, д. 473, рис. 23]. Такое явление фиксируется на древних верхнеднепровских городищах и особенно ярко на Мокрядинском городище Смоленщины [140, *147,* рис. 3; 119, *45, 72—73]*. Исследования показывают, что с рубежа нашей эры, т. е. в последний или поздний период существования культуры, днепродвинские городища укрепляются максимальным образом, превращаясь в поселки-крепости с развитой фортификационной системой.

Городища, устроенные на мысах, которые раньше имели небольшие валы со стороны поля, укрепляются мощными валами и рвами в два, три и более рядов. Холмовые городища обносятся на склонах кольцевыми, а у подножия иногда дополнительными дугообразными валами.

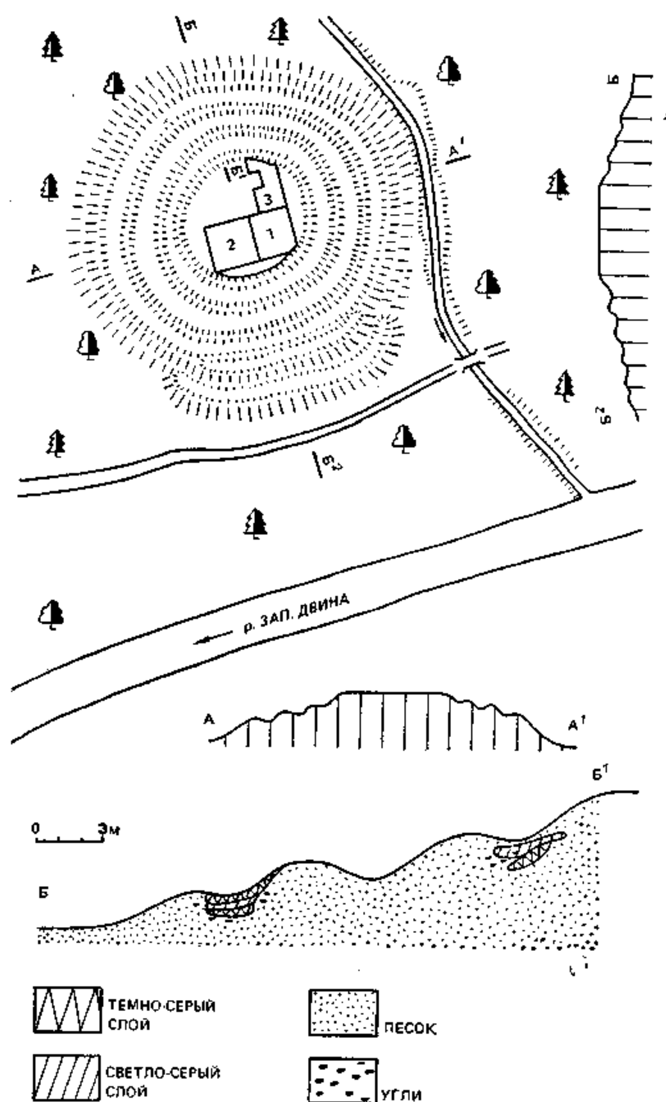

Рис. 7. Барсуки. План городища и разрез валов

К числу поселений со сложной и, несомненно, разновременной системой укреплений относится городище Поддубники Миорского района. Высокий мыс, защищенный с северо-запада глубоким рвом, а с запада — долиной р. Ауты, вначале имел небольшой вал по периметру. Во II—I вв. до н. э. на пологом склоне со стороны р. Ауты был насыпан вал и вырыт ров, а с напольной стороны были сооружены пять валов (до 2,5 м от дна рва) и четыре глубоких рва между ними [183, д. 147].

Для характеристики мощности укреплений городищ этого периода можно указать на городище у д. Зароново Витебского района. По краю площадки насыпан вал, который достигал больших размеров на южной и особенно северной стороне, доходя здесь до 5 м. По склону также шел

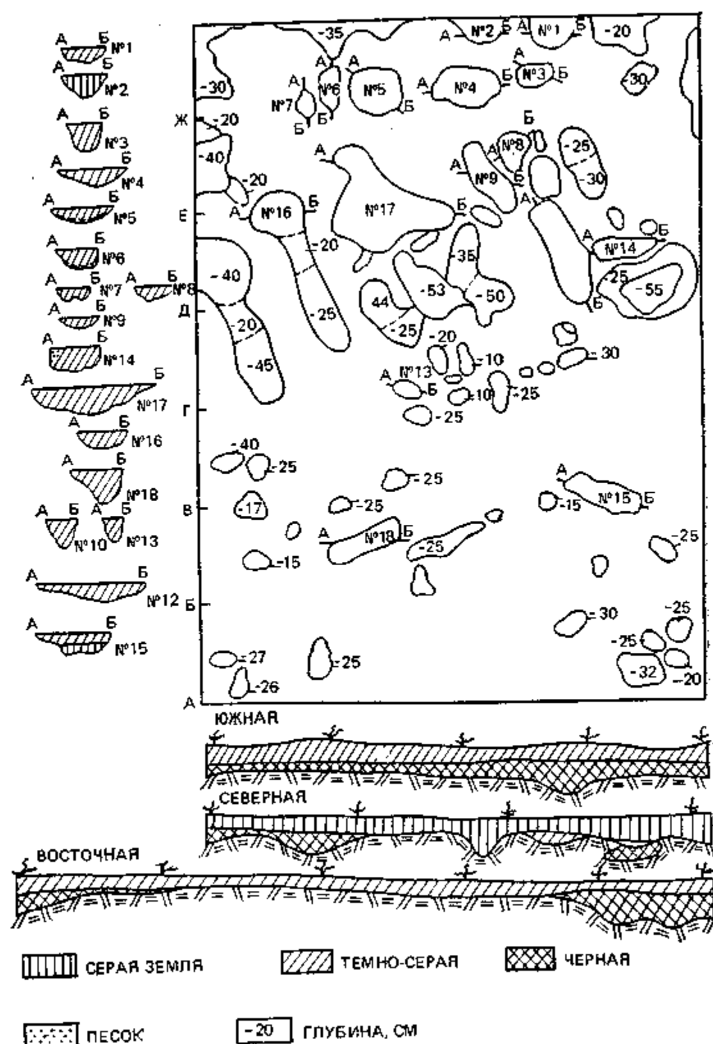

Рис. 8. Барсуки. План раскопа № 1 и профили стенок

вал, переходя местами в террасу. Ниже располагались еще два вала со рвами, и замыкал вход на площадку сооруженный позднее огромный вал курганообразной формы [186, д. 237].

Изучая оборонительные укрепления на Язненском городище, А. Г. Митрофанов обнаружил, что они сооружались в несколько приемов и в разное время. Вначале оно не имело земляных укреплений, а было защищено лишь деревянной стеной, остатки которой в виде обгорелых плах и скоплений углей и золы обнаружены по краям площадки в основании культурного слоя. С течением времени это поселение укрепляется валами, насыпанными из глины, но не по всему краю площадки, а только с менее укрепленных сторон — северной и южной. На гребне валов и по краю площадки была построена деревянная стена, которая, как и первая, погибла при пожаре, после чего были насыпаны новые валы и вы-

рыты глубокие рвы на северном, западном и восточном склонах. Кроме того, был насыпан вал и вырыт второй ров с открытой, южной стороны [66, *216*].

Типичным холмовым городищем, имеющим развитую систему оборонительных укреплений из трех кольцевых валов на склонах, является городище Барсуки Верхнедвинского района (рис. 7—10). Следует добавить, что помимо этого с южной и юго-восточной сторон имеются два дополнительных вала. Первый кольцевой вал расположен в 2—2,5 м ниже края площадки городища. Его ширина по основанию равняется 4_ 5 м, а высота от дна первого рва — от 1 до 1,5 м. Сохранность вала хорошая. Второй кольцевой вал проходит ниже первого на 1 —1,5 м и отделен от него глубоким (до 2 м) и широким (от 2 до 4 м) рвом. Ширина вала в основании от 5 до 7 м, высота со стороны дна второго рва от 1,5 до 2,2 м, а относительно дна третьего рва его высота достигает от 2 до 3,2 м. В юго-западной части вал разрушен ямой, длина которой в мак-

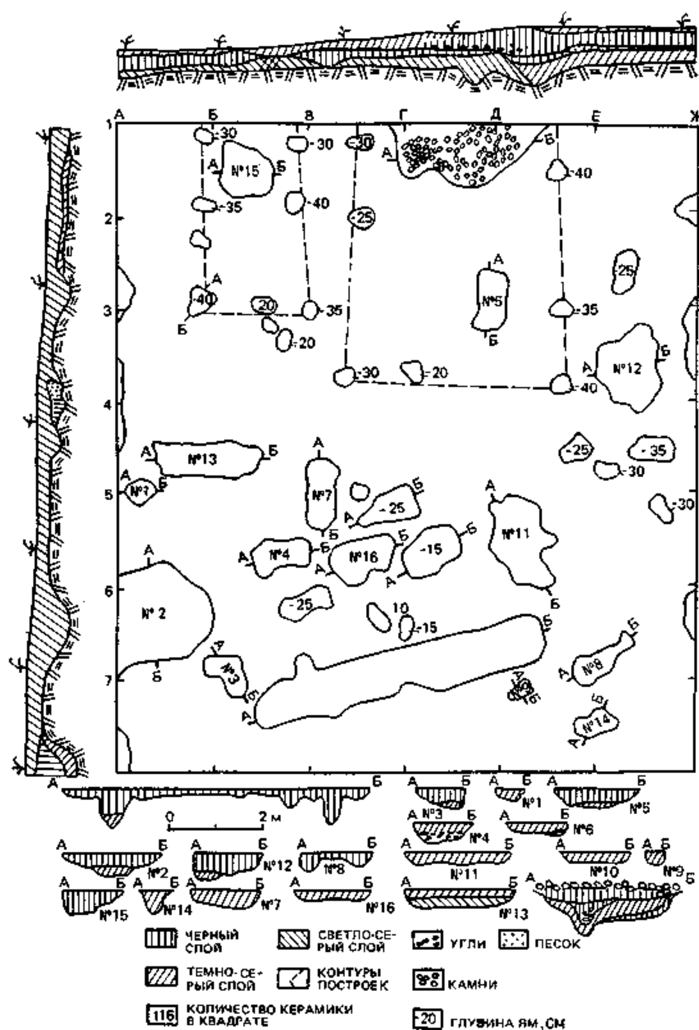

Рис. 9. Барсуки. План раскопа № 2 и профили стенок

симальном поперечнике до 2,5 м, а глубина до 2 м. Третий кольцевой вал находится ниже гребня второго вала на 1,5 м. Ширина его у основания до 5 м, а высота от дна третьего рва в южной и юго-восточной части 1,3 м и в остальных местах до 2,3 м. Дополнительные два вала, опоясывающие южный и юго-восточный склоны городища, значительно меньше кольцевых. Четвертый и пятый валы расположены соответственно на 0,7 и 0,8 м ниже третьего вала. Эти валы более оплывшие и не имеют четкой конфигурации. Длина четвертого вала по гребню составляет 45 м,

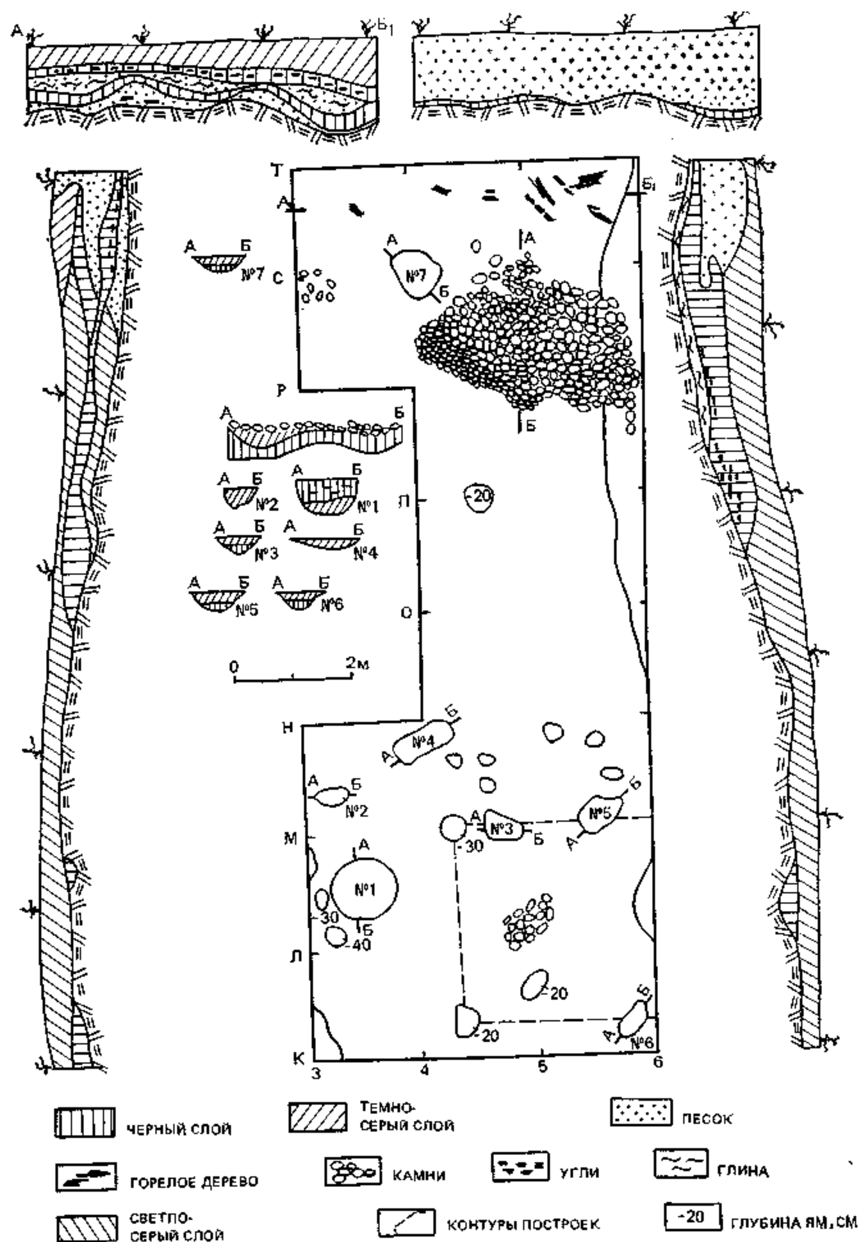

Рис. 10. Барсуки. План раскопа № 3 и профили стенок

а пятого — 60 м. Высота их от дна пятого рва соответственно равна 1,4 и 9,0 м, а ширина у основания — 6 и 5 м. За валами идет спуск длиной 10—15 м, который понижается на 0,2—0,3 м через каждый метр [184, д. 525].

Следует отметить, что с той стороны, где городище не укреплено двумя дополнительными валами, выявлен внутренний вал по краю площадки. Причем его стратиграфия в северной части площадки дала четкую картину этапов оборонительных сооружений (рис. 10). Первоначально по краю поселения была сооружена оборонительная стена из толстых бревен диаметром до 0,2 м. Остатки от сгоревших бревен обнаружены на глубине 1—1,2 м вместе с архаичной керамикой I тысячелетия до н. э. Дальнейшее укрепление края площадки шло за счет подсыпки сначала песка, извлеченного при рытье рва (этот слой составил 0,3—0,45 м), затем культурного слоя из площадки городища (толщина до 0,25 м) и, наконец, за счет углубления рва [184, д. 535]. По два мощных кольцеобразных вала с рвами между ними есть на городище у д. Понизово Миорского района (рис. 2). Из трех кольцевых валов к рвов (глубиной до 3 м) состоит оборонительная система на Абрамовском городище Верхнедвинского района (рис. 6).

Рис. 11. План городища Замошье Полоцкого района

Изучение оборонительных сооружений ряда городищ показывает, что сложную структуру обычно имеет только внутренний вал, а наружные почти всегда насыпаны из одного грунта и явных следов многократных перестроек в них не замечено. Так, на городище Барсуки разрез трех валов показал, что они насыпаны из однородного грунта — желтого песка. Подобное наблюдается и на городище у д. Абрамово. Здесь разрез оборонительной системы показал, что она сооружалась в одно время, а следы последующей перестройки прослежены только на внутреннем валу [186, д. 273, рис. 23]. Это еще раз доказывает, что укрепления очень долгое время были простыми и только в последний период существования городищ днепро-двинской культуры сложилась более сложная система оборонительных сооружений (табл. 4). Деревянные оборонительные сооружения изменялись с течением времени. Об изгородях вдоль края площадки, служивших первоначальными укреплениями, мы уже упоминали. Однако характер деревянных сооружений, связанных с земляными валами, для изучаемой территории остается невыясненным. В,идимо, они имели такой же облик, как и на смоленских городищах [119, *74—75,* рис. 35]. Для внутреннего вала — это массивные столбы, перед которыми положены плахи и присыпана внутренняя часть вала. Подобная стена с одной стороны задерживала насыпь вала от оползания на площадку городища, а с другой служила опорой и внешней стеной постройки. Основу деревянных сооружений на гребне вала составляли массивные стол-

бы, к которым прикреплялись горизонтально положенные бревна, составлявшие сплошную стенку.

Следует отметить, что на изучаемой территории имеется ряд городищ, которые на протяжении всего периода существования культуры не имели вообще земляных укреплений. Связано это с тем, что хорошая природная защищенность места не требовала от людей строительства оборонительных сооружений. Примером могут служить городища Заговалино, Горовые, Девички, Замощье, Кубличи. Здесь не было земляных укреплений, хотя материалы, полученные при раскопках, были разновременны.

Таблица 4

Характер оборонительных сооружений городищ Белорусского Подвинья

Оборонительные сооружения	Количество городищ (наличие сведений)	%
Ров	15	12,4
Вал	5	4,1
Вал и ров	35	28,9
Система валов и рвов (два и более)	58	49
Без искусственных сооружений	8	6,6
Всего	121	100

В целом же большинство изучаемых городищ имеет разновременную систему укреплений, которая отражает хронологические этапы оборонительного зодчества населения. Фортификация поселений прошла путь от простых несложных укреплений до использования сложной оборонительной системы. Безусловно, здесь имеют место ряд особенностей как конструктивного, так и хронологического порядка. Это обусловливалось рядом причин географического, социального и политического характера. Учитывая топографию поселений и характер оборонительных сооружений, большинство известных городищ Белорусского Подвинья по их месту расположения можно подразделить на два типа: холмовые и мысовые. По характеру же оборонительных укреплений каждый из них также имеет разновидности. Холмовые—без искусственных земляных укреплений, когда увеличена крутизна склона и есть естественные преграды (Замошье, Горовые, Девички, Кубличи и др.) (рис. 2, 3); с валом на площадке (Прудники) (рис. 2); с одним или несколькими кольцевыми валами и рвами на склоне (Понизово) (рис. 2); с кольцевыми и дополнительными дугообразными валами (Барсуки) (рис. 7). Этот тип — самый распространенный в Белорусском Подвинье и составляет примерно 2/3 всех городищ региона. Мысовые имеют два подтипа: городища, устроенные на широких мысах, ограниченных двумя почти параллельно идущими оврагами, которые самостоятельно впадают в главный овраг или в пойму водоема; городища на мысах при слиянии двух оврагов. Все стороны городищ данного типа, кроме той, которая соединяется с плато коренного берега, хорошо защищены крутыми склонами. Напольная сторона укреплялась искусственно. В зависимости от характера оборонительных сооружений на площадке можно выделить городища, имеющие а) внутренний вал (Боровно, Осетище) (рис. 2); б) вал, который

расположен сразу за внутренним валом или иногда на некотором расстоянии от него, ограничивая ровную площадку (Озеруты) (рис. 2); в) валы, которые объединяются во взаимосвязанную оборонительную систему (Асиновик-Новоселки) (рис.2).

На севере Белоруссии встречаются городища, которые нельзя отнести к выделенным выше типам с их разновидностями без существенных оговорок. Есть небольшая группа поселений, где с одной стороны природной преградой является река, а с другой стороны — обрыв. Незащищенные стороны укреплены рвами и валами полукруглой формы. Такие городища встречаются на берегах Западной Двины (Мазурино Миорского района, Юстианово Верхнедвинского района). Слабая изученность этих памятников не позволяет пока выделить их в особый тип с разновидностями укрепленных сооружений.

Таким образом, рассматривая основные элементы, связанные с размещением, формой площадки, видом оборонительных сооружений, их соответствием стратегическим целям, все известные городища Белорусского Подвинья в основном укладываются в приведенную схему. Однако необходимо отметить, что это только предварительная классификация, и она еще не отражает всего разнообразия элементов, характерных для днепро-двинских городищ Белорусского Подвинья.

3. ЖИЛИЩА

Изучение городищ Белорусского Подвинья показывает, что достоверные сведения о наличии жилых построек нам дают материалы, начиная с V в. до н. э., которые свидетельствуют о существовании наземных сооружений столбовой конструкции. Следует отметить, что степень изученности этих древностей на рассматриваемой территории остается еще недостаточной. Следы жилых построек прослежены почти на всех исследованных городищах. Однако четко выраженных остатков жилищ, по которым можно было бы восстановить их характерные конструктивные особенности или определить хронологические этапы в технике домостроительства, в нашем распоряжении пока нет. Неизвестен и тип жилищ самого раннего периода. В этой связи вызывают интерес выявленные на городище Замошье округлые ямы диаметром 2,5—3 м и глубиной 0,6—1 м, заполненные черной землей с углями. Ямы располагались на материке по краю площадки (рис. 12). Особо следует отметить яму № 1 в кв. Б/1, 2 (рис. 13) (раскоп № 2). Она была круглой в плане, диаметром 3,5 м и чашеобразной в профиле, глубиной 0,6 м. Ее заполнение составляла интенсивно черная земля с большим содержанием углей. В яме были обнаружены фрагменты от крупных гладкостенных сосудов баночной формы, большое количество костей животных, разнообразные целые и фрагментарные изделия из кости и камня: проколки, долотца, булавки с отверстием в головке, наконечник стрелы, два клиновидных топорика, высверлина и пест. Подобный материал выявлен и в других ямах. Возле них зафиксированы скопления обгоревших камней. Безусловно, ямы эти относятся к самому раннему периоду обитания на городище, а анализ всех данных позволяет высказать предположение, что они являются остатками жилищ — землянок, которые обычно реконструируют в виде шалаша с конической крышей [11, *73]*. Следы подобных ям-землянок выявлены на поселениях первой половины I тысячелетия до н. э. в Верхнем Подвинье [108, *34],* в Латвии [11, *73;* 22, рис. 4]. Что же касается наземных четырехугольных жилищ столбовой конструкции, то сущест-

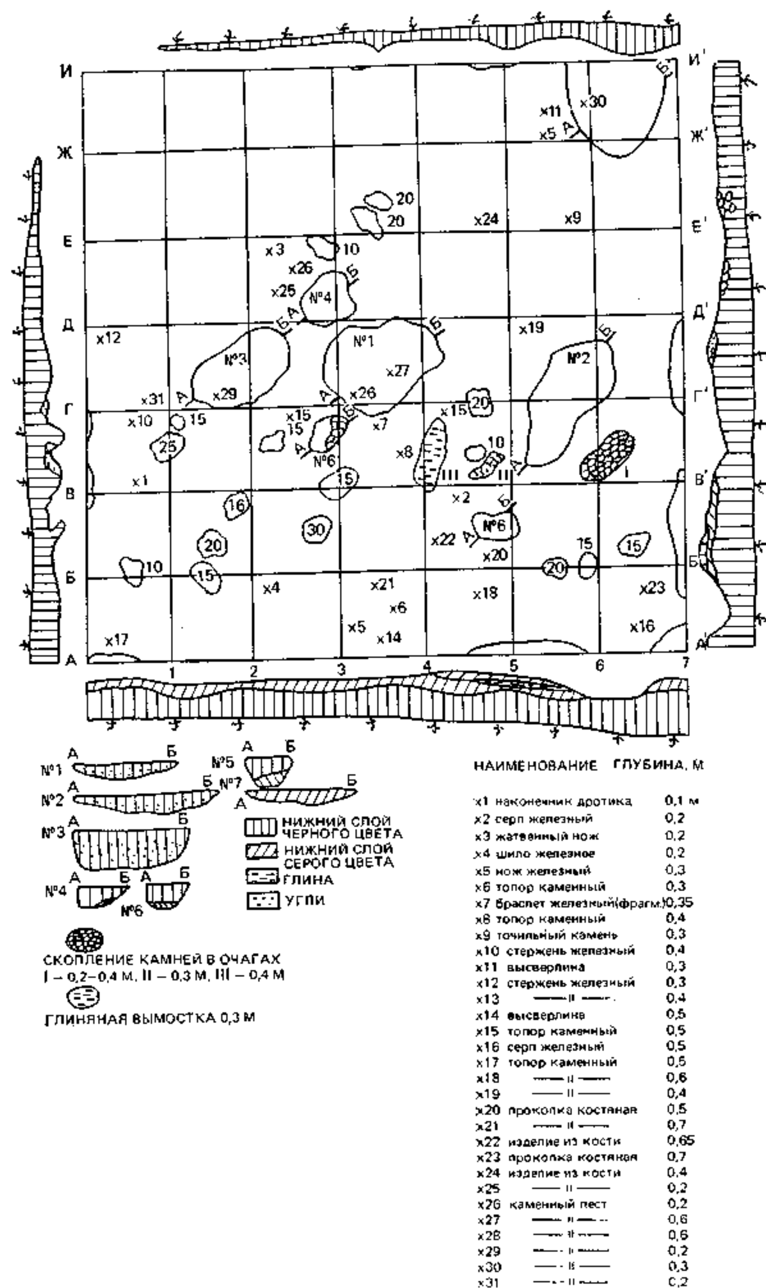

Рис. 12. Замошье. План раскопа 1977 г. (раскоп № 1) и профили стенок

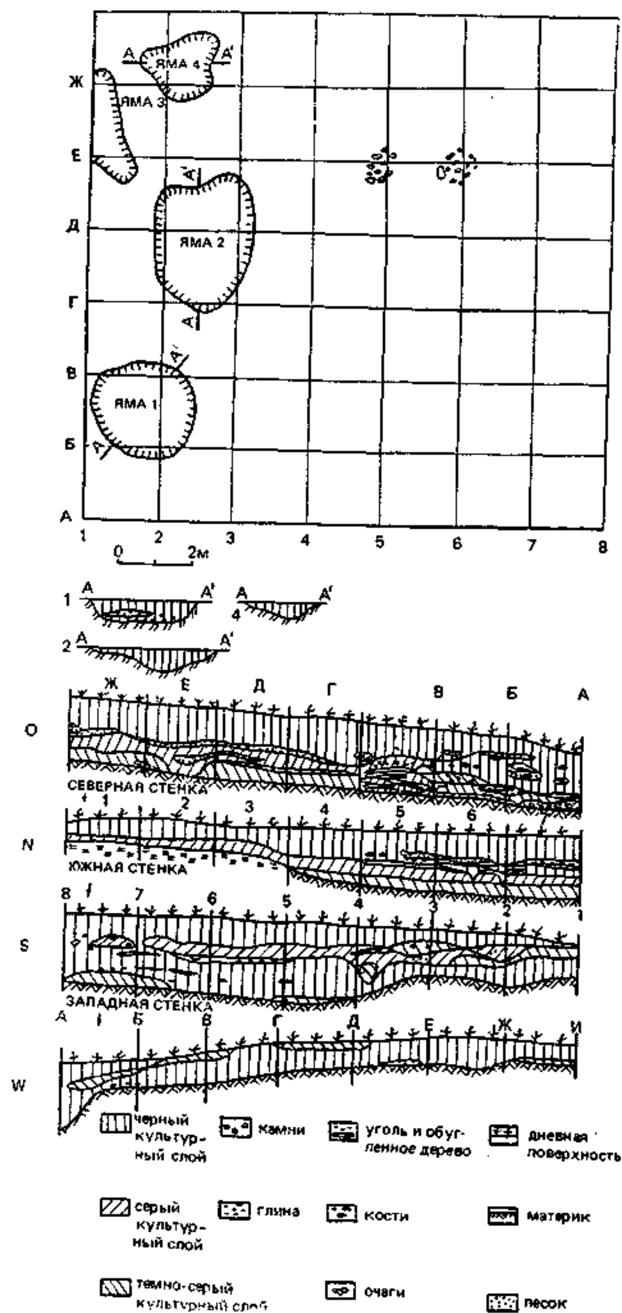

Рис. 13. Замошье. План раскопов 1978, 1979 гг. (раскоп № 2) и профили стенок

вование этих построек на городищах подтверждается наличием в материке столбовых ям. Следует отметить, что на днепро-двинских памятниках северной Белоруссии, в отличие от Смоленщины, не обнаружены следы кольевых ям. Возможно, этот факт указывает на отличительные особенности местного домостроительства, по крайней мере, следы столбово-кольевой техники сооружения построек на изучаемой территории пока четко не прослеживаются.

Имеющиеся данные позволяют сделать вывод о том, что наземные жилища городищ Белорусского Подвинья по своему характеру и хронологическим особенностям имели много общего с подобными древностями соседних территорий балтского ареала и особенно в культуре штрихованной керамики. На рассматриваемой территории так же, как и в средней Белоруссии [67, *28]*, на Смоленщине [141, *8]*, форма и размеры этих жилищ изменялись одновременно с общей тенденцией перехода от прямоугольных удлиненных построек к небольшим, квадратным.

Наиболее древними наземными жилищами, по данным, которыми мы располагаем, являются остатки строений, выявленных при раскопках городища Кубличи Ушачского района (рис. 3). Эти ранние постройки располагались у самого края площадки городища. Жилищами служили удлиненные дома столбовой конструкции с каменным очагом в каждом помещении. Столбы поддерживали стены жилищ и являлись опорой в их перекрытии. Из 19 разновременных построек, выявленных при раскопках, ряд жилищ имеет многокамерное устройство, что свидетельствует об их архаичности. Так, постройка 1, расположенная на северном конце городища, имела размеры 8X3 м. В центре находился очаг и, судя по остаткам, представлял собой каменную подковообразную выкладку диаметром 0,8 м. Внутри постройки на уровне пола обнаружены фрагменты ранней гладкостенной посуды темного цвета с бугристой поверхностью, в основном баночных форм. Кроме того, здесь же найдены железный узколезвийный топор, шило, обломок ножа, рыболовный крючок, серп.

Постройка 2 примыкала с южной стороны к постройке 1. По углам ее прослежены ямы от столбов. Размеры почти совпадают с постройкой 1: длина 8 м, ширина 2,7 м. Развал очага занимал в поперечнике свыше 1 м и был смещен к восточной стенке. Остатки очага отмечены и в западной части жилища. В доме, кроме керамики и костей животных, найдено два серпа и одно шило [158, 267—*268]*. Постройка 4 располагалась по западному краю городища. Ее стены по угловым столбам имели в длину 7 м, в ширину 3 м. В постройке было два каменных очага, которые находились в противоположных концах. Можно предположить, что жилище было двухкамерное. Наряду с архаичной керамикой и костями животных в нем найдены жатвенный нож, обломок железного браслета, шило и костяная поделка [158, *269]* (рис. 3). К ранним относятся также постройки 9 и 10, мало чем отличавшиеся от описанных выше. В них были обнаружены следующие предметы: бронзовый браслет, бляха, пронизка, колечко от трапециевидной подвески, железная посоховидная булавка, два серпа, обломки браслетов, каменный пест.

Анализ материалов из этих жилищ (см. гл. II) свидетельствует о том, что данные сооружения относятся ко второй половине I тысячелетия до н. э. и характеризуют собой второй этап (V в. до н. э.— II в. до н. э.— по Е. А. Шмидту) в технике домостроительства днепро-двинских племен 1185, *57—58]*, когда жилые постройки в виде длинных сооружений разделялись на отдельные четырехугольные камеры. Следы этих длинных домов столбовой конструкции, стоявших на краю поселений, обнаруже-

ны на Язненском городище, на городище Горовые и на других днепро-двинских поселениях Белоруссии. Довольно отчетливо остатки древних построек в виде длинных прямоугольных домов, разделенных на несколько помещений, констатированы в верхнеднепровском регионе рассматриваемой культуры (городища у деревень Демидовка, Наквасино) [185, *54]*. Остатки длинных домов столбовой конструкции, расположенных по краям площадки, выявлены на городищах культуры штрихованной керамики (Лабенщина, Збаровичи). Здесь жилые постройки размещались на специально выровненной террасе. Столбовые ямы располагались сравнительно правильными рядами и образовывали четырехугольные в плане жилые камеры площадью 20—25 кв. м, примыкавшие друг к другу [66, *190]*. Наличие длинных сооружений столбовой конструкции, разделенных на целый ряд небольших (3X3 и 4X4 м) жилых и хозяйственных помещений, характерно для многих городищ Литвы [163, *66]*. Обнаружены они и в Латвии (Асоте, Мукукалнс) [23, *11, 20]*.

Приблизительно с рубежа нашей эры отражением дальнейшей эволюции в строительстве на изучаемых поселениях служит увеличение площади отдельных жилых помещений, а также появление довольно больших, но отдельно стоящих, однокамерных домов. Жилища, как правило, распределяются равномерно по всей площади поселения, а не только по краям. Для характеристики этих изменений могут служить жилые постройки, выявленные К. П. Шутом на городище Кострица в Лепельском районе. Остановимся подробнее на описании их.

Постройка 1 располагалась в северо-западном конце городища. Этот дом представлял собой близкую к квадратной в плане форму размером 3X4 м. В центре жилища находился очаг, который был сооружен в специально вырытой в материке (0,35 м)) яме, диаметром 1 м. Яма заполнена пережженными камнями и интенсивно черной землей. В ней встречено много костей животных и лепной керамики светлых тонов окраски. Эта постройка, по мнению К. П. Шута, относится к первоначальной поре существования поселения, т. е. к рубежу нашей эры [186, д. 257]. К тому же времени относятся и две другие постройки этого поселения, которые конструктивно ничем не отличались от первой. Что касается остальных построек (в юго-восточной и юго-западной частях городища), то все они, кроме одной, не имели каменных очагов. Это объясняется тем, что сооружения разносились при выравнивании площадки городища, когда требовалось укрепить ее края. Группы обгоревших и растрескавшихся камней часто встречались по краю всего периметра городища [186, Д. 257].

Две схожие между собой постройки выявлены на Бураковском городище (северо-восток рассматриваемой территории). Одна из них представляла собой квадрат со стороной 4 м. В центре постройки, в яме, был сооружен каменный очаг. Яма круглая, ее диаметр 1,5 м, глубина 0,5 м, она заполнена обгоревшими камнями и интенсивно черным культурным слоем с примесью угольков и золы. В заполнении найдено много обломков глиняной посуды, костей животных. В постройке же на уровне пола выявлены бронзовая поделка из ромбической в сечении проволоки, черенок железного ножа, эсовидная булавка и игла от пряжки [186, д. 257]. Весь этот материал датируется первыми веками нашей эры. Следы подобных жилищ обнаружены также на городищах Урагово, Девички, Заговалино, Абрамово, Барсуки, Язно, Казиново и др. Все они относятся к тому времени, когда в среде балтских племен стала распространяться своеобразная застройка в виде отдельных четырехугольных построек

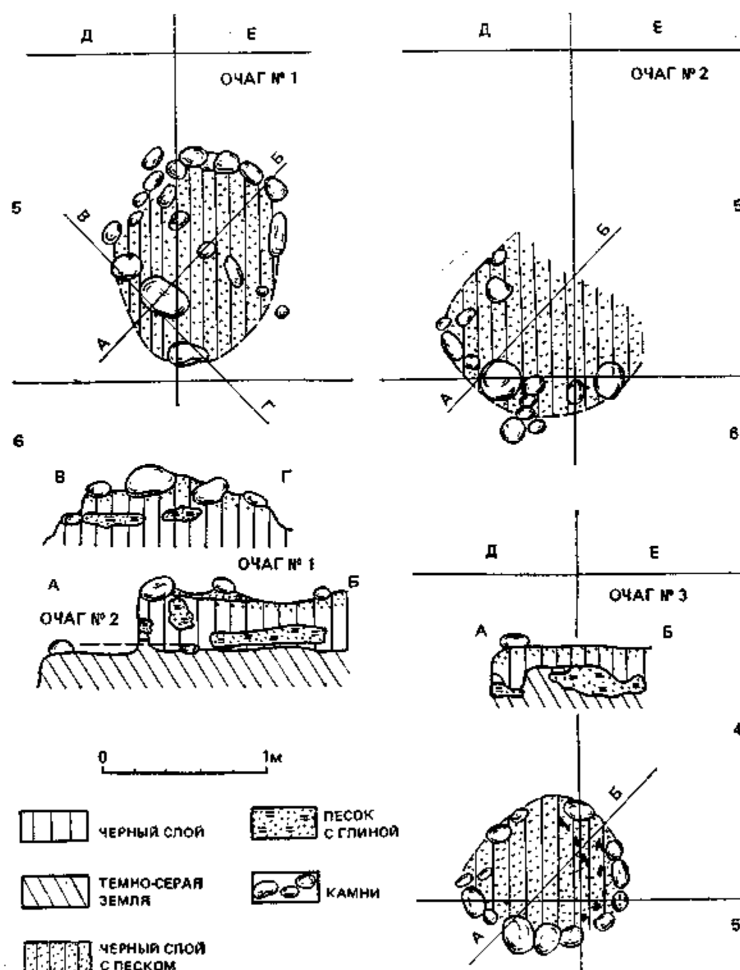

Рис. 14. Городище Замошье. План и профиль разновременных очагов

столбовой и столбово-кольевой конструкции. Эта система застройки, по классификации Е. А. Шмидта, может быть отнесена к третьему периоду существования днепро-двинской культуры [139, 39], который характеризуется созданием совершенной системы укреплений на городищах. К данному времени относятся жилища 3—5, 7, 8 и другие, выявленные на городище Кубличи [158, *267—268]* (рис. 3). Они представляли четырехугольные в плане постройки столбовой конструкции площадью в среднем 15—20 кв. м, с подковообразными каменными очагами (0,8—1,0 м) в диаметре. На Язненском городище, например, наряду с наиболее длинными домами, располагавшимися на краю площадки городища, найдены остатки небольших жилых построек, которые занимали не только край поселения, но и всю его площадь [66, *218]*. Такие же жилища столбовой конструкции, по сообщению А. Г. Митрофанова, встречены в верхнем слое городища Поддубники. Описанная застройка, судя по имеющимся данным, имела место в Белорусском Подвинье до конца существования культуры, и особых конструктивных изменений в домо-

строительстве в последний период на изучаемой территории не прослежено. Различные изменения связаны с более мелкими деталями устройства жилищ как общего, так и локального характера.

Свидетельством дальнейшей эволюции строительства жилищ этого периода являются каменная вымостка пола, зафиксированная на некоторых городищах, и глиняная обмазка, встречаемая почти повсеместно на памятниках северной Белоруссии. Глиняная обмазка — важный археологический материал, помогающий выяснить многие вопросы. Так, по кускам обмазки на поселении Ведгас (Латвия) установлено, что толщина ее достигала 0,05 м, а по отпечаткам на ней определен диаметр бревен (0,12—0,25м) [23, *131]*.

Следует отметить, что обмазка стен глиной не зафиксирована в слоях I тысячелетия до н. э. на изучаемой территории. Не обнаружена она и на сопредельных территориях балтского ареала. Поэтому можно предположить, что обмазка стен глиной на территории Среднего Подвинья распространилась с рубежа нашей эры.

Важным элементом жилищ были открытые очаги, служившие для обогрева жилища и приготовления пищи. Данные раскопок показывают, что их устройство на всех этапах развития жилищ было в основном одинаковым для областей балтского ареала. В своей основе они сооружались из крупнозернистого песка, насыпанного слоем 0,15—0,20 м и обложенного по краям небольшими камнями, чаще всего образуя в плане круглую, овальную и реже подковообразную формы. На ряде городищ (Бураково, Барсуки, Кострица) встречены очаги в виде скопления камней, углубленных в материк. Так, на городище Барсуки была обнаружена яма округлой в плане формы, диаметром 2 м. Заполнение от материка на 0,2 м составлял культурный слой темно-серого цвета, затем скопление обожженных камней диаметром 0,05—0,1 м и ниже, слой черной пережженной земли с массой углей и костей животных. Следы от столбовых ям вокруг очага указывают, что здесь находилось жилище размером 3Х4 м [184, д. 535, рис. 2]. Сходными по устройству были очаги из Бураково и Кострицы.

Часто встречаются на городищах и очаги в виде простого скопления камней. Трудно определить, то ли это конструктивная особенность, то ли развал очага какой-то определенной формы. Судить о хронологических особенностях в устройстве очагов пока затруднительно. Имеющиеся данные лишь свидетельствуют, что более древние очаги были круглой и овальной формы (рис. 14). Вырытые в землю очаги применялись, видимо,, из соображения пожарной безопасности в небольших по размерах жилищах, т. е. в более позднее время.

Впервые на изучаемой территории Подвинья выявлены хозяйственные постройки столбовой конструкции (Бураково, Урагово и Кострица), которые располагались вне ряда жилых сооружений и имели меньшие размеры. Описание их дано ниже при характеристике железоделательного ремесла (гл. III, § 4).

Подводя итоги, можно сделать общий вывод, что у днепро-двинских племен Белорусского Подвинья изменения в характере жилищ отражают процесс развития патриархально-родового строя на стадии его разложения. Длинные многокамерные дома соответствовали тому периоду, когда патриархальная родовая община представляла собой еще единый неразделившийся коллектив. Появление же меньших и отдельных домов отражало начавшийся процесс распада патриархально-родовой общины с выделением небольших кровно-родственных семей.

Глава II

МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА И ВОПРОСЫ ДАТИРОВКИ

В период раннего железного века орудия труда и предметы обихода: изготовлялись из камня, кости, глины и металлов. Поэтому для удобства характеристики все вещи, выявленные при раскопках, разделены нами на группы по материалу, из которого они изготовлены: изделия из камня, кости, глины и металлические изделия.

1. ИЗДЕЛИЯ ИЗ КАМНЯ

На протяжении тысячелетий камень служил людям в качестве материала для изготовления различных орудий. На территории Белорусского Подвинья обнаружено свыше 150 каменных предметов, относящихся к раннему железному веку. Здесь, как и везде, из различных пород камня изготовлялись топоры, долота, мотыги, наконечники стрел, зернотерки и песты, точильные бруски и пряслица. В настоящее время археологически доказано, что каменные орудия в Белоруссии, как и на смежных территориях, применялись и в эпоху раннего железа.

Топоры. При раскопках днепро-двинских городищ среди предметов из камня часто встречаются топоры. Следует отметить, что каменные изделия из неолитических стоянок Белоруссии и соседних территорий с просверленными проушинами или каменные высверлины, как правило, отсутствуют. Это является свидетельством позднего существования простейшего каменного топора.

Каменные топоры и их фрагменты выявляются как случайно, так и в ходе археологических раскопок. В связи с тем что древнейшие слои поселений, как правило, перемешаны, топоры невозможно расчленить по хронологическим этапам. Однако не вызывает сомнений, что в I тысячелетии до н. э. они находили применение. На использование днепро-двинским населением каменных топоров указывают и находки их вместе с типичной днепро-двинской керамикой и с другими предметами на памятниках, не имеющих ни одной вещи более раннего периода (Урагово, Барсуки, Кубличи, Заговалино, Замошье). Очевидно, в ряде случаев топоры находились во вторичном использовании. Однако в большинстве случаев их изготовление в рассматриваемую эпоху несомненно. Об этом свидетельствуют находки заготовок, высверлин от проушных топоров в слоях городищ, а также многочисленность находок. Так, на площади 200 кв. м на городище Замошье выявлено 6 сверленых топоров, 5 высверлин и свыше 100 клиновидных топоров [184, д. 715, рис. 4—6; д. 720, рис. 7,8] (рис. 15—17).

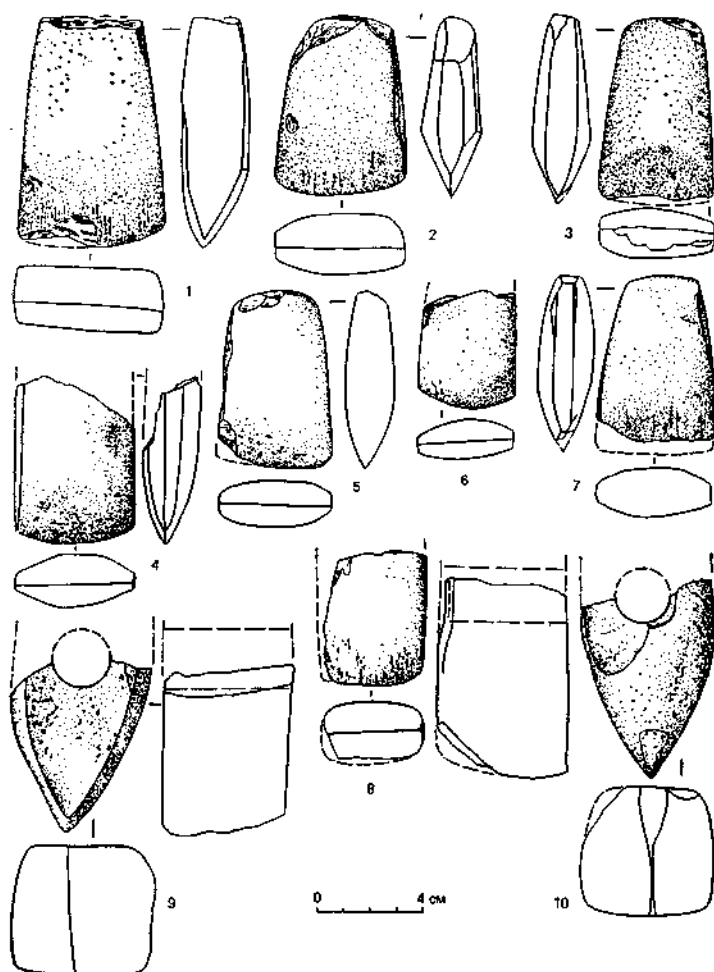

Рис. 15. Городище Замошье. Клиновидные и сверленые топоры

Следует заметить, что на севере Белоруссии, как и в Прибалтике, средней Белоруссии и на Смоленщине, в отличие от более южных районов в связи с дефицитом металла использование каменных топоров зафиксировано вплоть до первых веков нашей эры [23, *84;* 141, *13]*.

При умелом пользовании топор мог служить долгое время. Производительность труда определялась, по-видимому, не столько силой, сколько навыком и выносливостью человека [124, *253]*. Небольшие размеры проушных отверстий заставляют полагать, что для рукояток использовалась древесина прочных пород — березы, дуба, можжевельника. Анализ польских археологических материалов показал, что в древнепрусских землях деревянные части орудий чаще всего изготовлялись из древесины граба, реже — дуба [180, *148]*.

На изучаемых поселениях I тысячелетия до н. э. были распространены простые каменные сверленые топоры. Формы их несколько варьируют, что зависит, по-видимому, от функциональной нагрузки, материала данного экземпляра, индивидуального вкуса изготовителя и т. п. Боль-

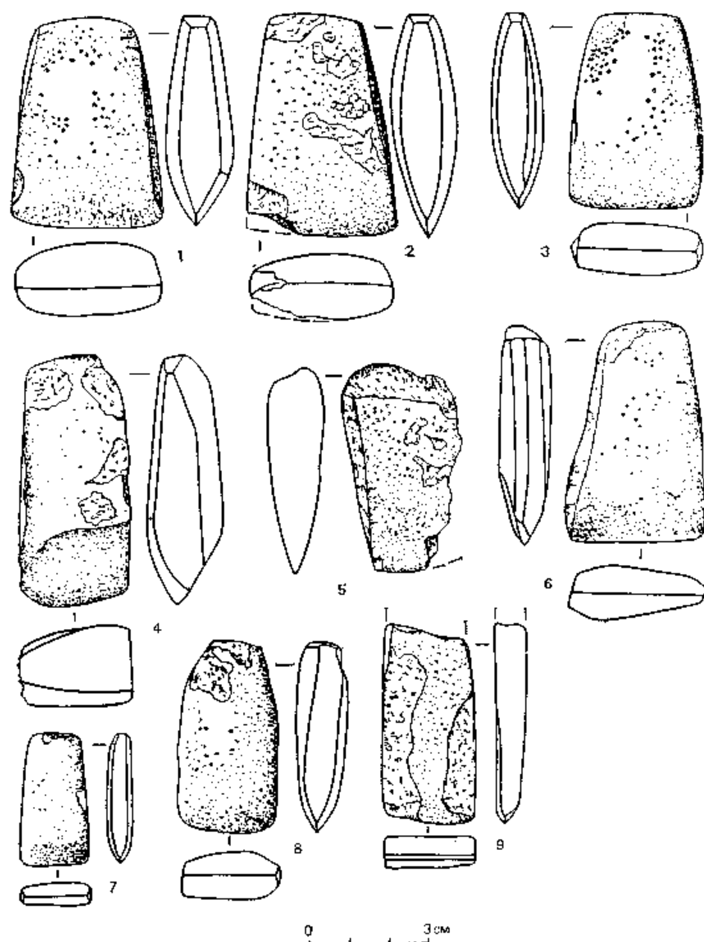

Рис. 16. Городище Замошье. Долотовидные топоры-клинья

шая фрагментарность топоров затрудняет произвести какую-либо классификацию их. Всего выявлено 11 экземпляров (в Чемерично — 3; в Урагово — 2; в Замошье — 6). Находки объединяют равномерно выгнутые боковые стороны, прямо шлифованная передняя и задняя части, прямое или равномерно изогнутое лезвие. Лезвие у них несколько шире обуха. Подобные каменные топоры широко встречаются в памятниках эпохи поздней бронзы и раннего железа в Латвии [23, табл. I, *1, 3]*, в области лужицкой культуры [172, *239—246]*. Различия в обнаруженных топорах связаны с тем, что обушная часть у некоторых уже лезвия, обух у некоторых не прямой, а слегка закругленный. Несколько особо выглядит каменный топор с конусообразно сужающимся обухом, обнаруженный нами на городище Замошье (рис. 18, *4)*. Сужение здесь выражено более в передней, чем в боковой, проекции. Параллели топорам этого типа обнаруживаются в Латвии [23, табл. I, *12, 13]*, в Литве [191; 189] (здесь они получили наименование пятиугольных топоров) и особенно в области лужицкой культуры [172, рис. 7, 8], где датируются концом бронзы — ранним железом.

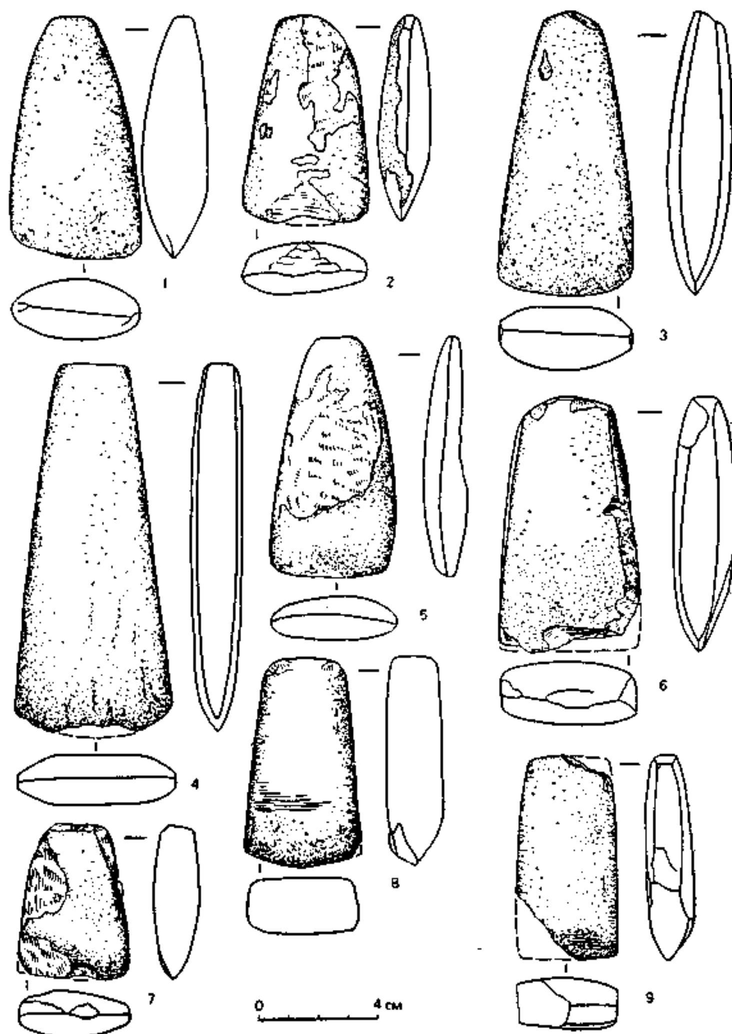

Рис. 17. Городище Замошье. Долотовидные топоры-клинья

Высверлины. Интересным явлением прошлого являются каменные высверлины, указывающие на распространение усовершенствованной техники сверления и на местное производство проушных топоров, имевшее место у днепро-двинских племен. Всего к настоящему времени выявлено девять высверлин, причем целых только три. Средние диаметры высверлин колеблются в пределах 9—15 см (рис. 18, *9—11).* Они имеют чаще коническую, а не цилиндрическую форму. Длину трудно установить, так как все предметы представлены в основном во фрагментах.. Длина же целых равна в среднем 40 мм (рис. 18, *9—11).*

Топоры клиновидные. Они весьма многочисленны на изучаемой территории. Этот факт отличает памятники Белорусского Подвинья от сопредельных территорий, где подобный материал зафиксирован в меньшем количестве. К настоящему времени обнаружено свыше 200 таких

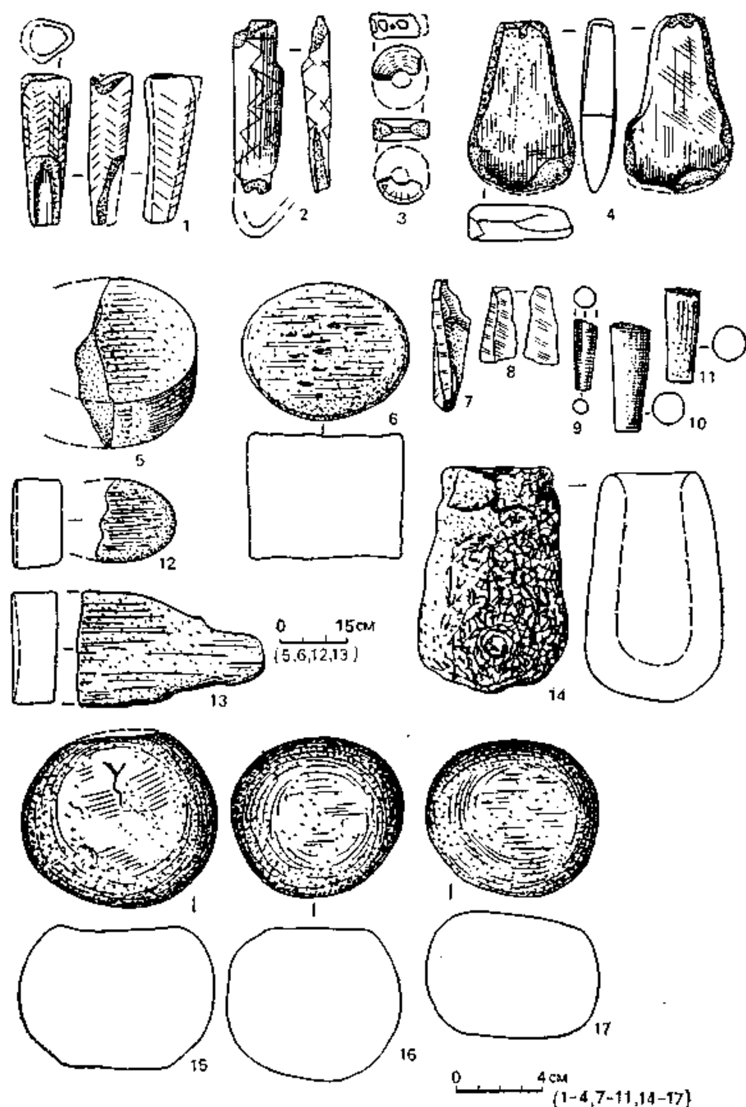

Рис. 18. Городище Замошье. Изделия из камня, кости; 14 — городище Прудники

топоров. Причем только на городище Замошье (вскрыто 400 кв. м площади) приходится более 100 экземпляров. Все добытые в результате археологических раскопок каменные клиновидные топоры объединяет весьма характерная для них форма (рис. 15—17). В плане они имеют трапециевидную форму с несколько расширяющейся лезвийной частью, что является наиболее характерной их чертой. Боковые плоскости почти параллельны. Длина орудий колеблется в пределах 50—100 мм, толщина (в наиболее массивной части) равняется примерно 15—20 мм, ширина лезвия — 35—50 мм. Они употреблялись, вероятно, для обработки дерева. Молотом же могло служить только деревянное приспособление, предохранявшее топор от раскалывания. Подобные орудия известны на

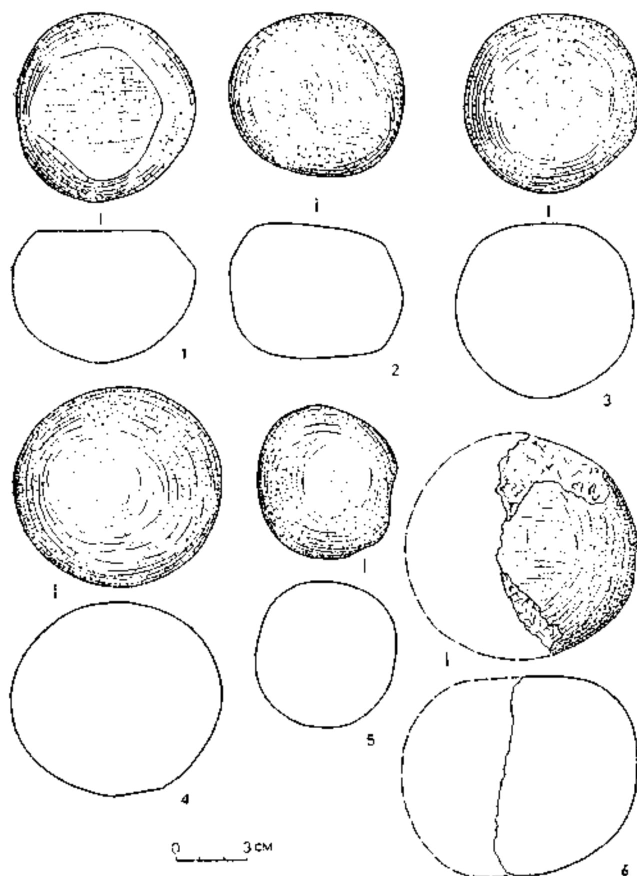

Рис. 19. Городище Замошье. Каменные песты

многих городищах северной Белоруссии — в Кубличах, Заговалино, Урагово, Барсуках, Замошье [154, *171,* рис. 2, *1,* 9, *5—8;* 184, д. 714, рис. 16; д. 715, рис. 1—3, 12; д. 720, рис. 13]. Они имеются в материалах милоградской культуры [59, *66,* рис. 26, *7],* известны в культуре штрихованной керамики, а также в материалах древних городищ Смоленщины *[119,92,* рис. 46, *2]* и Прибалтики [23, *84, табл.* II].

Зернотерки, песты. К группе предметов из камня относятся также зернотерки и песты. На памятниках днепро-двинской культуры севера Белоруссии при раскопках выявлено до 10 зернотерок и несколько десятков каменных пестов.

Поскольку земледелие распространяется в восточнобалтском ареале с конца неолита [23, *85],* то и употребление зернотерок с этого времени несомненно. Формы зернотерок подвергались столь незначительным изменениям, что выделить хронологические особенности пока невозможно. Эти орудия обычно связаны с жилищами и фиксируются на уровне пола недалеко от очага (Кубличи) [158, *283,* рис. 12, 14], (Замошье) [184, д. 715, рис.33] (рис. 19).

Зернотерки, как правило, представляют собой удлиненные плоские камни гранитных и других пород с сильно стертой одной поверхностью,

чаще вогнутой от долгого употребления. Размеры камней достигают 0,4 м в длину и 0,15—0,2 м в высоту. Верхней частью зернотерок, как правило, служили небольшие камни неправильных очертаний с одной или двумя обточенными поверхностями (рис. 19). Размеры камней были таковы, что позволяли удерживать их в руке. Один такой камень мы нашли на городище Замошье рядом с зернотеркой [184, д. 715, рис. 43]. Употребление пестов в качестве верхних камней зернотерок подтверждается и материалами из других областей: Смоленщины [119, *91—92,* рис. 45; 140, *172—173,* рис. 15], Псковщины [108, *56*—57, табл. I, *4,* VII, *3],* культуры штрихованной керамики [62, *12;* 67, *42],* милоградской культуры [59, *67,* рис. 27]. Песты изготовлялись из твердых гранитных и иных пород плотной мелкозернистой структуры. Цвет их, как правило, светлый. Размеры камней различные (от 5 до 12 см в поперечнике), формы весьма разнообразные. Песты чаще всего представляют собой естественные камни округлых очертаний со следами сработанности на одной или нескольких сторонах. Иногда пестам придавалась правильная форма шара, куба, цилиндра и т. д. Формы и размеры орудий определялись их функциональным назначением. Некоторые песты обнаружены вместе со шлаками, что указывает на применение их в металлургическом производстве для размельчения руды, в качестве наковаленок при ковке изделий и т. д. Поверхность отдельных камней испещрена многочисленными следами ударов, мелкими сколами — свидетельство употребления их как молотов и отбойников. Так, некоторые исследователи допускают использование крупных обточенных камней в качестве орудия для пращи [151, *184],* другим такое представляется маловероятным, хотя они и не исключают возможности использования для этой цели мелких камней [59, *67].*

На памятниках изучаемого региона часто встречаются точильные бруски для заточки металлических изделий, а также шлифовальные камни для обработки каменных костяных изделий. Их форма и размеры разнообразны. Но функциональное назначение не отделяет их от подобных изделий смежных территорий. Из плотных пород камня изготовляли наковальни. Они найдены на городищах Бураково, Урагово [154, *170],* Замошье [184, д. 715, рис. 11, *2].* За пределами изучаемой территории аналоги пока отсутствуют.

2. ИЗДЕЛИЯ ИЗ КОСТИ

Большое число и многообразие предметов из кости, обнаруженных на многих памятниках раннего железного века северной Белоруссии, свидетельствуют о том, что непрерывный рост производительных сил требовал совершенствования орудий производства, расширения их специализации, изготовления во все возраставших количествах. Железо в это время не могло заменить другие материалы при изготовлении орудий труда и иных предметов. Растущая потребность в сырье для различных орудий труда удовлетворялась за счет легкодоступного материала — кости, которую давали охота и скотоводство. Твердая, эластичная, сравнительно легко поддающаяся обработке, она представляла собой первоклассный материал для различного рода предметов.

На изучаемой территории выявлено большое количество разнообразных костяных изделий. Большинство из них сохранили форму аналогичных изделий каменного века. Характерно, что форма орудий данной эпохи стала проще, изделия хуже обработаны, часть из них по форме близка металлическим. Несмотря на то что находки костяных изделий — час-

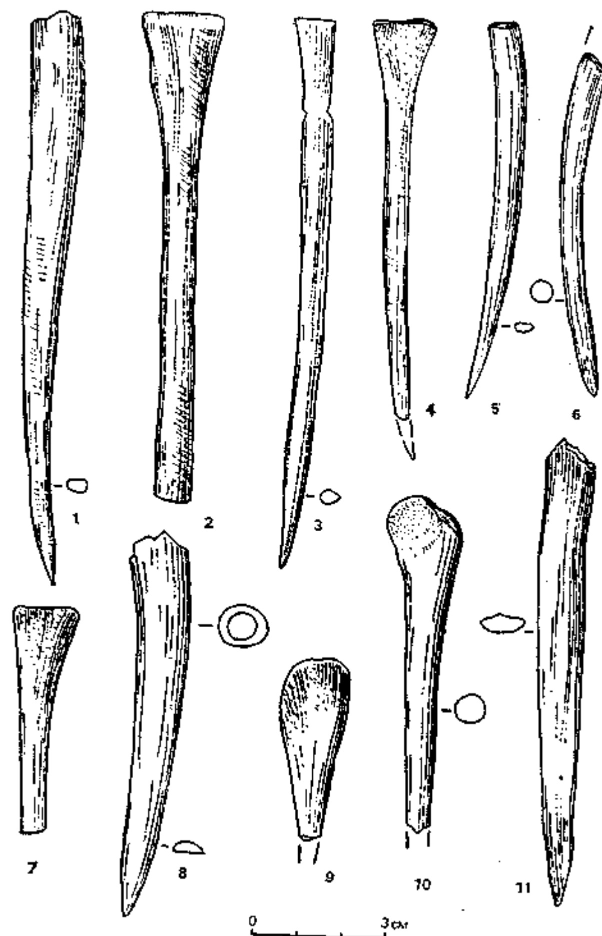

Рис. 20. Костяные орудия: 1, 5, 6, 8 — Поддубники; 2—4, 7, 9, 10 — Урагово; 11—Кострица

тое явление на памятниках раннего железа Белоруссии, в публикациях археологов им уделялось мало внимания.

Все обнаруженные при раскопках костяные предметы можно подразделить на орудия труда, оружие, детали одежды и украшения, разнообразные находки неизвестного назначения.

Орудия труда. Форма того или иного орудия труда зависела прежде всего от его функционального назначения.

Шилья и проколки изготовлялись в основном из тонких трубчатых костей, расколотых вдоль, обрубленных и заостренных на концах (рис. 20, 21). Использовались также ребра животных (рис. 20, *3),* фрагменты массивных трубчатых костей (рис. 22) и метакарпальные кости, которые имели естественное сужение (рис. 23).

Кочедык употреблялся для того, чтобы в процессе плетения из лыка, шнура, ремня приподнимать один компонент и пропускать под ним в поперечном направлении другой. Рабочая часть его имеет, как правило, клиновидное острие (рис. 22, *2, 4, 11).* Кочедык изготовлялся из ребер или

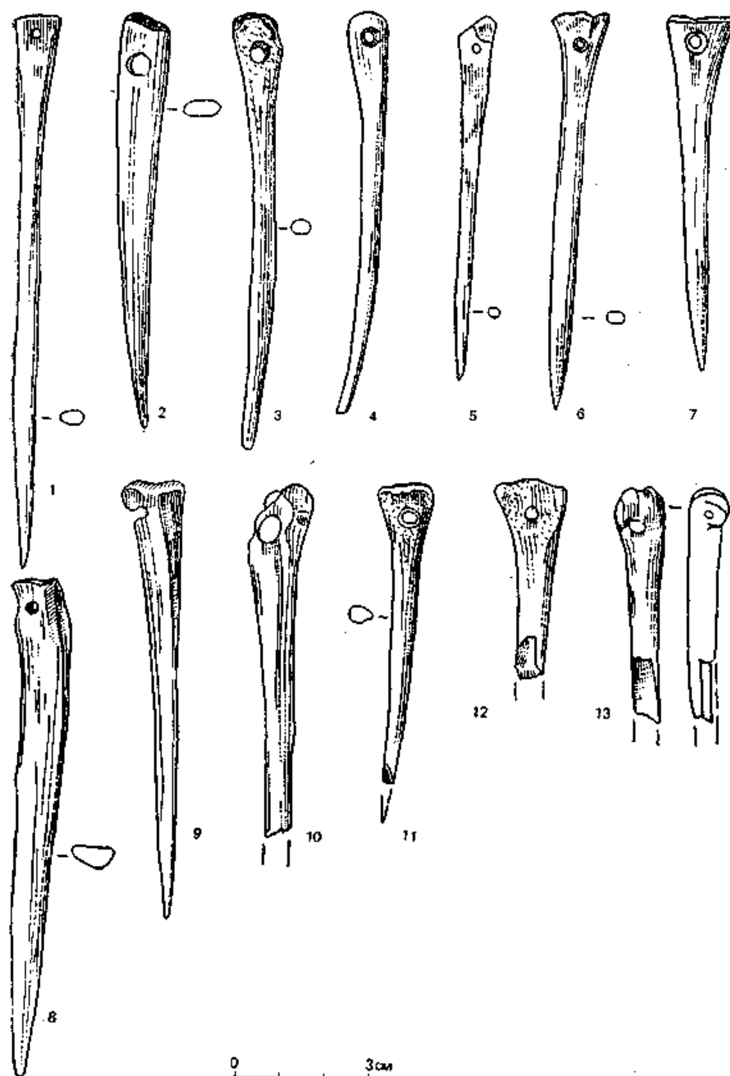

Рис. 21. Изделия из кости (булавки, иглы, проколки): 1, 2, 5, 6, 8, 9 — Поддубники; 3 — Прудники; 4, 7 — Загорцы; 10 — Заговалино; 11, 13—Замошьс; 12 — Урагово

трубчатых костей животных, которые раскалывались и шлифовались. Следы обработки сохраняет только острие.

Острия (рис. 22, 1, *3, 5—10)* предназначались для образования ямок, пазов или линий в мягкой массе, например, при нанесении орнамента на глиняную посуду, как это считала Н. В. Трубникова [122, рис. 48, 1—7]. Вне зависимости от общей формы для этих орудий характерна круглая либо овальная заостренная рабочая часть. В качестве острия использовались также специально обработанные осколки кости (рис. 22, *14, 15).* Шилья, проколки, кочедыки и острия весьма распространены на памятниках изучаемого региона и смежных территориях, что свидетельствует о важной роли, которую играли в быту населения различного рода плетения, петли и т. п.

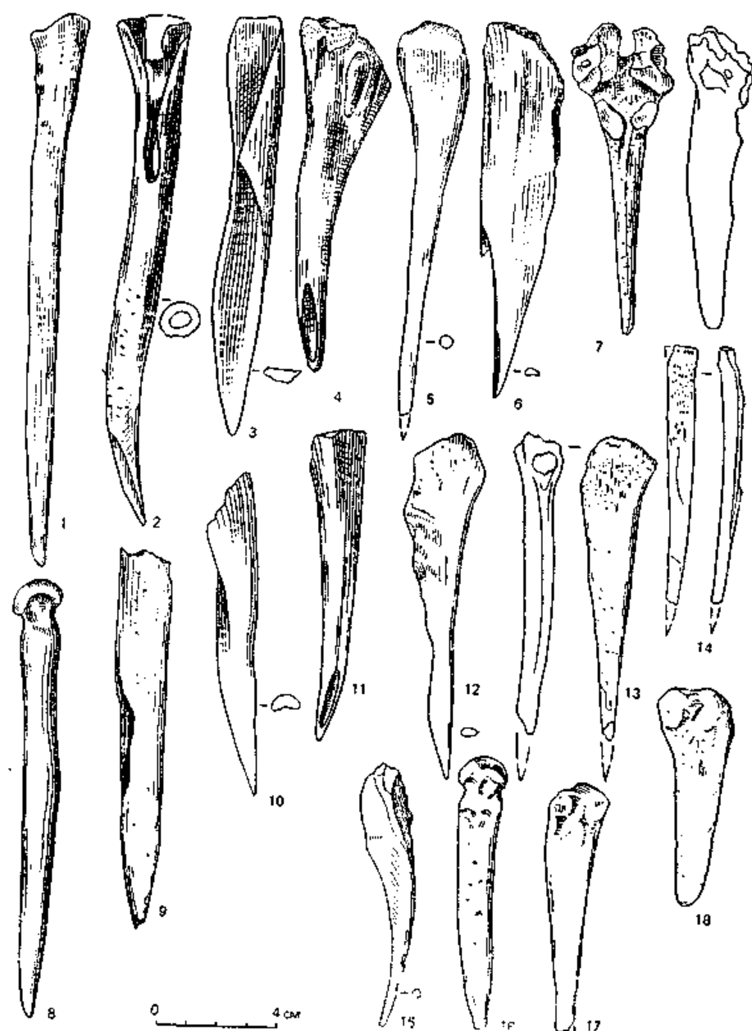

Рис. 22. Костяные орудия: 1 —Кострица; 2, 3, 5, 6, 10, 12— Поддубники; 4, 8, 11, 15—18 — Урагово; 7, 13, 14—Замошье; 9 — Бураково

На памятниках Белорусского Подвинья обнаружено свыше 40 костяных долот (рис. 24, 25). Они применялись для образования различных углублений, отверстий, пазов и т. п. По форме костяные долота весьма разнообразны (рис. 24, 25). Для их изготовления массивная трубчатая кость расщеплялась, и один конец ее шлифовался с одной или двух сторон для образования лезвия.

Иглы употреблялись для протягивания нити, лыка, сухожилий или растительных волокон сквозь заранее проделанное отверстие либо через мягкий материал — ткань. Их размеры от 5 до 10 см. Массивная игла, которая могла служить и булавкой (длина 12,5 см), обнаружена А. Г. Митрофановым на городище Поддубники [183, д. 147, рис. 14]. Подобное изделие (длиной 10 см) найдено на Ковшаровском городище [47, табл. I, рис. 1]. Для изготовления иглы осколок кости шлифовался и в нем проделывалось ушко (рис. 21). Иглы с закругленным утолщением

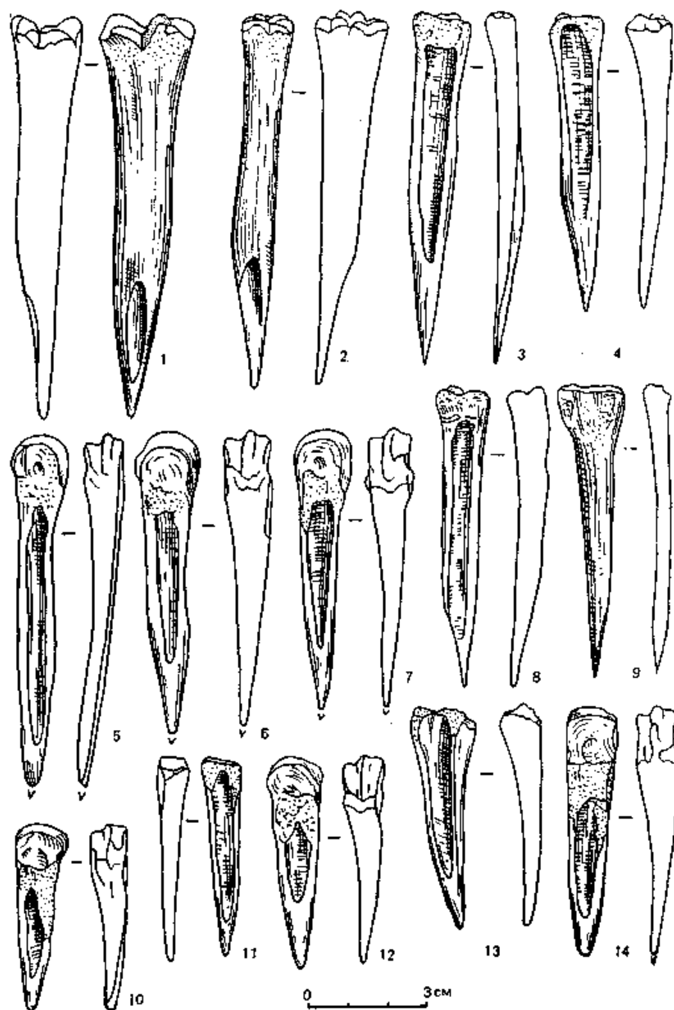

Рис. 23. Городище Замошье. Костяные изделия

на конце, предназначенные для закрепления нити [34, *223],* вряд ли использовались при шитье. Скорее всего они выполняли функции проколок.

Орудия для обработки кожи трудно выделить, так как для разнообразных операций могли применяться орудия самых различных форм. Наиболее известны струги, или «тупики», найденные на городище Замошье, они сделаны, как правило, из ребер, лопаток крупных животных и имеют заточку с одной стороны (рис. 22, *3, 7).* Костяные тупики характерны для днепро-двинских городищ. Они обнаружены в нижнем слое на городищах Тушемля, Наквасино и Демидовка на Днепре, у д. Холм в бассейне Западной Двины [140, *160],* Мокрядинском городище на Соже [119, *87],* на городищах дьяковской культуры — Старшем Каширском, Троицком, Щербинском [32, *223,* табл. IV, *15,* V, *8]*. На городище Кентескалнс (Латвия) подобное орудие изготовлено из кабанье-

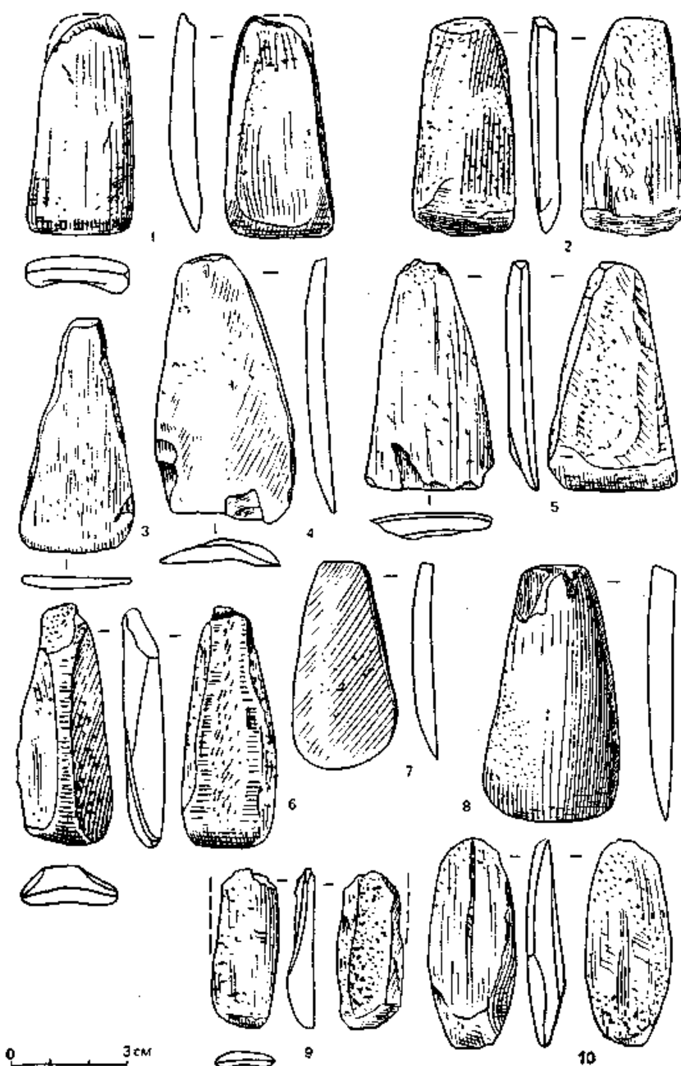

Рис. 24. Костяные долота: 1, 2, 5, 6, 9, 10 — Замошье; 3 — Бураково; 4, 8 — Урагово; 7 — Поддубники

го клыка. Они служили для выскабливания кожи и удаления с нее мездры, подкожного жира и т. п. Очевидно, для тех же целей могли использоваться костяные долота с широким и не особенно острым лезвием, а также костяные ножи.

На городище Замошье обнаружен фрагмент костяного пряслица (рис. 18, *3*). Известно мнение, что легкие костяные пряслица использовались для прядения шерсти [23, *89*]. То, что шерсть прялась в I тысячелетии до н. э. на территории Белоруссии, не вызывает сомнений, так как среди костей домашних животных зафиксированы кости овцы. Наше пряслице изготовлено из рыбьего позвонка. На сохранившейся боковой поверхности имеются три углубления в виде ямок. Аналога ему на изучаемой территории в период раннего железного века пока нет, но пряс-

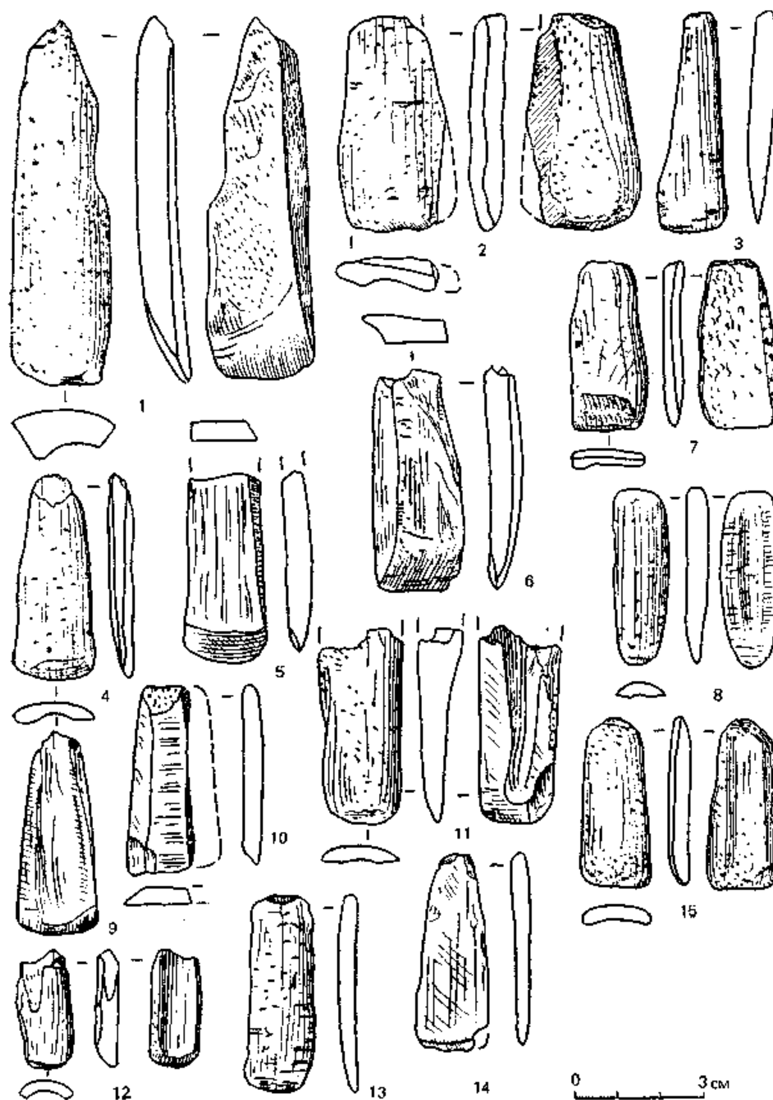

Рис. 25. Городище Замошье. Костяные долота

лица из кости обнаружены на Смоленщине [119, *88],* в Латвии [23, *89], на* дьяковских городищах [32, *275, табл.* XXI, *8, 12].*

Детали одежды и украшения. Самый многочисленный костяной материал из городищ севера Белоруссии представлен колющими орудиями. Систематика их разработана В. А. Городцовым на материалах Старшего Каширского городища [18, *19].* Он подразделил их на булавки и шилья, а булавки в свою очередь — на два отдела: игловидные (имеющие отверстие) и глухие. Само название «булавки», данное В. А. Городцовым, позволяет рассматривать эти предметы как детали костюма, служившие для застегивания одежды. Бесспорно, они играли роль украшения. Систематизируя найденные на изучаемой территории костяные булавки, мы вслед за Я. Я. Граудонисом [168] разделили их на два

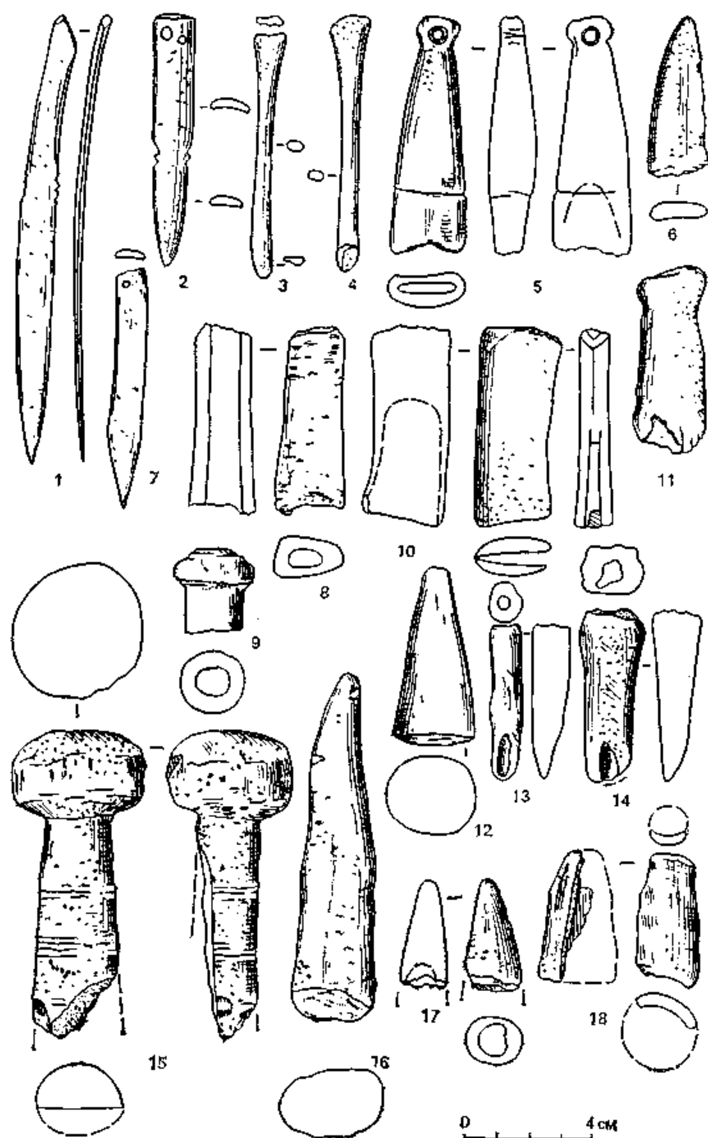

Рис. 26. Изделия из кости и рога: 1—10, 13—18 — Замошье; 11 — Бураково; 12 — Урагово

основных типа: первый — булавки с головкой, сохраняющей естественную форму кости (рис. 21, *6—13,* 26, *1, 2, 7),* второй — булавки, головкам которых придана произвольно выбранная форма (рис. 27, 1—5).

Булавки первого основного типа можно разделить на две группы: с отверстием в головке и без отверстия. Изготовлялись они главным образом из костей птиц. Булавки без отверстия имеют круглое острие (в сечении) и лопаткообразную головку, причем обработке подвергалось только острие, тогда как головка представляет собой естественное расширение птичьей кости у места сочленения. Сломанные булавки не выбрасывались, а вторично затачивались и использовались. Булавки с

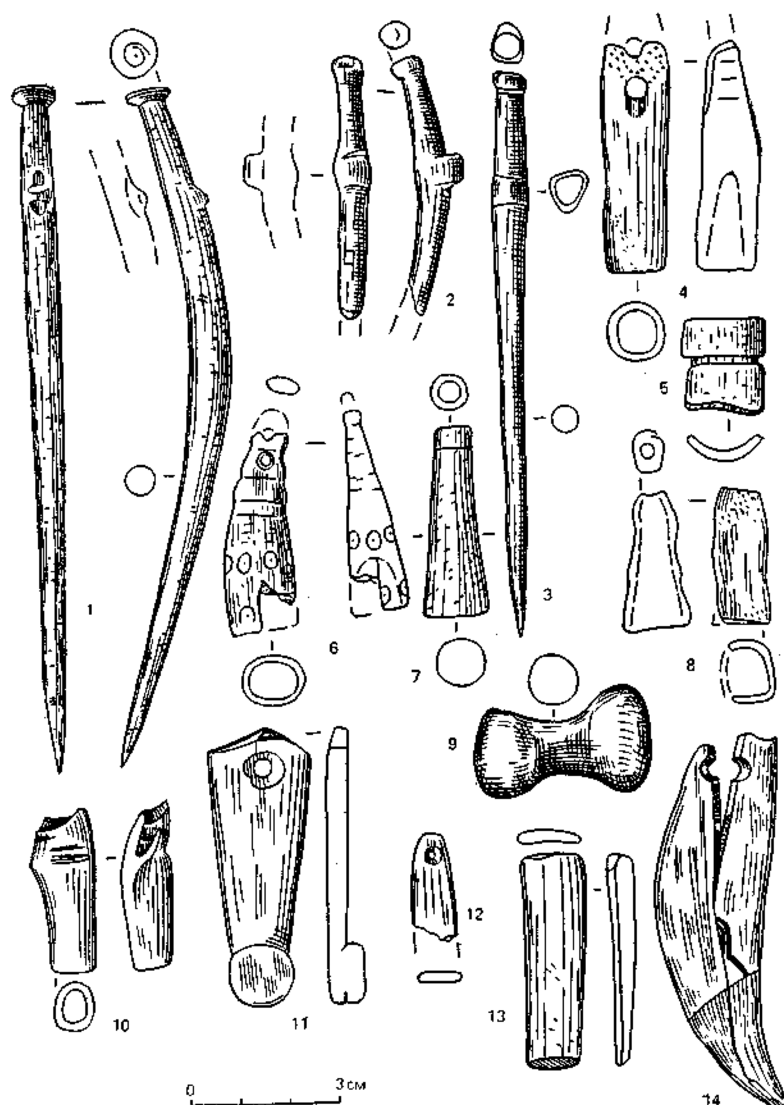

Рис 27 Изделия из кости: 1-4, 6, 8, 12, 13-Замошье; 5, 7, 9-11 - Урагово; 14—Кострица

отверстием встречаются чаще. Его диаметр колеблется от 1,5 до 5 мм. В археологической литературе подобные изделия некоторые исследователи называют иголками для плетения сетей. Однако расширение на булавках имеет зазубрины, неровности, да и наличие сравнительно большого расширения на тупом конце, несомненно, мешало бы протягиванию иглы через сетевые ячейки, так как цеплялись бы за нити. Отмечая, что расширение шероховато и не имеет никаких следов сработанности, Е. А. Шмидт утверждает, что острым концом скалывали одежду, а широкая головка оставалась снаружи и не позволяла всей булавке пройти через прокол. Отверстие скорее всего служило для привязывания ее к одежде во избежание утери [185, *44]*.

Помимо изучаемой территории подобные булавки обнаружены на всех городищах ареала днепро-двинской культуры Поднепровья: на: городищах Демидовка, Василевщина, Полежанковское, Лестровка, Ободрово, Ковшаровское, Лахтеево [47, табл. XII], Наквасино [138, рис. 13, *5, 7, 15],* Церковище [87, *72,* рис. 26, *10—12],* Новые Батеки, Тушемля, Мокрядинское, Холмец [119, рис. 10, *3, 7, 18—20,* рис. 14, *16—18, 23,* рис. 42, *14—19].* Исходя из того, что эти булавки были найдены во всех горизонтах культурного слоя, можно предполагать, что они бытовали в течение всего периода существования городищ днепро-двинской культуры. Обнаружены они и в Латвии, где встречены в комплексе вещей I тысячелетия до н. э. [23, *92, табл.* IX—XI; 168, *66,* рис. 1, 1—*8],* на территории культуры штрихованной керамики [54, табл. I, рис. 4; 67, рис. 19, *14—17, 31, 34;* 21, *30, 31, 33—35;* 23, *37].* В Литве булавки бытуют вплоть до середины I тысячелетия н. э. [175, *145,* рис. 70, *5;* 171, *70,* рис. 1, *23—39].* Встречаются они на городищах дьяковской [99, *83,* табл. IV, *9],* юхновской [58, *50, 52,* рис. 1] и верхнеокской [73, *21,* рис. 6, *2]* культур. Изредка встречаются и на памятниках зарубинецкой культуры [117, *139,* рис. 12, *16, 18;* 77 (1971 г.), рис. 27, *13].* Широкое распространение подобных булавок не позволяет относить их к предметам, характерным для определенной этнической группы населения, однако чаще всего они рстречаются в западной части восточнобалтского ареала.

Булавки второго типа подразделяются на две группы: 1) с отверстием в верхней части (рис. 27, 1, *2),* 2) без отверстия (рис. 27, *3).* Этот тип значительно отличается от первого. Здесь мы видим хорошо обработанные и отполированные, круглые в сечении прямые или изогнутые кости (4—6 мм). По классификации Я. Я. Граудониса [168, *70],* булавки (рис. 27, 1—*3)* могут быть отнесены к типу II-A3 (булавки с ушком), и у них немало общего с булавкой из Двиетского городища Даугавпилского района [168, *65].* Отличие лишь в том, что наш экземпляр имеет завершение в виде шляпки гвоздя, а также отверстие у него не в ушке, а на стыке ушка и стержня булавки. Кроме того, поверхность шляпки украшена циркульным орнаментом (рис. 27, *1).*

По той же классификации булавка без отверстия может быть отнесена к типу II-ВП с профилированной головкой. Ее ближайшим аналогом служит булавка из городища в Даугмале [168, *66,* табл. I, *19].* В нашем образце головка несколько больше вытянута. Стратиграфические данные позволяют относить эти булавки к первой половине Г тысячелетия до н. э. Это подтверждается латышскими параллелями [168, *68,* табл. III, 13].

Орудия охоты. При раскопках городищ Белорусского Подвинья обнаружены костяные наконечники копий, стрел, рукоятки кинжалов и ножей (рис. 26, *5, 10, 15,* 28—30). Орудия охоты могли использоваться и как оружие. Это относится прежде всего к стрелам, от которых до нашего времени сохранились наконечники. При ручном производстве стрелы не могли быть идентичными, и каждая из них имеет свои особенности. Поэтому, систематизируя характерные признаки, отбросим случайные. К настоящему моменту на изучаемой территории выявлено 15 наконечников стрел.

В литературе известны только две классификации костяных стрел. Первая была разработана В. А. Городцовым для стрел каширского-городища [18, *22],* вторая — Х. И. Крис для стрел Троицкого городища [43, *145].* Отсутствие других классификаций, по-видимому, следует объяснить тем, что на других памятниках не было достаточного материала.

Следует отметить, что коллекция костяных наконечников стрел северной Белоруссии, равно как и средней, а также Прибалтики не дает такого обилия и многообразия подобного материала, как соседняя территория смоленских и дьяковских городищ. Связано это, по всей вероятности, с тем, что на изучаемой территории в меньшей степени была развита индивидуальная охота, хотя возможны и иные причины. Все имеющиеся стрелы делятся по способу крепления к древку на черенковые и втульчатые, которые в свою очередь подразделяются на типы по форме и сечению пера. В нашей коллекции черенковые значительно преобладают. Среди них можно выделить двушипные, однотипные, круглые, остролистные, прямоугольные, треугольные.

Двушипные. К двушипным наконечникам стрел с ромбическим сечением пера относятся три экземпляра с городища Поддубники (рис. 28, *1, 3)* и Бураково (рис. 28, *2)*. Они имеют длину соответственно 12,5, 13,5, 7 см, у них вытянуто-треугольное лезвие с двумя жальцами у основания. Черенки уплощенные с острым и лопаткообразным завершением. Подобное мы находим в материалах из городища Новые Батеки [140, *161,* рис. 10, *2]*. Такие наконечники известны также из раскопок Щербинского городища {32, *256,* табл. II, *17]*, из нижнего слоя городища Новые Батеки, который Е. А. Шмидт датирует VI—V вв. до н. э. [140, *174]*. Наши два экземпляра отличаются несколько большими размерами.

Одношипные. Из городища Поддубники происходит одношипный наконечник стрелы (рис. 28, *4)*. Его длина 11,8 см. Сечение пера ромбическое. Перо асимметрично, с одной стороны в основании — шип, с Другой — треугольный срез. Черенок составляет половину длины пера. Подобные наконечники стрел обнаружены на дьяковских городищах [32, *256,* табл. II, *13, 14]*, на территории Смоленщины [119, рис. 5, 41]. Более того, аналогичные предметы имеются не только на городищах лесной полосы, но и на Кировском городище скифского времени на среднем Дону, в материалах из слоя V в. до н. э. [43, *151]*. Эти находки, а также известные железные наконечники стрел той же формы из сарматских комплексов IV в. до н. э., возможно, послужившие прототипами для костяных стрел, позволяют относить наш экземпляр к V—IV вв. до н. э.

Круглые. Из городища Поддубники известна находка наконечника с круглым сечелием пера (рис. 28, *11)*. Конец черенка здесь в виде лопатки и переход от пера к черенку плавный. Сходство с находками на Каширском городище позволяет относить его к наконечникам, распространенным до IV—III вв. до н. э. [18, *24,* рис. 10, *3—5]*.

Остролистные. Несколько экземпляров их из городища Замошье и один из Поддубников (рис. 28, Р, *10, 12, 16)* имеют форму острого листа с сегментовидным сечением пера, основание которого плавной линией переходит в более длинный, чем перо, черенок. Все образцы изготовлены из среза трубчатой кости. На обратной стороне у них сохранились остатки губчатого вещества. Подобные самые ранние находки на Троицком [43, *156—157,* табл. 1, *3—6,* 7, 10, *35—37]* городище позволяют датировать их IV—III вв. до н. э. Один наконечник (рис. 28, *12)* из этой серии имеет отверстие на конце черенка.

Прямоугольные. Три образца из городища Замошье имеют прямоугольное сечение пера и уплощенный черенок (рис. 28, *13,* 30, *12, 13)*. Переход пера в черенок не фиксируется. Подобные, правда с некоторыми различиями, имеются в находках дьяковских городищ [99, *30, 80,* табл. I, *13]*.

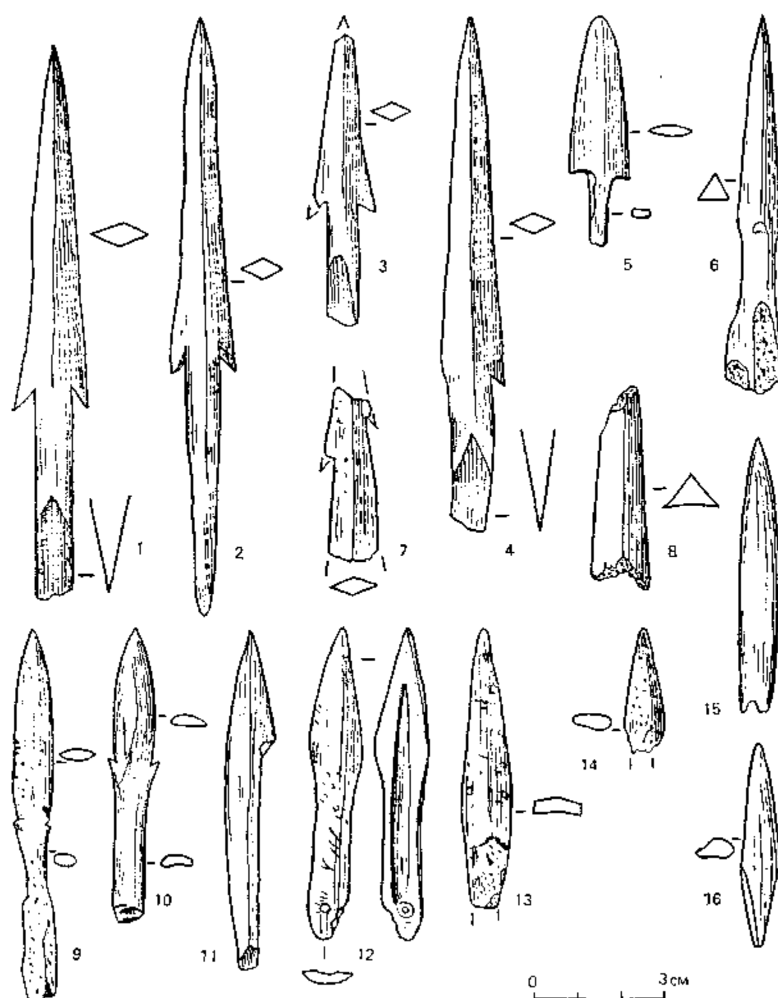

Рис. 28. Костяные наконечники стрел: 1, 3, 4, 8, 11, 15, 16 — Поддубники; 2, 6 — Бураково; 5, 7, 9, 10, 12—14 — Замошье

По образцу кремневого изготовлен, вероятно, небольшой наконечник, обнаруженный нами при раскопках городища Замошье (рис. 28, *14*). Длина пера 2,3 см, его сечение по форме напоминает треугольник. Черенок, к сожалению, обломан и реконструировать невозможно, хотя уцелевшая часть свидетельствует о его прямоугольном сечении. Параллели подобным небольшим наконечникам можно найти в Латвии [23, *90,* табл. XII, 1], в Польше [177, рис. 36, *17—31],* на дьяковских городищах [99, табл. I, рис. 28], а также в позднесарматских погребениях, датируемых началом нашей эры [136, *496—497,* рис. 61, *11].*

Треугольные. При раскопках городищ Бураково и Поддубники обнаружено по одному экземпляру наконечников с треугольным сечением пера (рис. 28, *6, 8*), причем наконечник из городища Поддубники значительно фрагментирован (обломано перо). Целый образец имеет длину пера 5 см и черенка 3,7 см. Сечение черенка круглое, окончание утолщенное. Наконечники имеют вытянутую форму и хорошо заглажены. Подоб-

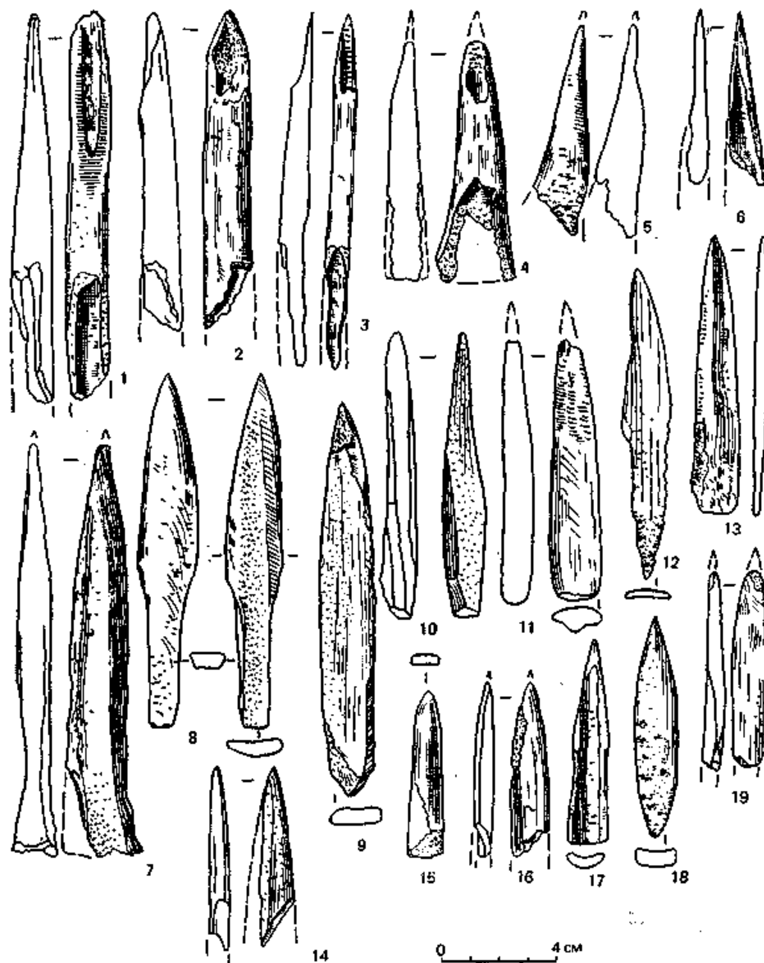

Рис. 29. Городище Замошье. Костяные наконечники дротиков и копий

ные находки встречаются в дьяковских городищах [99, *80,* табл. I, *89],* Латвии [23, табл. XII, *16, 17].* Я. Я. Граудонис датирует их серединой I тысячелетия до н. э. К. Ф. Смирнов допускает, что они изготовлялись по образцу скифских трехлопастных бронзовых наконечников [100, рис. 22А, *17].* Известно, что ранние экземпляры костяных наконечников стрел этого типа более длинные [98, *87].* В этой связи заметим, что наши образцы крупнее латышских. Интересен фрагмент наконечника стрелы с двумя жальцами из городища Замошье (рис. 28, 7). Фрагментарность находки не позволяет установить ее размеры. Она имела уплощенно-ромбическую форму пера и черенка и, что интересно, жальца у нее находились на разных уровнях. Аналогии этой особенности нам отыскать не удалось.

Втульчатые наконечники представлены пока двумя экземплярами из Замошья (рис. 30, *16, 17).* Изготовлены они из трубчатой кости, их длина 6,5—7,5 см, длина косого среза равна 3,5 см. Один образец имеет на конце втулки усеченно-конические лопасти. Аналогов этим наконечникам пока нет.

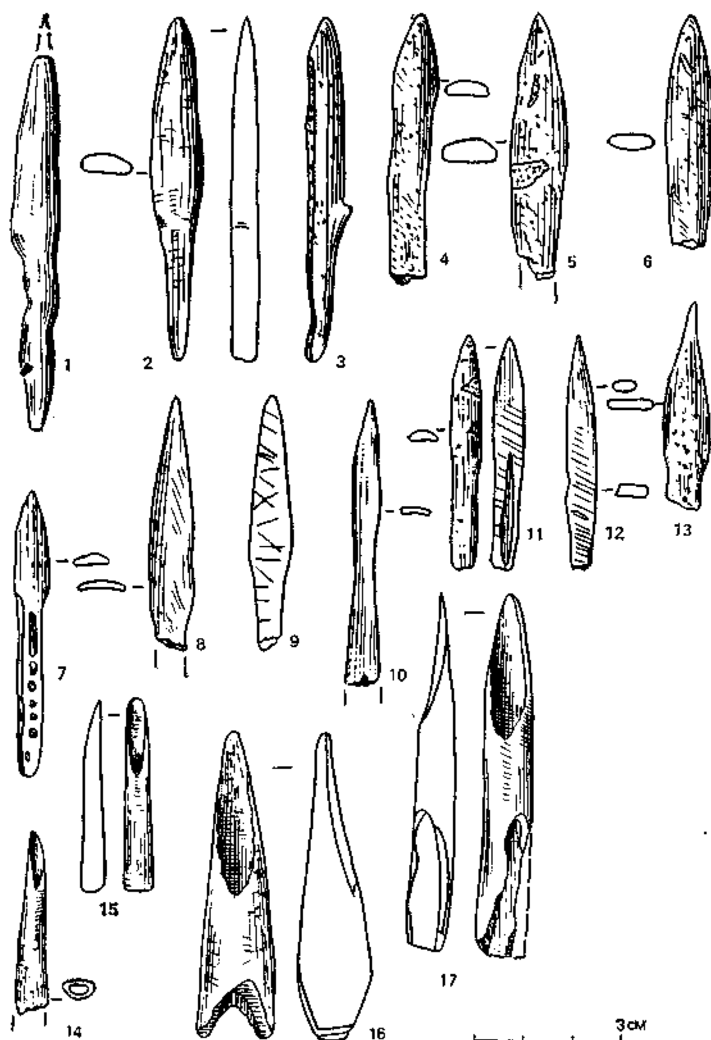

Рис. 30. Костяные наконечники стрел: 1 — Бураково; 2, 4, 6, 8—12, 14—17 — Замошье; 3, 5, 7, 13 — Поддубники

Костяные наконечники копий. Изготовлялись из пластин массивных трубчатых костей (рис. 29). В нашей коллекции известны два черенковых и два втульчатых наконечника копья, которые обнаружены на городище Замошье. Черенковый в необработанном виде (рис. 29, *8)* напоминает вытянутый лист длиной 12 см. Лезвие его имеет с одной стороны (внутренняя часть трубчатой кости) прямую шлифовку, а с другой — округлую. Черенок в сечении — неправильный четырехугольник. Подобный наконечник копья, только с ромбовидным сечением лезвия, происходит из городища Мукукалнс [23, табл. XIV, *13]*.

Втульчатые костяные наконечники копий и дротиков (рис. 29, 1—*6)* представляют собой трубчатую кость с косым срезом, образующим лезвие; в тыльной части губчатое вещество высверливалось, образуя втулку. Поскольку наши образцы фрагментарны, то размеры их уста-

новить трудно. Подобный наконечник копья обнаружен в Мукукалнсе [23, табл. XIV, *12]*. На территории Литвы наконечники копий подобного типа датируются второй половиной I тысячелетия до н. э. [175, рис. 69, *1]*. По стратиграфическим данным, наши экземпляры относятся к этому же времени.

Впервые на рассматриваемой территории на городище Замошье найден фрагмент рукоятки кинжала (рис. 26, *15)*. У нее округлая головка и зональный орнамент из нарезных выпуклых параллельных поясков. У головки — два круговых пояса, ниже — три. Схожая рукоять обнаружена в нижних слоях городища Новые Батеки на Смоленщине [140, *161,* рис. 10, 5]. К черенкам ножей, по-видимому, следует отнести два образца из городища Замошье (рис. 26, *5, 10)*. Один из них имел отверстие для подвешивания. Возможно, в них вставлялись кремневые ножевидные пластины. Известны фрагменты ножей из кости (рис. 26, *6)*.

Наряду с костяными изделиями и их фрагментами на изучаемой территории обнаружены кости со следами обработки, что имеет важное-значение для уяснения техники обработки кости.

Таким образом, рассматривая костяные предметы различного значения, мы видим, что часть их — проколки, булавки и др.— изготовлялась только путем совершенствования естественной формы кости: (например, метакарпальной) и приспособления ее к практическим потребностям. В других случаях, первичная форма кости в процессе обработки полностью изменялась. Формы костяных изделий первой группы весьма консервативны, они существуют в течение тысячелетий и встречаются на обширнейших территориях. Находки многообразных предметов из кости в памятниках I тысячелетия до н. э. и особенно в его первой половине, т. е. в ранний период изучаемой культуры, свидетельствуют о том, что костяные орудия заменяли металлические и играли существенно важную роль в производстве. Для этого периода характерно обилие, а также разнообразие видов и форм изделий из кости, И только к концу I тысячелетия до н. э., когда усилилось внедрение железа в хозяйственную деятельность людей, численность предметов из кости резко упала, а некоторые формы исчезали вовсе.

3. МЕТАЛЛИЧЕСКИЕ ИЗДЕЛИЯ

Изделия из железа. Важной вехой в социально-экономическом развитии племен, обитавших на изучаемой территории, была древняя металлургия железа. Как писал Ф. Энгельс, благодаря появлению железа люди получили орудия такой твердости и остроты, которым не мог противостоять ни один камень, ни один из других известных тогда металлов [1, *163]*. Железные орудия на юге Белоруссии появились в VII—VI вв. до н. э. [75, *136]*. На территории Белорусского Подвинья они распространяются несколько позже — во второй половине I тысячелетия до н. э., а широко входят в обиход только к рубежу нашей эры. Чаще всего железные изделия использовались в земледелии.

Топоры. Железные проушные топоры раннего железного века известны из нескольких городищ изучаемой территории. Использовались они главным образом при вырубке лесных пространств, необходимых для земледельческого хозяйства. Безусловно, топор являлся и одним из основных деревообрабатывающих инструментов. В нашей коллекции имеются как целые экземпляры, так и фрагменты. Три топора из городищ Бороники, Замошье, Кубличи можно объединить в одну группу и

отнести к так называемым «скифским топорам» (рис. 31, 1—*3).* Указанные топоры имеют ширину лезвия 2,7—3,1 см, диаметр проушного отверстия 3—3,2 см, длина их от 11,5 до 13,5 см. Более массивен экземпляр из городища Кубличи, его длина 17 см. Этот тип топоров имеет весьма широкий ареал: в могильниках Эстонии, где датируется началом нашей эры [69, рис. 7, *8],* на территории Латвии — в Стразде [23, *103,* табл. XXVII, рис. 6], Светайни, Мазпуятах [69, рис. 7, *8],* Даниловке [23, *103,* табл. XXVII, рис. 6], на Смоленщине— городища Холмец, Новые Батеки [138, *356, 357,* рис. 8; 119, *15,* рис. 4; 140, *169,* рис. 14, *17],* в бассейне Десны — городище Торфель [19, *154,* рис. 54, *31],* у с. Александровка близ Курска [37, рис. 2, *8],* на Каменском городище скифской культуры из слоя IV в. до н. э. [21, *126,* табл. XVII, рис. 7], на городище Горошков (БССР), в кладе V—IV вв. до н. э. [59, *60,* рис. 21, *6],* на поселениях подгорцевского типа в с. Подгорцы под Киевом [37, рис. 2, *3],* на городище гето-дакийской культуры IV—III вв. до н. э., у с. Бутучены в Молдавии [37, рис. 2, *1].* Все топоры очень близки друг к другу: имеют почти одинаковые размеры основных частей, круглое отверстие для рукоятки и узкое, чуть скошенное лезвие. Таким образом, этот тип проушных узколезвийных топоров известен в скифских, юхновских, подгорцевских, милоградских, гетских, днепро-двинских и прибалтийских древностях. Они происходят из областей скифской культуры и отсюда широко распространяются на северные территории. Для юга эти топоры датируются VI—IV вв. до н. э. [37, *29, 31].* У племен верховьев Днепра они появились около IV в. до н. э. и бытовали значительно дольше, чем на юге [140, *170].* Распространяясь далее на северо-запад, они фиксируются в Латвии рубежом нашей эры или, возможно, несколько раньше [23, *103].* Для северной Белоруссии появление «скифских» топоров можно относить к последним векам до нашей эры. Дальнейшая эволюция их, видимо, связана с округлением обушной части, вытягиванием проушного отверстия, увеличением лезвийной части, что характерно уже для территорий балтских и соседних финно-угорских племен середины и второй половины I тысячелетия н. э.

От указанных узколезвийных топоров отличаются топоры характерной формы, обнаруженные на городищах Поддубники, Барсуки, Августово [рис. 31, *6, 7, 9].* Их размеры соответственно равны: длина 16, 18,3, 17,5 см, ширина лезвия 8, 6, 6 см, диаметр отверстия 3, 2, 3 см. Весьма своеобразен топор из городища Августово. Он отличается архаичной формой, напоминающей топоры эпохи бронзы. Сильно изогнут и не имеет точных аналогов. А. Г. Митрофанов считает его древнее всех других топоров, известных в Белоруссии [67, *34].* Несмотря на кажущиеся различия их, эти топоры можно отнести вслед за X. А. Моорой к типу южноприбалтийских топоров. Сходные образцы найдены в Латвии: в могильнике с каменными оградками в Лаздыни, Лачкалнсе и в Адажском лесу [23, *103,* табл. XXVII, *4, 5].* Эти топоры, по мнению X. А. Моора, имеют сходство с находками латенского периода [178, *495].* К южноприбалтийским топорам относится целый экземпляр из городища Малышки, который А. Г. Митрофанов, по классификации X. А. Моора, датирует I—III вв. н. э. [67, *34].* Любопытно отметить, что из нижнего горизонта городища Лабенщина (вторая половина I тысячелетия до н. э.) происходит топор из рога оленя [67, *71,* рис. 20, *12],* весьма схожий с железным топором из городища Поддубники, а также крупный фрагмент железного топора этого же типа. Другие аналоги подобным топорам пока неизвестны.

Учитывая сказанное и принимая во внимание то, что прибалтийские топоры этого типа датированы концом I тысячелетия до н. э. или началом нашей эры [23, *103]*, а белорусские экземпляры—второй половиной I тысячелетия до н. э. [67, *71*, рис. 20, *12]*, можно сделать вывод о том, что производство топоров из железа южноприбалтийского типа возникло в - среде племен средней и северной Белоруссии во второй половине I тысячелетия до н. э. в качестве подражания прибалтийским бронзовым образцам и существовало на протяжении всего раннего железного века. Впоследствии эти топоры, как и скифские, получили общую унификацию, о которой упоминалось выше.

Серпы. Из орудий земледелия на городищах Белорусского Подвинья наиболее многочисленны серпы. Их насчитывается свыше 30. Проводить какую-либо классификацию по имеющимся данным пока затруднительно. В работе над нашими материалами мы использовали классификацию Ю. А. Краснова [42, *68—79]* для серпов лесной полосы Восточной Европы и Р. С. Минасяна [61, *74—85]* той же территории. Все серпы можно подразделить на три типа.

Первый — орудия, ось черенка которых либо является продолжением оси задней части клинка, либо плавно отогнута от нее внутрь (IV тип по Ю. А. Краснову, группа I, вариант Б по Р. С. Минасяну) (рис. 32). Это самый распространенный и характерный для балтского ареала тип.

Второй — серпы, лезвие которых имеет большой изгиб, оттянуто и сохраняет одинаковую ширину на всем протяжении, сужаясь только к носу (рис. 32, 7—*3)*.

Третий — серпы с изогнутой под прямым или тупым углом спинкой (рис. 33, *8—13)*. Это своеобразный и характерный только для изучаемой территории тип орудий. Разберем подробнее их особенности и отличительные черты. При описании серпов расстояние между концами лезвия будет обозначаться линией АБ, расстояние от основания до наивысшей точки — линией СД и положение наивысшей точки относительно основания — линией АС.

Измерение изгиба лезвия показывает, что племена севера Белоруссии еще не знали формы серпа с высокими производственными показателями. Все серпы имеют сравнительно небольшой изгиб, расстояние СД ни в одном случае не превышает 1/4, чаще всего 1/6 линии АВ, а серп из городища Бураково даже имеет 1/10 (рис. 32, *1)*. Расстояние АС колеблется около 1/2 линии АВ и ни в одном случае не менее 1/4. Все имеющиеся в нашей коллекции серпы по способу крепления рукоятки с черенком относятся, по классификации Ю. А. Краснова [42, *69]*, к третьему отделу — черенковых (IV и V типы). Всего таких серпов насчитывается 20. Размеры серпов невелики. Линия АВ у целых и поддающихся реконструкции равна 9—10 см. Большинство серпов симметричны (IV тип по Ю. А. Краснову), т. е. расстояние АС приблизительно равно 1/2 линии АВ, и имеют небольшой изгиб лезвия, т. е. отношение СД к АВ составляет 1/5 и 1/6.

Чаще всего переход от спинки к черенку представляет одну линию (рис. 32, *1—3, 5, 11—17)*. В трех случаях такая линия наблюдается и со стороны лезвия (рис. 32, *5, 12, 14)*. Серпы имеют плавные уступы как с одной, так и с обеих сторон. У экземпляра из городища Кубличи черенок отогнут к лезвию. Все черенки четырехугольные в сечении, длиной от 3 до 7 см.

Два серпа асимметричны (V тип по Ю. А. Краснову). АС в первом случае составляет 2/5 (рис. 32, 7), во втором (рис. 32, *9)* —1/3 АВ. Пере-

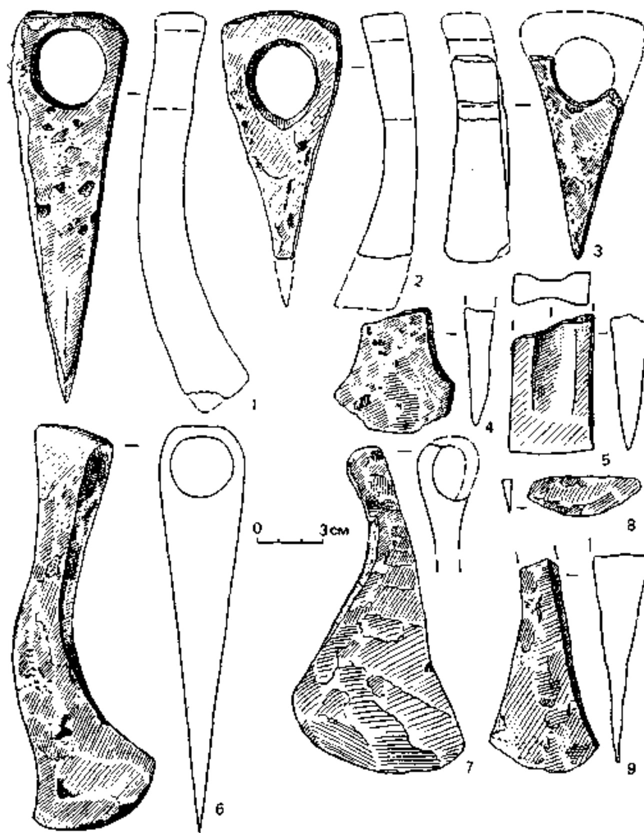

Рис. 31. Топоры железные: 1 — Кубличи; 2 — Бороники; 3 — Замошье; 4, 5 — Бураково; 6 —Августово; 7 — Поддубники; 8 —Урагово; 9 — Барсуки

ход к черенку со стороны лезвия имеет небольшой уступ. Подобные серпы принадлежат к редким находкам на изучаемой территории. Только два таких серпа в слоях раннего железного века обнаружены и в соседней культуре штрихованной керамики [67, *36]*. Объясняется это тем, что сходные асимметричные серпы получают широкое распространение только со второй половины I тысячелетия н. э. и, таким образом, для раннего железного века нашей территории они не характерны.

Большинство описанных серпов Р. С. Минасян выводит от серповидных орудий с круто изогнутой спинкой и изогнутым лезвием. По его мнению, эти серпы появляются в днепро-двинском ареале на рубеже нашей эры и бытуют до V—VI вв. [61, *77—78,* рис. 3]. Самые многочисленные аналоги известны из городищ культуры штрихованной керамики (37 экз.) [67, *36,* рис. 19—23]. Серпы этого типа известны на территории Латвии [174, *26,* рис. 17, *3]* и Литвы [175, *179,* рис. 111, *5, 6],* на Смоленщине [119, *58,* рис. 22, *3, 5;* 140, *169,* рис. 14, *25, 26],* на городищах верховьев Западной Двины и прилегающих районов [108, рис. 21, *3;* 56, *1—3,* табл. VI, 5; 111, *125,* табл. II; 60, *138,* рис. 3, *4, 5],* на ряде городищ по Оке [73, рис. 12, *9,* 49, *12], в* верхнем течении Десны [10, рис. 40], на Псковском городище и на Старой Ладоге [25, рис. 12, 5].

Из городищ Кубличи и Замошье известны серпы, лезвие которых име-

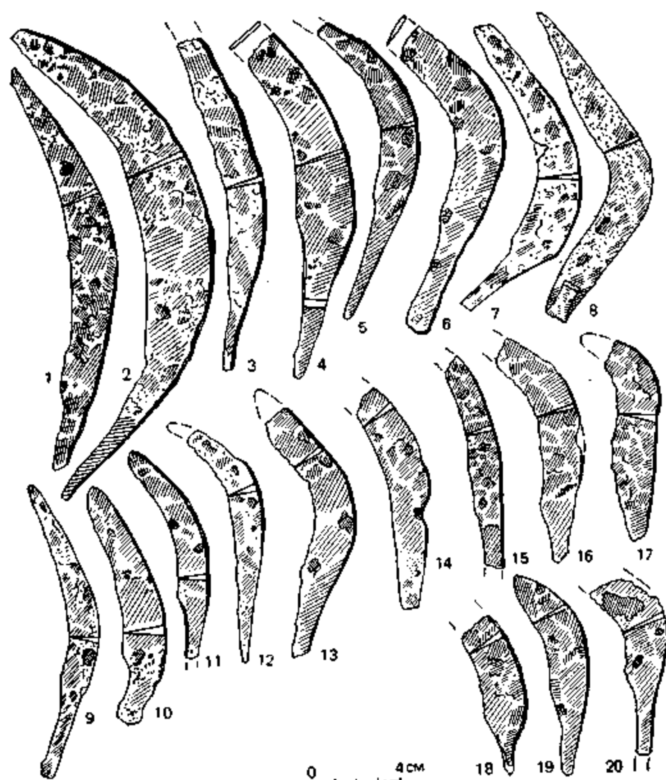

Рис.32. Серпы железные: 1 - Бураково, 2, 18-20 -- Урагово, 3 - Барсуки, 4, 11, 16 -- Заговалино, 5 19 - Кострица, 6, 7, 9, 10, 13-15, 17 -- Кубличи, 8 - Чемерино, 12 -- Мазурино

ет большой изгиб, оттянуто и сохраняет одинаковую ширину на всем протяжении, сужаясь к носу (рис. 33, *1—3*). Подобных серпов среди древностей пока не найдено. Наиболее близки нашим экземплярам находки из Мукукалнс, Кивты (Латвия), которые Р. С. Минасян относит в вариант А группы I и к орудиям, у которых вершина дуги клинка сдвинута в сторону носа. Серпы данного варианта распространены главным образом в средней и восточной Латвии и северной Литве, а также в южной Эстонии, где они найдены как в могильниках (в женских погребениях), так и на городищах. Наиболее ранние находки на указанной территории датируются II—III вв. [61, *77, 78,* рис. 3, *9, 10]*.

Весьма своеобразным и характерным для днепро-двинских городищ Белорусского Подвинья является тип серпов с изогнутой под прямым или тупым углом спинкой (рис. 33, *8—13*). По два таких серпа найдено на городищах Кострица, Кубличи, Заговалино [158, 277—278, рис. 9; 157, *37,* рис. 6, *3],* Барсуки, Замошье [184, д. 525, рис. 26, *4;* д. 715, рис. 19, *2, 3]*. Изгиб лезвия у них очень незначительный (линия СД составляет 1/7—1/10 линии АВ). Ширина пои изгибе довольно большая и доходит до 4,5—5 см. Экземпляры из Кострицы имеют на черенке два отверстия, а из Замошья и Горовые — две заклепки, что, безусловно, связано с креплением к ним деревянной ручки. Большая ширина на изгибе и отверстия на черенке позволили К. П. Шуту назвать эти изделия косарями

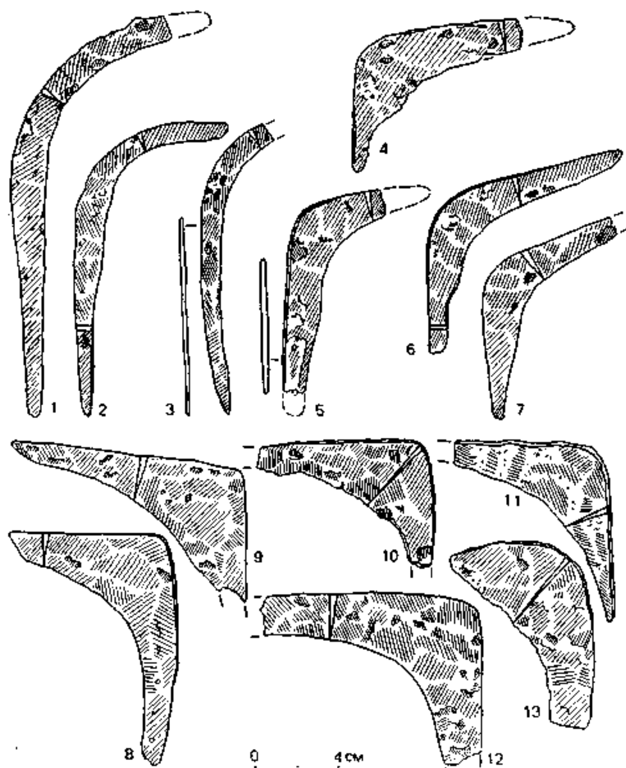

Рис. 33. Серпы железные: 1, 3—5 —Замошье; 2, 6, 9, 10—Кубличи; 7 —Язно; 8, 12 — Кострица; 11—Барсуки; 13—Заговалино

[158, *278]*. И действительно, такая конструкция придавала орудиям относительную прочность. Чаще всего они ломались в более узких местах. Вполне допустимо, что этими серпами можно было не только жать, но и срезать луговые кусты, ветви деревьев и т. п.

Таким образом, данные орудия сочетали в себе как функцию серпа, так и косаря. Подобная универсальность связана, видимо, с экономией железа, добыча которого в изучаемый период все еще была связана с большими трудностями. Встречаются эти своеобразные серпы довольно редко и не на всех городищах северной Белоруссии. Локализуются они пока на сравнительно небольшой территории белорусского Левобережья Западной Двины (исключением является городище Барсуки, хотя и расположено на самом берегу реки). Единственный аналог известен с городища Холм (Смоленщина) [185, табл. XXVI, *6]*. Ограниченность материала не позволяет составить четкий и полный типологический ряд развития этой формы изделий. Е. А. Шмидт полагает, что первоначальные серпы имели небольшую кривизну лезвия и угловатую спинку, длинный черенок. По форме они подобны находкам из Демидовского городища Верхнего Поднепровья и Подгая в верховьях Западной Двины. Серп, схожий с образцом из городища Подгай [108, рис. 42, *2],* обнаружен и в Кубличах. К. П. Шут относил их к серповидным ножам [158, *276,* рис. 8, *8], а* Я. В. Станкевич подобные изделия называла кривыми ножами. По Ю. А. Краснову, эти орудия относятся к асимметричным серпам (тип. VII), у которых вершина дуги лезвия также сдвинута к конечной

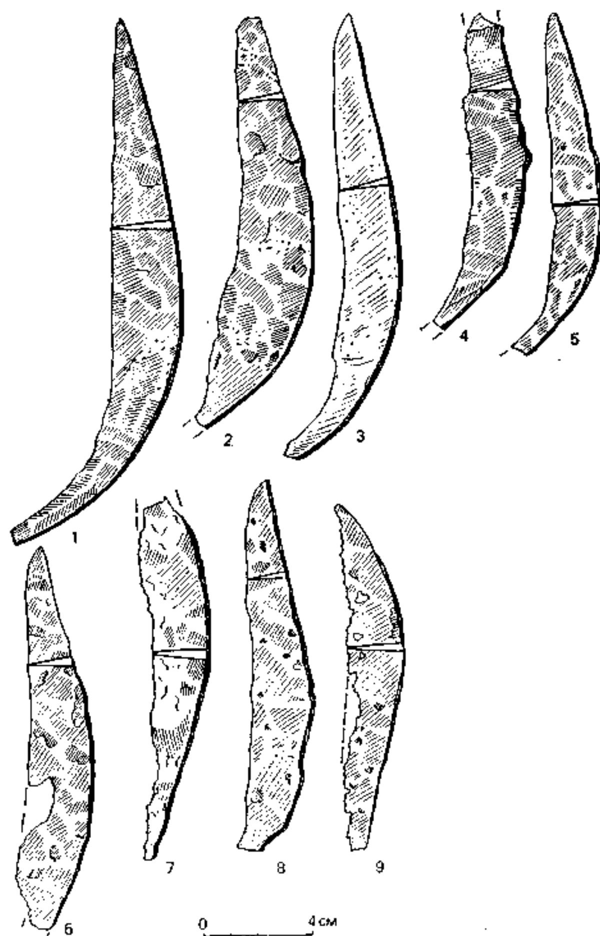

Рис. 34. Жатвенные ножи: 1, 2, 4, 6, 8 — Кострица; 3, 5 — Кубличи; 7 — Барсуки; 9 — Язно

части клинка и которые появляются на памятниках средней и восточной части Латвийской ССР во II—IV вв. н. э., широко распространены во второй половине I тысячелетия н. э. [42, *76,* рис. 52]. Подобные серпы известны в Эстонии и Литве. По своим формам они напоминают ножи-косари, которые были широко распространены в Прибалтике с начала железного века. Эти ножи и явились исходной формой для серпов VII типа (по Ю. А. Краснову) или «серповидных», «кривых» ножей в зависимости от степени изгиба лезвия. Промежуточным звеном, на наш взгляд, в этом развитии и были серпы с прямоугольной спинкой, употреблявшиеся на изучаемой территории в первых веках нашей эры.

Жатвенные ножи. Железные орудия, которые могли быть жатвенными ножами, часто встречаются при раскопках городищ северной Белоруссии. Иногда их называют серповидными ножами. В отличие от серпов они или вовсе не имеют изгиба, или эта изогнутость весьма незначительна, что и сближает их с ножами. Однако они имеют отогнутый в сторону лезвия черенок (рис. 34). На изучаемой территории найдено около 15 целых и поддающихся реконструкции экземпляров. Длина их основания

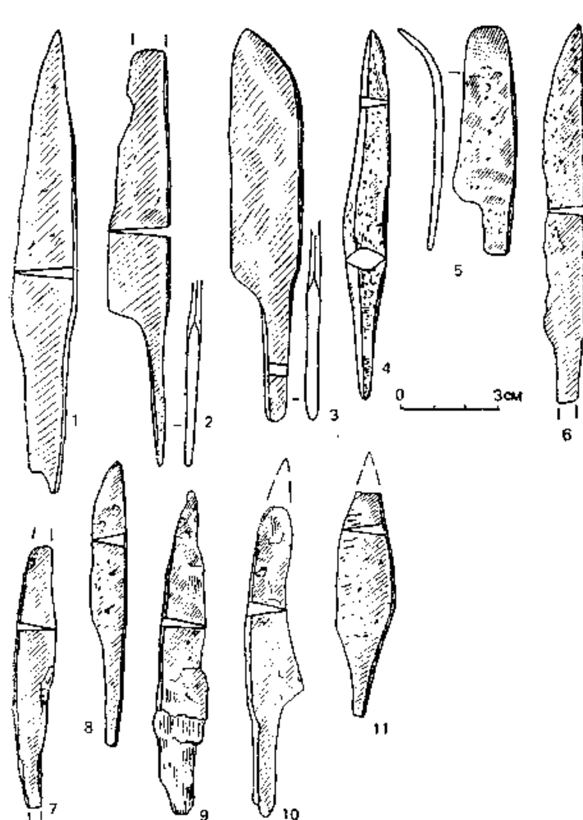

Рис. 35. Ножи железные: 1—5 — Кубличи; 6 — Урагово; 7 — Язно; 8 — Кострица; 9 — Казиново; 10 — Замошье; 11— Барсуки

(т. е. длина по прямой от начала лезвия до его конца) равна 8—17 см. Характерной особенностью формы описываемых орудий является расширение клинка в первой его трети, которое колеблется у разных экземпляров от 1,5 до 3 см. Линия спинки переходит в линию черенка без видимого уступа, а линия лезвия, как правило, имеет небольшой уступ. Длина черенка 3—7 см. Подобная конструкция позволяет предполагать, что жатвенные ножи предназначались для уборки и срезания травы, однако точное функциональное назначение этих орудий определить трудно.

К настоящему времени жатвенные ножи известны только в западных районах лесной полосы. Наиболее близкие аналоги нашим образцам имеются в древностях культуры штрихованной керамики, где А. Г. Митрофановым обнаружено около 20 подобных изделий [67, рис. 19, *5—8, 20, с—8,* 21, *2—6, 14—16],* известны они в Прибалтике [12, табл. XXIII, рис. 5; 137, рис. 8, *2,* 10, *9,* 12, *8,* 31, *20],* реже встречаются на Смоленщине {185, табл. XXV, /, 7], где имеют характерные особенности в виде отогнутого конца лезвия и, кроме того, большего изгиба лезвия. Можно отыскать аналоги и в верховьях Западной Двины [108, рис. 69, 1, *2].* До некоторой степени близки им так называемые кривые ножи из городища Подгай [108, рис. 42]. Датируются эти изделия I—IV вв. н. э., причем наиболее древние экземпляры происходят из Прибалтики [178, табл. I, II, 42, *68].*

Ножи. На городищах северной Белоруссии в изучаемый период железные ножи не являются частыми находками. Всего обнаружено около 15 изделий, причем целых и поддающихся реконструкции —8 (Урагово — 1 целый; Кубличи —4 целых, 1 заготовка; Язно —1 целый, 1 фрагмент) (рис. 35).

Имеющиеся ножи весьма сходны по форме и размерам с подобными изделиями из городищ культуры штрихованной керамики средней Белоруссии, и их можно также подразделить на два типа: с изогнутой спинкой и прямой [67, рис. 19—23]. Следует только отметить, что изогнутость у

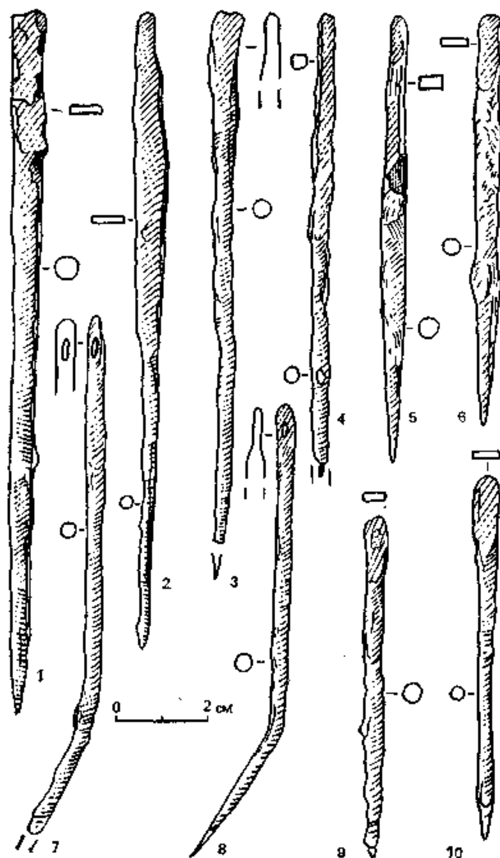

Рис. 36. Железные шилья и ножи: 1, 7 — Абрамово; 2 — Заговалино; 3, 4 — Язно; 5, 6 — Урагово; 8 — Кострица; 9, 10 — Замошье

изучаемых изделий менее выражена, чем, например, у ножей из городища Лабенщина [67, рис. 21—23]. Объяснить это можно тем, что они более поздние. И совсем не имеется ножей с очень выпуклой так называемой «горбатой» спинкой, характерной для раннего периода городищ Смоленщины [184, табл. XXVIII], милоградских [59, рис. 23, *1, 2, 4, 5]* и ранних захоронений зарубинецкой культуры [77 (1971 г.), рис. 65, 66]. Размеры целых ножей различные — от 8 до 15 см, ширина лезвия 1—2 см, длина черенка варьирует от 1,5 до 4 см. Своеобразен экземпляр из городища Кубличи, найденный у очага постройки VI. Нож имеет прямую спинку и его округлый конец сильно загнут, как у ложкаря (рис. 35, *5).* По мнению К. П. Шута, этот нож мог использоваться при изготовлении посуды и ложек из дерева [186, д. 257]. Все ножи при переходе лезвия в черенок имеют уступ, а в кубличских экземплярах он почти перпендикулярен линии черенка (рис. 35, *2, 3).* Изделия, подобные этим ножам, отыскать не удалось. Со стороны спинки переход имеет плавную линию, а в некоторых случаях и вовсе незаметен (рис. 35, 1—*10).* Черенок во всех случаях по отношению к рабочей части поставлен прямо. Изделия с сильно отогнутым черенком в сторону лезвия из Кострицы К. П. Шут относит к ножам [186, д. 257]. На наш взгляд, их скорее всего, следует рассматривать как жатвенные ножи, поскольку сильно загнутая рукоять препятствует выполнению функций ножа. Кстати, в Прибалтике, где эти изделия широко бытуют в I—IV вв. н. э., они носят название серповидных [175, рис. 113, *3, 4].*

В синхронных культурах лесной полосы ножи являются обычными находками, однако они не везде одинаковы. В целом развитие их в раннем железном веке шло от форм с короткой горбатой спинкой к ножам удлиненных пропорций с небольшой кривизной и, наконец, к прямым. Если считать, что ножи с архаичной «горбатой» спинкой датируются последними веками до нашей эры [115, *46],* то наши более поздние экземпляры можно датировать условно II—IV вв. н. э

Шилья и иглы. При раскопках городищ Подвинья (Абрамове, Урагово, Кубличи, Язно, Бураково, Барсуки) обнаружены шилья (рис. 36,

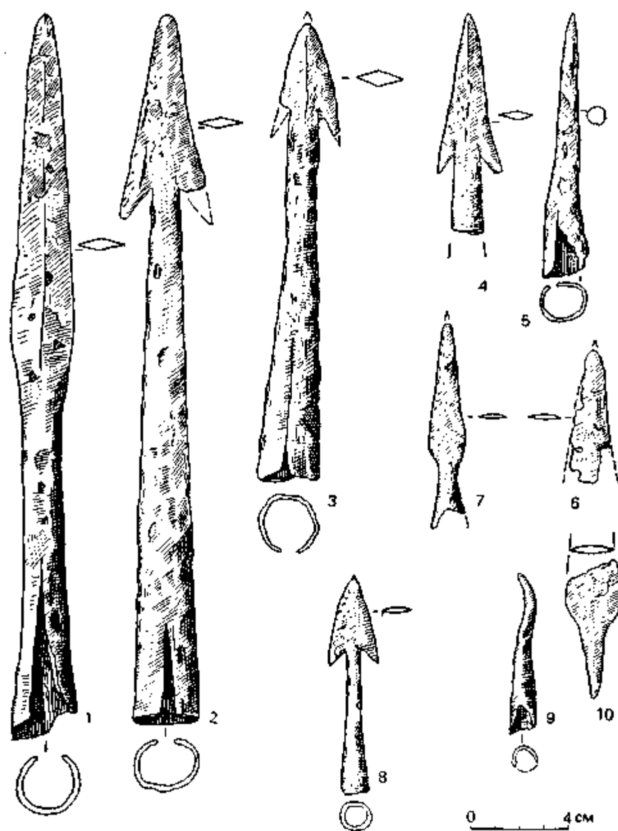

Рис. 37. Железные наконечники копий, дротиков и стрел: 1 — Бураково; 2 — Августово; 3 — Заговалино; 4 — Замошье; 5 — Абрамово; 6, 9 — Язно; 7—Кубличи; 8 — Кострица; 10 — Урагово

1—6, 10). Их средняя длина колеблется от 6 до 13 см, отдельные экземпляры достигают 20 см, диаметр сечения в средней части от 0,3 до 0,5 см. Самыми ранними изделиями следует считать шилья, имеющие стержень округлой в сечении формы, один конец которого заострен, а второй расплющен в виде лопаточки (рис. 36, *1, 3, 6, 10).* Развитие формы шильев шло к появлению четырехугольного сечения у насада, иногда имеющего лопаткообразное расширение (рис. 36, *2, 4, 5).* Отметим, что шилья с меньшим диаметром встречаются, как правило, в нижних слоях. Железные шилья, аналогичные представленным экземплярам, имеют широкое распространение в европейской части СССР. Они являются массовым материалом в древностях культуры штрихованной керамики [67, рис. 20, *25—27,* 22, *11—14,* 23, *7—9],* в Верхнем Подвинье [108, *63,* рис. 43, *5—10],* на юге Псковщины [60, *138,* рис. 3, *1—3],* на Смоленщине [185, табл. XXXV], в Прибалтике [175. *182,* рис. 114, *3, 4],* на городищах Верхней Оки [73, рис. 25], на дьяковских городищах [99, табл. IV, *8, 11],* в древностях милоградской [59, рис. 24] и зарубинецкой культур [77 (1971 г.*), 35,* рис. 20, *2—10].*

Из городища Абрамово [155, рис. 9, *4]* известна находка иглы, длина которой 12 см, диаметр сечения 0,4 см. Игла имеет узкое каплевидное ушко, конец загнут (рис. 36, 7). Она аналогична изделию из городища

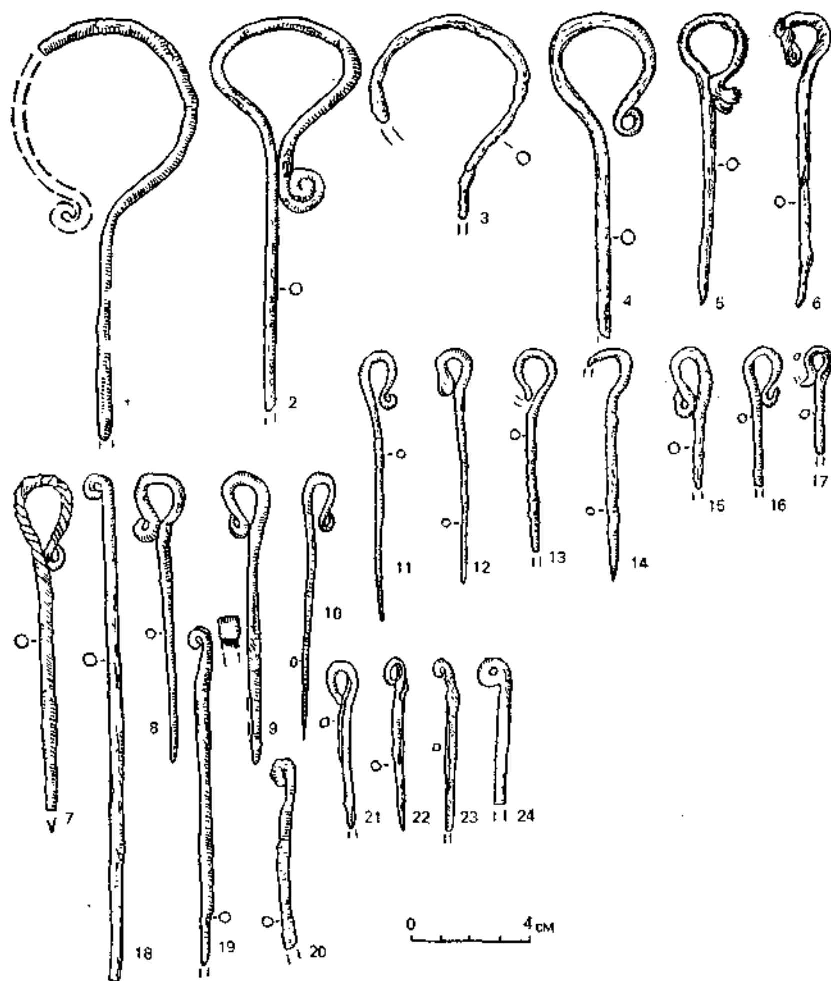

Рис. 38. Булавки железные: 1, 2, 6, 12, 14, 22 — Бураково; 3 —Загорцы; 4, 5, 8, 9, 18, 19 —Кубличи; 7, 10, 11, 13, 15, 16, 24 —Кострица; 17, 21 —Язно; 20 — Замошье; 23 — Заговалино

Новые Батеки [185, табл. XXXV, *16]*. Железные иглы часто встречаются на территории европейской части СССР, по форме и технологии изготовления они аналогичны бронзовым. На изучаемой территории вместо железных долгое время использовали костяные иглы. Поэтому находки подобного рода встречаются редко и зафиксированы только в трех случаях (рис. 36, *7—9).*

Бритвы. При раскопках городища Бураково [154, рис. 6, *12]* и Барсуки [129, *430]* обнаружены железные бритвы. Они представляют собой небольшие ножи с плоским черенком и выпуклым лезвием (рис. 40, *8, 9)*. Размеры бритвы небольшие: из Бураково длина 7,5 см, ширина лезвия 1,3 см, из Барсуков соответственно 8 и 1,4 см. Черенки у обоих экземпляров прямые, причем у бритвы из Барсуков сохранились остатки деревянной ручки. На территории Белоруссии известны подобные находки из городищ Лабенщина и Банцеровщина [67, *35,* рис. 20, *24]*. Сходные формы

мы находим на Смоленщине (городище Демидовка) [146, табл. XXXII, *4—6]*. Аналог имеется среди материалов из городища Мукукалнс, он датируется рубежом нашей эры [23, *102,* табл. XXI, *7]*. Такой же тип найден в Кивтах [150, *176,* рис. 1, *22, 23]*. Многочисленны подобные находки в погребениях с каменными ящиками на территории Эстонии [137, рис. 20, *10,* 26, 7, 31, *18],* которые датируются первыми веками нашей эры. Таким образом, по аналогии с находками в других районах, белорусские экземпляры можно датировать первыми веками нашей эры.

Наконечники копий, дротиков, стрел. На рассматриваемой территории предметов вооружения и снаряжения воинов встречено мало. Так, к настоящему времени целых наконечников копий обнаружено только два экземпляра: на городищах Бураково и Казиново, и небольшой фрагмент известен из Язно. Наконечников дротиков найдено также два: в Августово (целый) и на городище Замошье (фрагмент). Наконечников стрел насчитывается шесть (по одному в Кубличах, Абрамово, Урагово и три в Язно). Остролистный наконечник копья из Бураково (рис. 37, *1),* обнаруженный в культурном слое, датированном К. П. Шутом [186, д. 257] III—IV вв. н. э., имеет длину, равную длине пера и втулки, общую же— 30 см, ширину пера — 3, диаметр втулки — 2,5 см. Аналоги подобным крупным и массивным наконечникам в лесной зоне нам неизвестны. Близкая форма обнаружена на Троицком городище дьяковской культуры, где датирована II—III вв. н. э. [31, *58,* табл. 8].

Железные дротики известны из Августово и Замошья (рис. 37, *2, 4)*. Первый описан А. Г. Митрофановым и относится к III—II вв. до н. э. [65, *79,* рис. 80, *2]*. Второй обнаружен нами и представлен обломком (рис. 37, *4)*. Однако судя по форме и размерам уцелевшей части, он полностью аналогичен августовскому образцу. Отмечая широкую территорию распространения изделий подобного рода, А. Г. Митрофанов указывает, что их нет в Латвии и Эстонии, хотя известны они в Литве и Калининградской области. Кстати, следует заметить, что не обнаружены они пока и в Верхнем Поднепровье, в междуречье Оки и Волги. Самые ранние находки этих изделий относятся к скифским памятникам III в. до н. э. (Мастюгинские курганы). Более поздним временем они датируются в Центральной Европе и западной части лесной зоны СССР [67, *38]*.

Наконечники стрел при раскопках встречаются чаще. Те, которые можно отнести к рассматриваемому периоду, обнаружены на Язненском, Кубличском, Ураговском городищах (рис. 37, 5, 7—*10)*. Наконечник из Кубличей имеет листовидную форму и плоский черенок, у которого вилкообразное раздвоение (рис. 37, 7). Эта форма весьма своеобразна и, видимо, возникает из листовидно-ромбовидной с небольшим простым черенком. У наконечника из Урагово также листовидная форма и простой уплощенный черенок (рис. 37, *10)*. Для первого случая имеются аналоги на территории Смоленщины (городища Новые Батеки, Демидовка, Наквасино, Холм, Мокрядино, Федотково и др.) [185, *120]*. Этим ареал, пожалуй, и ограничивается, хотя подобные формы костяных стрел найдены на дьяковских [99, *80—81,* табл. I, *30, 31,* табл. II, *6]* и юхновских [6, *58,* рис. 2, *4]* городищах. Что касается плоских листовидных с простым черенком без раздвоения, то такие наконечники встречаются часто в средней полосе европейской части СССР.

Железное рубило. На городище Девички А. Г. Митрофановым обнаружено довольно редкое и своеобразное орудие, напоминающее долото. Примерно на половину длины приходится раздел на черенок и лезвийную••

часть. Круглый в сечении черенок ближе к середине имеет утолщение, а массивное утолщение лезвия несколько изогнуто (рис. 40, *1).* Его размеры: общая длина 20 см, ширина лезвия 4, диаметр черенка 2 см. Ближайшие аналоги известны с Лабенского и Дедиловичского городищ в средней Белоруссии [67, *35,* рис. 20, *16]* и Неменчинского городища в Литве, где, кстати, носит название железного рубила [175, *182,* рис. 114, *1].* Ареал этих орудий пока ограничен западной частью балтского региона. Они встречены только в Прибалтике и бывшей Восточной Пруссии. В. Герте и Х. А. Моора датируют эти орудия I—IV вв. н. э. [165, *252].* Этим же временем, надо полагать, датируется и описываемый экземпляр.

Булавки. Весьма характерными и частыми находками на изучаемой территории являются железные булавки, которые, как костяные, так и бронзовые, служили для застегивания одежды. По-видимому, одновременно они предназначались и для украшения. На памятниках северной Белоруссии данного периода таких изделий обнаружено около 30 (рис. 38). Появились они в эпоху бронзы [23, *103,* табл. XXI, *8]* и бытовали очень длительное время. Рассматриваемым булавкам посвящена специальная работа В. В. Седова [86], где подробно разбираются вопросы происхождения, распространения и принадлежности этой специфической детали одежды древних балтов.

Все найденные в Подвинье булавки можно подразделить на два типа. Первый — булавки с кольцеобразным навершием. Характерная особенность этих булавок в том, что навершие находится сбоку от центральной оси стержня (рис. 38, *18—24).* Концы стержней у них загнуты в виде кольца, причем кончик или примыкает к боковой поверхности стержня, или загнут внутрь. Стержень, как правило, имеет круглое сечение (3—4 мм), а у экземпляра из Заговалино четырехгранное.

Булавки описанного типа были распространены на широкой территории от эпохи бронзы до первых веков нашей эры и позднее. Эти булавки найдены в Латвии, где датируются I тысячелетием до н. э. или началом нашей эры. Есть они и в средней Белоруссии [67, рис. 19, *10, 26, 21, 20—29,* 22, *15,* 23, *4].* На Смоленщине они относятся к последним векам до нашей эры — первым векам нашей эры [119, *88—89,* рис. 42, *3,* 44, *8, 9].* В Волго-Окском бассейне К. А. Смирнов датирует крупные экземпляры подобного типа серединой I тысячелетия до н. э. и рубежом нашей эры булавки поменьше [99, *45].* Более ранним временем датируются булавки этого типа в южной Белоруссии (по О. Н. Мельниковской — дозарубинецким временем) [59, *89].* Найдены они на памятниках высоцкой [182, табл. XXXIV, *9, 21—23]* и в материалах лужицкой культур [167, табл. VII, *3].* Таким образом, булавки описываемого типа в северной Белоруссии можно датировать концом I тысячелетия до н. э. — началом нашей эры. Следует также отметить, что бронзовых изделий этого типа здесь пока не обнаружено.

Второй, наиболее распространенный тип — булавки с навершием в виде посоха (посоховидные). Всего на изучаемой территории свыше 10. Е. А. Шмидт полагает, что тенденция развития этой формы булавок шла от навершия с завитком в один оборот к завитку в два оборота при каплевидной форме петли [185, *132].* Булавки представляют собой прямой, чаще всего круглый в сечении (0,3—0,4 см) стержень, один конец которого заострен, а другой загнут в петлю, причем она расположена, как правило, симметрично над осью булавки. Их длина, за небольшим исключением, колеблется от 9 до 13 см и более (рис. 38, *1—17).* Все булавки изготовлены из железа и отличаются только размерами головки. Выделя-

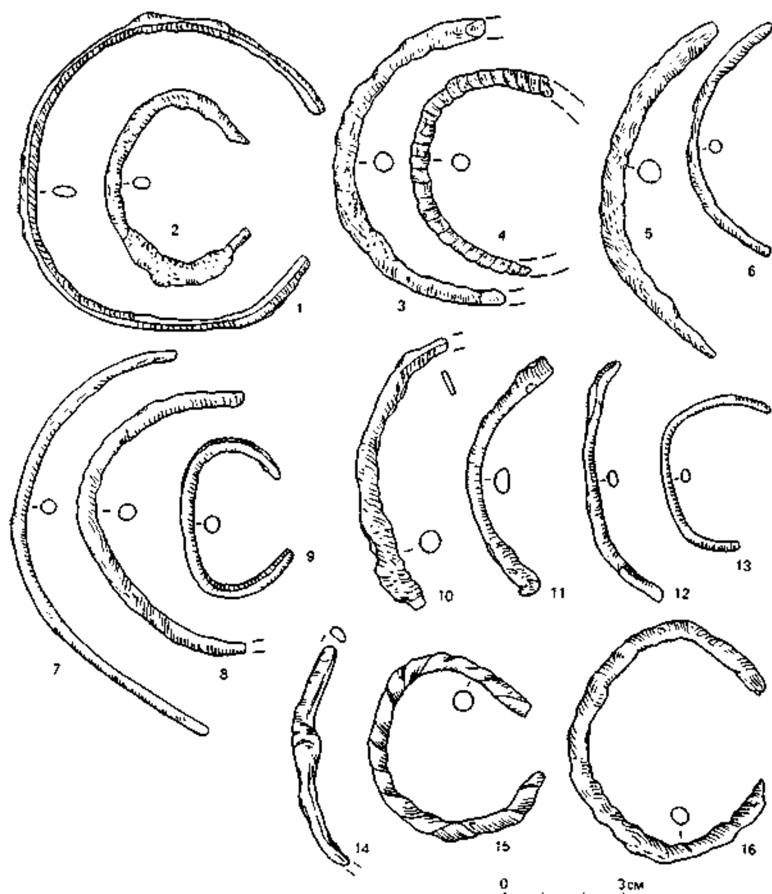

Рис. 39. Браслеты железные: 1, 2, 9, 11, 12—14 — Кубличи; 3, 8, 10 — Заговалино; 4 — Замошье; 5—7 — Бураково; 15 — Кострица; 16 — Урагово

ются своими большими головками экземпляры из городищ Бураково (2), Загорцы (1) (рис. 38, 1—*3)*. Аналоги им пока неизвестны и поэтому можно предполагать, что подобные размеры являются локальными особенностями производства этих изделий. У одной булавки, найденной на городище Кострица, верхняя часть изготовлена из перекрученного стержня (рис. 38, 7).

Основная масса находок этого типа имеет многочисленные аналоги в древностях культуры штрихованной керамики [67, рис. 19, *10, 26,* 21, *20—29, 22, 15, 23, 4],* в Верхнем Подвинье [108, рис. 43, *1—4, табл.* 6], на Смоленщине [138, *362,* рис. 11, *8, 9;* 119, *86,* рис. 42, *7, 8],* в памятниках юхновской [19, *153,* рис. 54, *35;* 57, *50,* рис. *1, 6]* и дьяковской [20, *92]* культур. Особенно много их встречается в Литве [44, рис. 13—14], Латвии [147, *13;* 10, *258,* рис. 5], Эстонии [137, рис. 10, *3—7,* 11, *2, 4,* 17, *2]*. На перечисленных территориях, судя по литературе, посоховидные булавки получают широкое распространение главным образом в I тысячелетии н. э., а на территории Литвы и Латвии во II—IV вв. н. э. [175, *212]*. Исходя из того, что по формам ранние восточноприбалтийские булавки не отличаются от верхнеднепровских, В. В. Седов допускает пред-

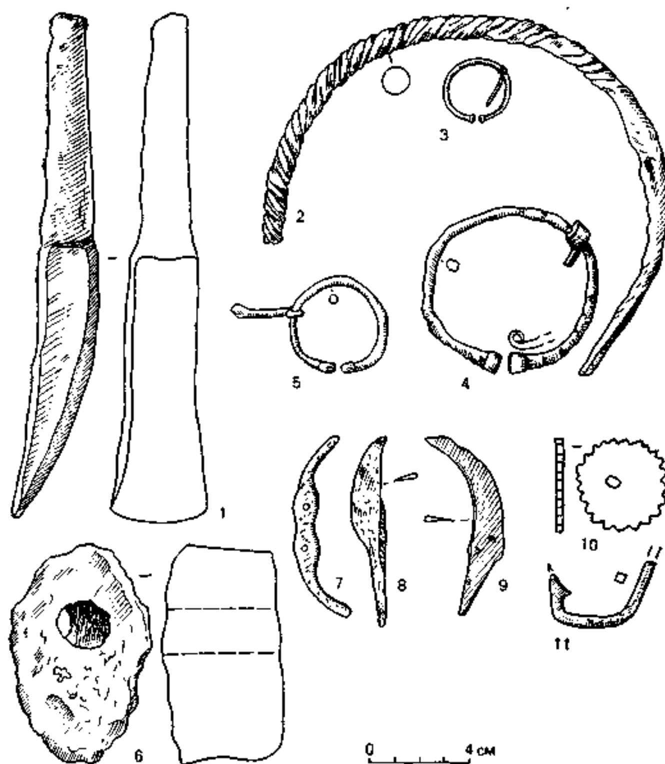

Рис. 40. Изделия из железа: 1—Девички; 2 — Зароново; 3, 4, 10 — Загорцы; 5, 7 — Кострица; 6 — Урагово; 8 — Барсуки; 9 — Бураково; 11 — Кубличи

положение о едином происхождении посоховидных булавок раннего железного века в Восточной Прибалтике и Верхнем Поднепровье, куда, по его мнению, они проникли из Среднего Поднепровья, где встречаются более ранние экземпляры [86, *137]*. Для территории Среднего Подвинья посоховидные булавки можно датировать первыми веками нашей эры.

Браслеты. Предметы украшения — браслеты, обнаруженные в древностях северной Белоруссии, в рассматриваемое время изготовлялись из круглого в сечении железного стержня диаметром 4—6 мм, который сгибался либо в форме овала, либо чаще всего в виде кольца (рис. 39). Браслеты, встреченные на городище Кубличи, изготовлены из стержня с выпукло-плоским сечением, причем имеется один обломок от браслета с завязанными концами (рис. 39, *14).* Все браслеты по технике изготовления можно подразделить на три типа: гладкие, витые, с насечками.

Гладкие изготовлялись из железного прута с круглым или выпукло-плоским сечением (рис. 39, *1—3, 5—14).* Им придавалась как круглая, так и овальная форма. Размеры овальных изделий варьируют от 3 до 8 см. Круглые имеют диаметр от 4 до 8 см. Гладкие железные браслеты имеют аналоги среди древностей Смоленщины. Е. А. Шмидт считает, что основная масса их изготовлялась после рубежа нашей эры по более древним бронзовым образцам латенских типов [140, *170—171]*. Реже они встречаются на Верхней Оке [73, *16,* рис. 2, *5]*

и на городищах Волго-Окского междуречья [99, *86, табл.* VII, *8]*. В Прибалтике гладкие железные браслеты появляются во второй половине I тысячелетия до н. э. [137, *33,* рис. 5, *3]*. Широкое распространение они получили на территории Польши в гальштате и латене [179, *368* рис. 2, 3,5, 13].

К витым браслетам можно отнести обнаруженный К. П. Шутом в слоях рубежа нашей эры экземпляр из городища Кострица [186, д. 257, рис. 23, *5*\ (рис. 39, *15)*. Изготовлен браслет из спирально перевитой вокруг собственной оси железной проволоки сечением 5 мм. Браслет почти круглой формы, диаметром 5 см. Витые браслеты в изучаемое время известны в областях лужицкой [167, табл. III, *17]* и высоцкой [182, табл. XXV, *28,* XXVI, 1, *2]* культур. В хронологической таблице милоградской культуры О. Н. Мельниковская располагает их в комплексах вещей, характерных для III—II вв. до н. э. [59, *78, 165,* рис. 64].

К браслетам с насечкой пока относится только один экземпляр из городища Замошье (рис. 39, *4)*. Он изготовлен из круглого железного стержня, имеющего 6 мм в сечении. Браслету придана овальная форма с размерами по внешней поверхности 5,5X8 см. Плохая сохранность изделия делает едва заметной насечку, которая была нанесена наискось по внешней поверхности изделия. Аналоги этим браслетам встречены в южной Белоруссии [59, *79,* рис. 43, *4],* на Смоленщине [185, табл. XXXVII], причем здесь обнаружены экземпляры как из железа, так и из бронзы. Овальные железные браслеты, украшенные рубчиком, известны из городища Бискупин (Польша) [173, рис. 10, 1]. Такие браслеты обычно связывают с кельтским влиянием. И. Дешеллетт относил их к латену I и II, датируя V—II вв. до н. э. [164, *418, 727]*. П. Н. Третьяков усматривает в подобном браслете, найденном в нижнем слое городища Тушемля, латенское влияние и датирует его V—III вв. до н. э. [119, *47—48,* рис. 14, *5]*. О. Н. Мельниковская также указывает на западное происхождение таких изделий и датирует их III—II вв. до н. э. [59, *153, 165,* рис. 64]. В этой связи следует отметить, что по мере продвижения на восток число находок описанных браслетов уменьшается. Так, если в Белоруссии и на Смоленщине их найдено свыше 10, то уже в междуречье Оки и Волги — всего три экземпляра на двух памятниках [99, *56]*. Говоря о западном происхождении всех типов браслетов, следует заметить, что местное производство их из бронзы зафиксировано неоднократно находками литейных форм в восточном регионе днепро-двинской культуры, т. е. на Смоленщине [138, *360—361]*.

Шейная гривна. На городище Зароново обнаружен фрагмент массивной гривны, изготовленной из четырехугольного перевитого прута (рис. 40, *2)* диаметром 10 мм. Гривна ближе к концам утоньшается.

Ближайшим аналогом этой гривне служит экземпляр из городища Церковище на Смоленщине [87, *73—74,* рис. 26, 7]. Следует отметить, что других аналогов подобным изделиям в европейской части СССР пока не встречено. Бронзовые и железные образцы зафиксированы в позднелужицких поселениях на территории Польши [167, табл. II, *6]*. Датировка нашего экземпляра затруднительна.

Изделия из бронзы. К настоящему времени находки предметов из бронзы на памятниках северной Белоруссии немногочисленны. Однако это нельзя связывать со слабым развитием бронзолитейного ремесла *у* населения Белорусского Подвинья. Ограниченный объем проведенных исследований на изучаемой территории не дает такого обилия бронзового материала, которое мы наблюдаем на сопредельных территориях..

О сравнительно высоком уровне бронзолитейного производства здесь свидетельствуют находки отдельных предметов, выполненных с большим мастерством и на относительно высоком технологическом уровне бронзового литья. Это относится главным образом к украшениям и прежде всего к умбоновидным подвескам из городищ Бураково и Бароники (рис. 42, 1, *2)*. Изделия схожи друг с другом и разница между ними только в размерах. Поскольку прямых аналогов данным украшениям пока нет, следует несколько остановиться на внешнем описании одного из них. Подвеска из Бураково [186, д. 257, рис. 36, *1]* (рис. 42, *1)* отлита по восковой модели и состоит из круглой умбоновидной головки и ответвления, отогнутого в сторону. Головка представляет собой цельное, выпуклое основание с имитацией проволочной спирали. Внешний контур псевдоспирали головки украшен четырьмя крестообразно расположенными волютами и одним — поменьше — на пластинке. Ответвление состоит из трех параллельных проволочек, расходящихся только у самого конца и образующих тем самым ажурную фигуру. Лицевая часть этих малых ответвлений, как и соединяющая их на конце поперечная проволочка, перевита жгутиком. То, что пластинка изогнута и сильно отведена вправо, не является случайностью. Это ее исходное состояние и доказывается односторонним расположением лицевых сторон головки и загнутого конца пластинки. Размеры украшения: длина 6 см, ширина 3,5 см. Изделия, подобные описанному украшению, можно отыскать в древностях дьяковской культуры (городища Щербинское, Троицкое, Кузнечики, Успенское, Круглица), где они являлись специфической принадлежностью женского убора в междуречье Оки и Волги [32, *232,* табл. V, *22, 24].* Здесь эти изделия датируются не позднее I тысячелетия н. э. [32, *233].* Географическое положение Бураковского городища вполне объясняет факт нахождения данного предмета. Связь с финно-угорскими древностями очевидна. Представляет интерес обнаруженный на этом же городище фрагмент навершия булавки [154, *176,* рис. 6, *2]* (рис. 42, *4).* Судя по аналогам, это навершие имеет форму березового листа, где по долевой оси его идет стержень, от которого в разные стороны расходятся тонкие ответвления гладких или перевитых жгутиком проволочек. Внешний контур изделия орнаментирован проволочными завитками. Подобного типа булавки с ажурными листовидными навершиями известны на Верхней Оке (городище Свинухово) [73, *93,* рис. 2, 6, 7], на Смоленщине (Новые Батеки) [140, *164,* рис, 12, *5а].*

Трапециевидная подвеска (рис. 42, *9)* имеет довольно широкие аналоги в культуре штрихованной керамики, милоградской, зарубинецкой, верхнеокской и других культур.

Выявленную при раскопках городища Кубличи бляху (рис. 42, *5)* К. П. Шут вслед за О. Н. Мельниковской относит к предметам конского снаряжения, не исключая возможности иного применения [158, *282,* рис. 10, *16].* Аналогичное изделие из Резекненского могильника Я. Я. Граудонис определяет как пуговицу и по сходству с подобными находками лужицкой культуры датирует IV или V периодом эпохи бронзы [23, *98,* табл. XX]. В начале нашей эры схожие бляшки были в употреблении на верхневолжских городищах [7, рис. 24, *2].* Здесь они характеризуются равномерно выгнутой средней частью и определяются как пуговицы. Основной областью их распространения является бассейн Камы [7, *108],* откуда эти изделия в незначительной степени распространились на запад. Описываемый экземпляр из Кубличей ближе всего

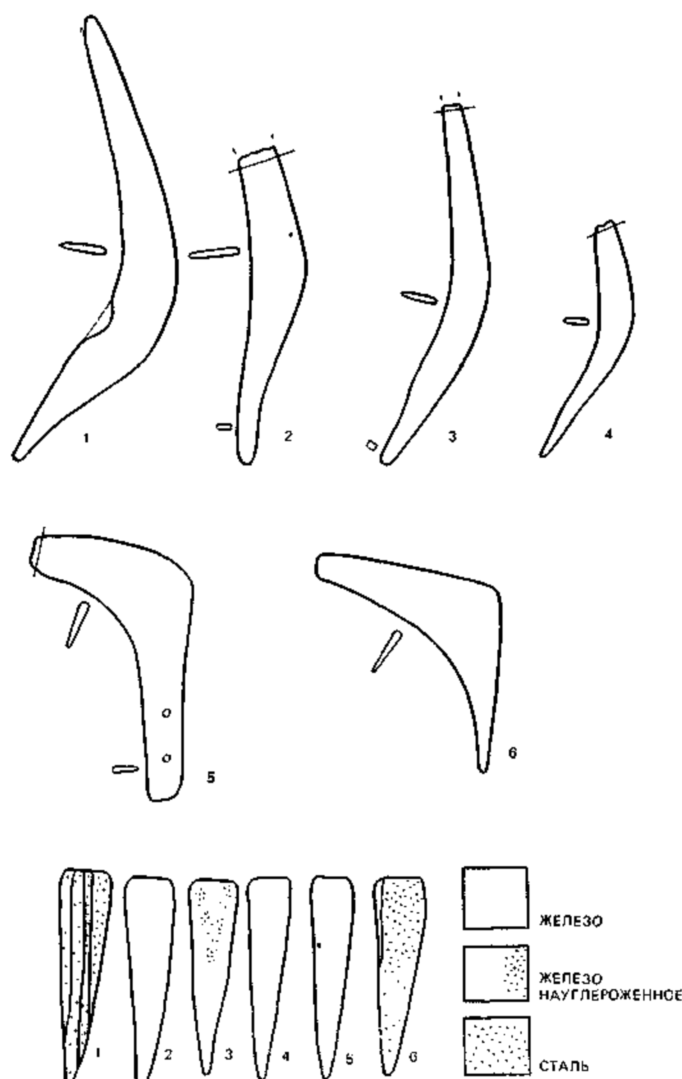

Рис. 41. Технологические схемы изготовления серпов северной Белоруссии: 1—3, 6 — Барсуки; 4 — Мазурино; 5 — Боровно

стоит, видимо, к верхневолжским аналогам. Некоторые польские исследователи подразделяют бляшки с петельками на предметы женского убора и упряжи [161, *197]*. Вполне допустимо, что подобные предметы являлись и украшением одежды. Подобного типа бляшки известны также из южных областей в памятниках рубежа и первых веков нашей эры и в более ранних материалах скифской поры [40, 77, рис. 5, *12]*. Другая бляха имеет некоторую выпуклость по всему диску. У самого края диска с внутренней стороны она снабжена двумя петлями. На лицевой стороне по краю диска наложен орнамент в виде круглых ямок (рис. 42, *17)*. Диаметр диска достигает 5,5 см. Это изделие также, видимо, использовалось как украшение. В качестве предположения можно

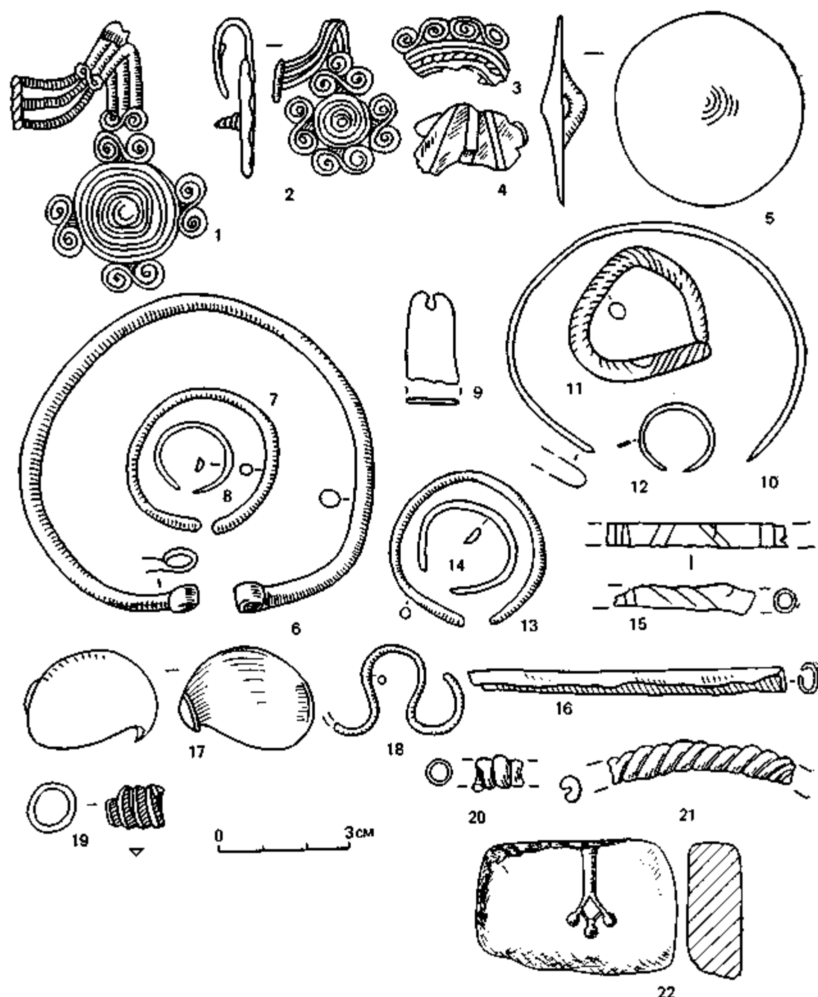

Рис. 42. Изделия избронзы: 1, 3, 4, 9 -- Бураково, 2— Бароники; 5, 10—12, 17 — Кубличи; 6-8 --Кострица; 13-16, 18 -- Барсуки; 20, 21 - Язно; 22 - Кисели

отнести ее к фрагменту от литавровидной фибулы, которая имела распространение в Западной Европе в фазе гальштат [68, *186, 187]*.

Среди бронзовых изделий частыми находками являются проволочные-кованые браслеты и кольца (рис. 42, *6—8, 10—12)*. Часть из них сделана из круглой проволоки, часть — из полукруглой, реже использовался четырехугольный или треугольный в сечении прут.

Из городища Кубличи происходит фрагмент рубчатого браслета, который скручен в кольцо, диаметром до 2,5 см из круглого прута сечением 0,4 см. Этот браслет был украшен неглубокими наискось нанесенными нарезками. Подобные браслеты найдены в нижних слоях городищ Тушемля, Новые Батеки [119, *15,* рис. 4; 140, *164,* рис. 12, *27, 28]*. Близкие формы браслетов зафиксированы на городищах милоградской культуры, где датируются V—IV вв. до н. э. [59, 36—*37,* рис. 10, *10, 12]*. На Язненском городище обнаружен фрагмент браслета, выполненного

из спирально перевитой вокруг собственной оси бронзовой проволоки (рис. 42, *21),* стержень которой имеет круглое сечение. Подобные витые браслеты имели в раннем железном веке широкое распространение в областях лужицкой и высоцкой культур [182, табл. XXV, *28,* XXVI, *1, 2]*. Кстати, на городище у д. Вороновки (Лядцы) на Соже обнаружены два обломка литейных форм для отливки спиралевидных браслетов [56]. Вполне допустимо, что изготовление их производилось и на изучаемой территории. Фрагмент очковидной подвески известен из городища Загорцы (рис. 42, *18).* Изготовлена она была из круглой в сечении проволоки толщиной 1,5 мм. Это редкая находка и на сопредельных территориях обнаружена только в средней Белоруссии на Лабенском и Збаровичском городищах [67, *39,* рис. 25, *24,* 23, *15]*. В 1981 г. на городище близ д. Тясты под Верхнедвинском, которое датируется первой половиной I тысячелетия н. э., автором была обнаружена очковидная подвеска. Изделие изготовлено из круглой проволоки и имеет по четыре витка. По характерной особенности, т. е. по вытянутой форме и отогнутому ушку, этот предмет не имеет пока аналогов [133, *365]*.

К настоящему времени выявлена только одна формочка для бронзового литья (рис. 42, *22).* Точный аналог этой формы нам пока неизвестен. Она предназначалась для отливки либо украшения в виде четырех шариков, соединенных между собой, либо только маленьких шариков, как, например, формочка из Огубского городища [73, *102, 104,* рис. 35, *1]*, где также имеются углубления, но не связаны желобками.

4. КЕРАМИЧЕСКИЕ ИЗДЕЛИЯ

Глиняная посуда. Самую многочисленную группу из археологического материала в поселениях рассматриваемого периода составляют фрагменты древних глиняных сосудов. Тем не менее ряд вопросов, связанных с техникой изготовления, датировкой керамики и развитием ее, остаются еще недостаточно разработанными. Приемы изготовления посуды в раннем железном веке на территории Белоруссии специальному изучению никогда не подвергались. А. А. Бобринский, изучающий развитие технологии конструирования керамики, утверждает, что господствующим в памятниках трех археологических культур эпохи раннего железа (милоградской, юхновской и днепровско-двинской) является прием «лоскутного налепа» [9, *48]*. Суть его состоит в следующем. Приставив конец продолговатого комка глины, зажатого в руке, к внутренней стороне стенки будущего сосуда, гончар прижимал его и в следующий момент делал быстрое короткое движение на себя, увеличивая при этом давление на глину. В результате прижатый конец жгута (продолговатый комок глины, служащий исходным материалом для ведения наращивания) уплощался и отрывался от остальной ее части. Затем гончар вновь прижимал конец жгута к стенке рядом с примазанным кусочком глины и повторял ту же самую операцию. При этом ладонью другой руки он придерживал стенку сосуда с внешней стороны. Так постепенно происходило наращивание, в процессе которого отдельные кусочки глины располагались наклонно по отношению к основанию [9, *47]*. Выявить этот прием удается по прерывности самого жгута и беспорядочному расположению отдельных кусочков глины. Довольно отчетливо это явление мы наблюдали в керамическом материале из городища Барсуки Верхнедвинского района. Лоскутный налеп известен и по материалам памятников дьяковской культуры и культуры штрихо-

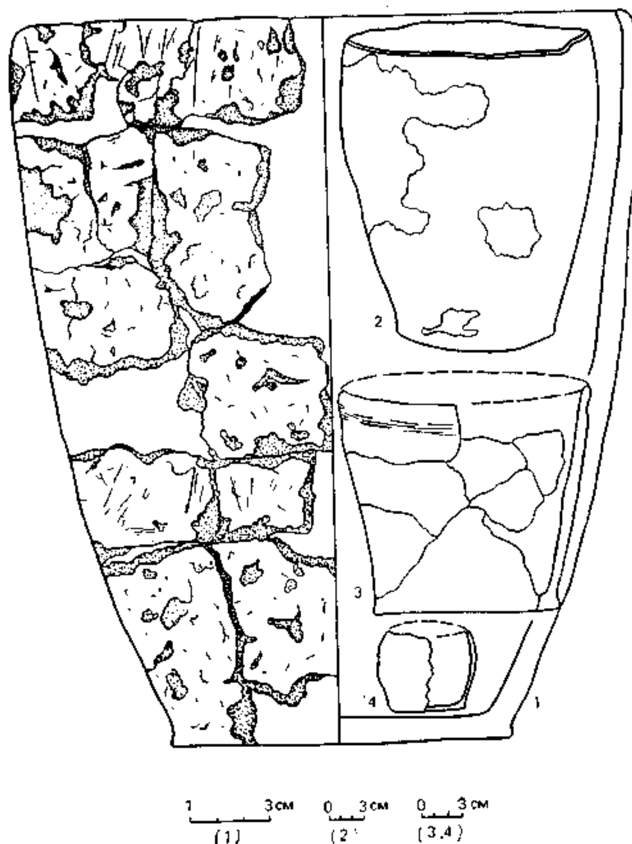

Рис. 43. Формы баночных сосудов: 1 — Барсуки; 2 — Горовые; 3, 4 — Кубличи

ванной керамики. Однако в них он выступает главным образом в качестве своеобразной примеси к иным навыкам конструирования: кольцевого налепа в памятниках культуры штрихованной керамики, спиралевидной разновидности лоскутного налепа, спирального, спирально-зонального, кольцевого налепов в памятниках дьяковской культуры [9, *48]*. Указывая, что днепро-двинские племена использовали лоскутный налеп, А. А. Бобринский берет в расчет лишь материалы памятников смоленского течения Днепра. Определить точно характерный способ в технике конструирования керамики в Белорусском Подвинье пока не представляется возможным. Здесь нельзя забывать о соседних влияниях на изучаемой территории и в особенности со стороны культуры штрихованной керамики. В этой связи интерес вызывает наблюдение А. А. Бобринского по наиболее полно изученным материалам лесной полосы Поднепровья и смежных речных систем. Он указывает, что примерно с конца I тысячелетия до н. э. здесь наблюдается сосуществование в рамках одних и тех же культурных групп носителей архаичной технологии (различные элементы лоскутных принципов наращивания) с носителями более совершенных приемов конструирования керамики спиральным или кольцевым налепами [9, *49]*.

Формовка сосудов велась на твердых подставках, чаще с подсыпкой песка для легкого отделения сырого сосуда от подставки. Следы от при-

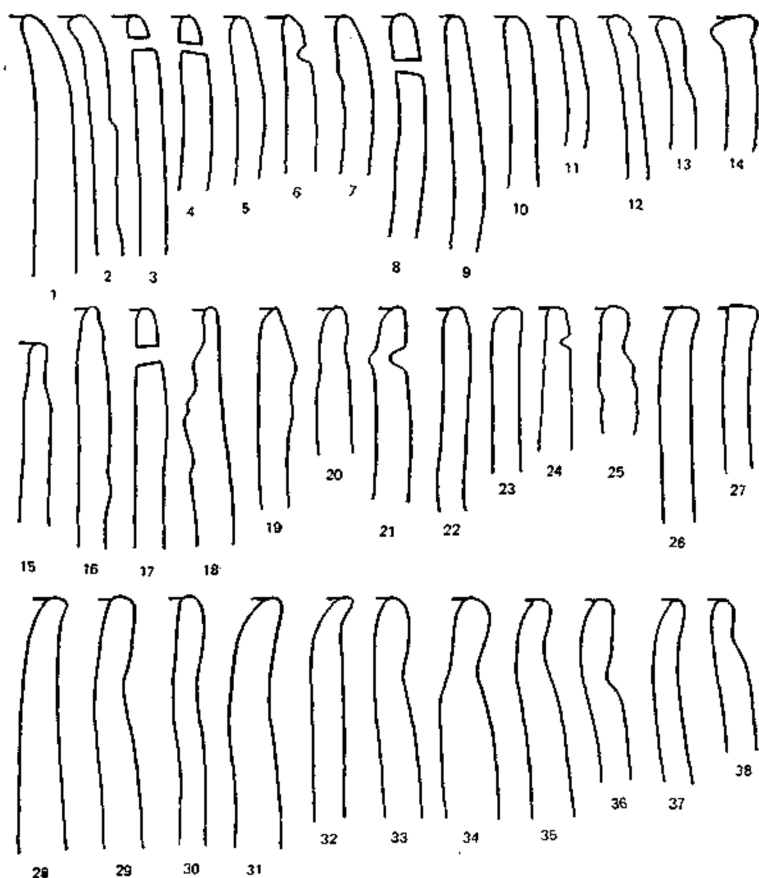

Рис. 44. Венчики от сосудов баночных форм

менения подставок довольно часто прослеживаются на днищах. Все сосуды плоскодонные. У многих при переходе от стенки к днищу имеется закраина в виде небольшого карнизика. Подобный факт интерпретируется по-разному. Так, для дьяковской культуры некоторые исследователи рассматривают это как признак ранней посуды [120, *151]*. Е. А. Шмидт относит это явление к поздним этапам существования городищ Смоленщины [140, *156]*. При раскопках городищ Белорусского Подвинья посуда с карнизиками встречена как в ранних горизонтах, так и в поздних. Часто она совмещается в одних стратиграфических комплексах. Поэтому пока нам не представляется возможным рассматривать наличие карнизика как хронологический признак. Появление его, скорее всего, обусловлено характером лепки сосудов на подставке и способом скрепления дна сосуда со стенками.

Основу керамического материала Белорусского Подвинья составляют фрагменты лепной гладкостенной посуды. Этот материал с наиболее полно изученных городищ Белорусского Подвинья (Абрамово, Урагово, Барсуки, Язно, Поддубники, Августово, Замошье, Казиново, Кубличи и др.) представлен несколькими целыми сосудами и десятками тысяч фрагментов. В целом вся керамика довольно однообразна. Основную массу фрагментов можно отнести к двум отделам сосудов: непрофилиро-

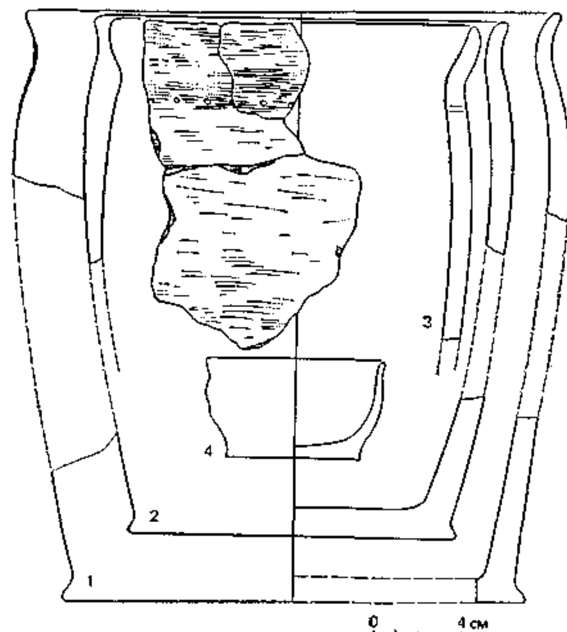

Рис. 45. Формы слабопрофилированных сосудов: 1, 4 — Кострица; 2—Зароново; 3 — Поддубники

ванные (баночные) и слабопрофилированные. Внутри каждого отдела наблюдается несколько типов. По форме венчика выделяются виды и, наконец, по более мелким признакам — разновидности. Непрофилированные сосуды, условно называемые баночными, широко встречаются по всей изучаемой территории и на протяжении всего периода существования культуры. Изучение показывает, что чаще всего они находятся в нижних слоях городищ (рис. 48, табл. VII) и число их увеличивается в западном направлении Белорусского Подвинья (Горовые, Барсуки, Язно, Поддубники, Абрамово, Урагово и др.). Это сосуды без выраженных шеек и плечиков. Они имеют толщину стенок от 0,5 до 1,1 см и высоту от 8 до 30 см.

Часто баночные сосуды орнаментированы сквозными отверстиями чуть ниже венчика. Причем это явление чаще фиксируется в западном направлении изучаемой территории. О пропорциях трудно судить, так как восстановленных сосудов имеется всего четыре экземпляра (рис. 43). Судя по крупным фрагментам и смоленским аналогам [138, рис. 5, *1, 4, 6, 1—11],* высота многих сосудов зачастую превышает их диаметр, хотя бывает и наоборот (рис. 43, *3).* По характеру стенок внутри этого отдела выделяется три типа сосудов: цилиндрические, усеченно-конические, бочонковидные.

У цилиндрических стенки прямые или чуть скошенные ко дну. Широкое дно равно устью или чуть меньше. Строго цилиндрических форм сосудов этого типа пока не восстановлено. Имеющийся экземпляр имеет высоту 16,5 см и диаметр 20 см (рис. 43, *3).* Венчики этих сосудов чаще всего прямые, реже отогнутые наружу.

Стенки усеченно-конических сосудов скошены ко дну и диаметр устья больше диаметра дна. Имеется два реконструированных сосуда этого

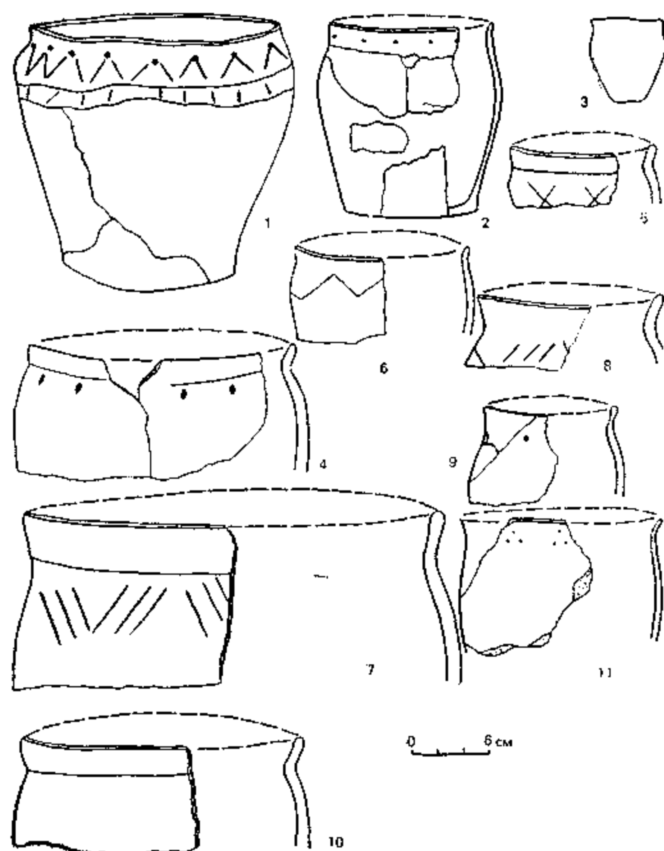

Рис. 46. Образцы слабопрофилированных сосудов: 1 — Язно; 2, 4—11—Кубличи; 3 — Абрамово

типа из городищ Горовые и Барсуки. Они имеют почти одинаковые пропорции: высота соответственно 27 и 28 см, диаметр устья 22 и 24 см. Стенки имеют слабую выпуклость. Край венчика чаще всего вогнут внутрь (рис. 43, *1, 2*).

У бочонковидных сосудов стенки слегка выпуклы, тулово расширено в средней части. Диаметр устья и дна почти одинаковый. Сосуды, как правило, небольшие. Восстановленный маленький горшок из городища Кубличи имеет высоту 8 см, диаметр 7 см. Край венчика утончен и вогнут наружу (рис. 43, *4*). Изучение материала Белорусского Подвинья показывает, что венчики баночных сосудов представлены в основном тремя видами: вогнутыми внутрь (рис. 44, */—14),* прямыми (рис. 44, *15—27),* отогнутыми наружу (рис. 44, *28—38).* Разновидностями их являются округлые (рис. 44, *8—10, 20, 34, 36),* утонченные (рис. 44, 1, *16, 18)* и срезанные (рис. 44, *2, 26, 27*). Завершения краев венчиков встречаются во всех трех видах. Венчики, край у которых вогнут внутрь, фиксируются чаще в нижних древних слоях городищ. Баночные сосуды с отогнутым краем венчика являлись, видимо, исходной формой для слабопрофилированных горшков.

К отделу слабопрофилированных относятся горшковидные сосуды высотой до 25 см. Всего восстановлено шесть горшков (Язно, Кубличи.

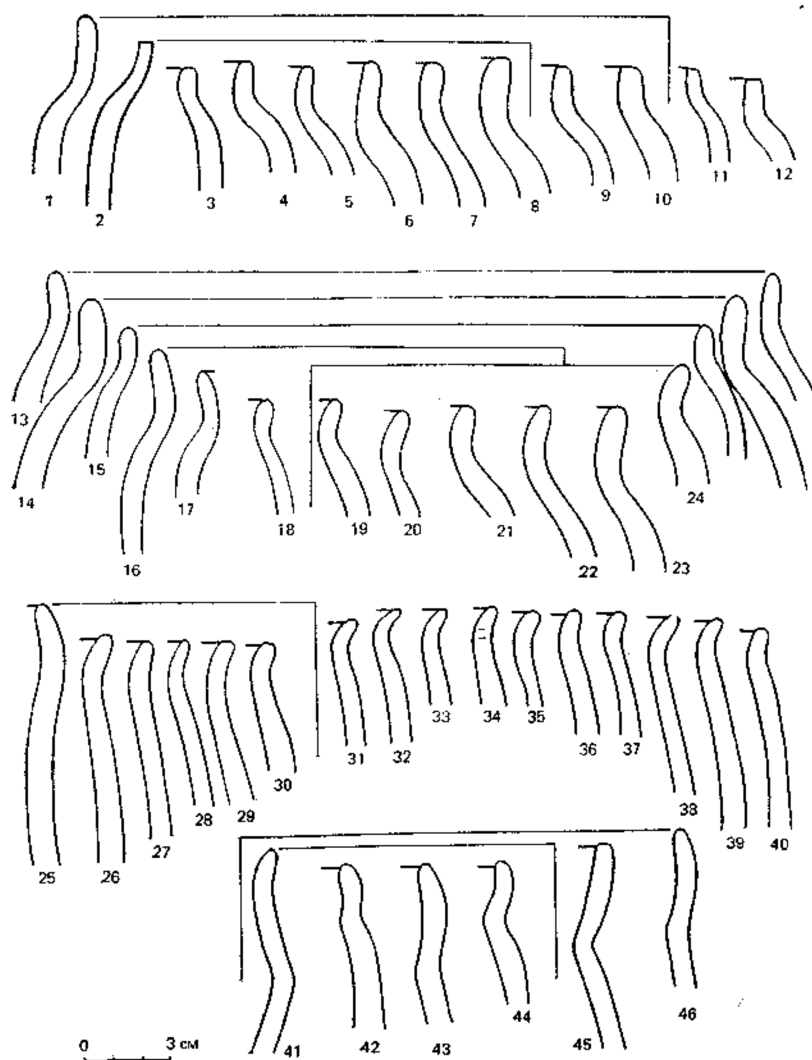

Рис. 47. Венчики от сосудов слабопрофилированных форм

Абрамово, Кострица, Зароново, Поддубники) (рис. 45, 46). Следует отметить, что ввиду фрагментарности все сосуды, кроме язненского, реконструированы с некоторым допуском погрешности, что затрудняет проведение классификации. Судя по крупным фрагментам, реконструированным образцам и материалам смежных территорий, отличительной особенностью их является некоторое превышение максимального расширения над общей высотой сосуда. Максимальный диаметр сосудов падает на уровень плечиков, тогда как диаметр венчика бывает несколько меньше (разница от нескольких миллиметров до 4—5 см). Сосуды имеют расширяющееся кверху гулово, дно при переходе в стенку часто имеет выступ. Толщина стенок сравнительно невелика — от 0,4 до 0,8 см, днищ —от 0,7 до 1,5 см. Здесь можно выделить три типа горшков: округлобокие, конусовидно-горшковидные и сосуды со слабо-

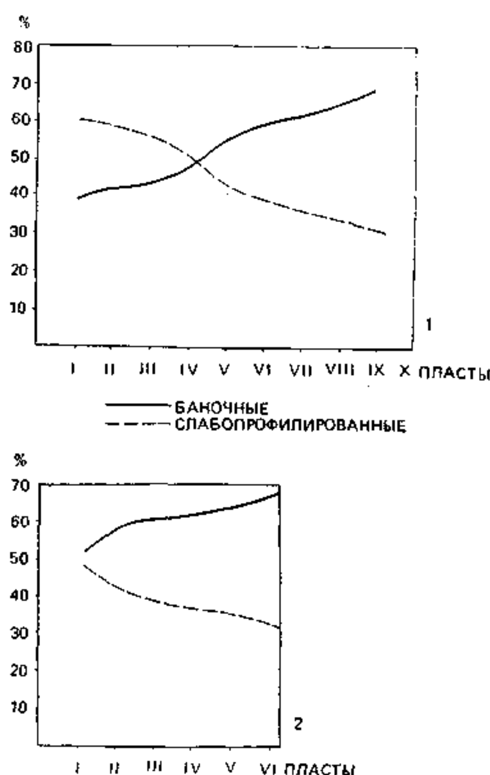

Рис. 48. Процентное соотношение форм сосудов по пластам: 1 — Замошье; 2 — Барсуки

выраженной шейкой, но выделенным венчиком.

У округлобоких стенки в верхней трети сосудов выпуклые, плечики округлые. Это самый распространенный тип отдела, примером которого может служить реконструкция из Язно (рис. 46, 1). Высота его 20 см, диаметр дна 12 см, максимального расширения 21, устья 18 см. По характеру венчика эти сосуды бывают двух видов: с прямопоставленным венчиком (рис. 47, 1—*12), с* отогнутым наружу (рис. 47, *13—24).* Шейка фиксируется слабо или отсутствует вовсе (рис. 47, *25—40).* Разновидность заключается в округлом, утонченном или срезанном завершении венчика.

Конусовидно-горшковидные (рис. 45, 2) отличаются от других типов посуды тем, что у них венчик отогнут наружу, кроме того, он плавно переходит в тулово. Плечики покатые. Такие сосуды более высокие и имеют большую горловину. Высота их, как правило, превышает максимальный диаметр на 3—5 см. Данные реконструкции горшка из Зароново следующие: высота 24 см, диаметр дна 15, максимального расширения 19,5, устья 19 см. Край венчика у них бывает разной степени отогнутости с округлым утонченным и скошенным завершением. Сосуды этого типа чаще встречаются в верхних слоях городищ (Бураково, Зароново).

Фрагменты сосудов со слабовыраженной шейкой, с выделенным венчиком, край которого прямой или загнутый внутрь (рис. 47, *41—46),* обнаружены в основном на городище Кубличи. Венчики свидетельствуют о том, что это были сосуды больших размеров (диаметр устья 26—32 см). Их формы имеют много схожего с формами сосудов милоградской культуры. Подобный материал обнаружен на городищах Поддубники [183, д. 147, рис. 20], Загорцы [189].

Характерной особенностью изучаемой глиняной посуды является то, что она чаще, чем на Смоленщине, имеет орнаментацию. Украшения расположены в верхней части сосуда или реже по изгибу венчика. Для баночных сосудов характерна орнаментация в виде сквозных отверстий ниже края венчика (рис. 54, *8).* Для слабопрофилированных имеет место разнообразие орнаментальных мотивов, однако, чаще всего встречаются прочерченные и нарезные линии, расходящиеся вниз от шейки из одной точки, а также ямочные вдавления от поставленных при ра-

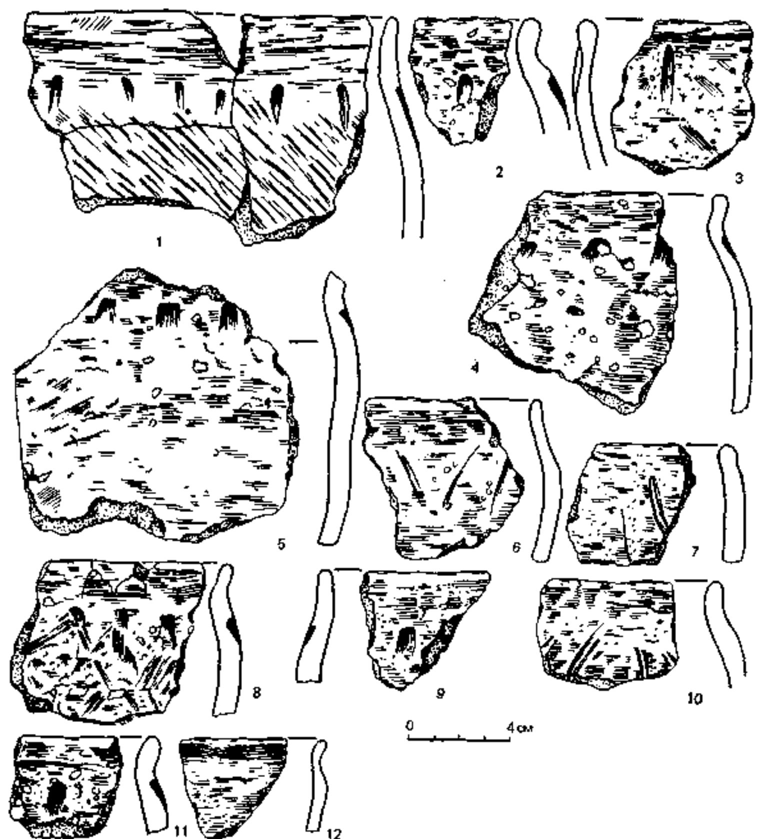

Рис. 49. Городище Замошье. Образцы керамики из верхних слоев

боте вверх острием или наклонно разнообразных случайных предметов: щепок, плоских палочек и пр. (рис. 55). Реже представлены разнообразные узоры, состоящие из неглубоких ямок, линий, штрихов и т. п. (рис. 55, *3—8, 12—16).* Отметим, что указанные виды орнамента наносились в равной мере на сосудах с гладкостенной, штрихованной и сетчатой поверхностью (рис. 56).

Из-за отсутствия стратиграфических данных о характере керамики разных поселений произвести хронологическое расчленение сосудов по виду орнамента весьма затруднительно. Наблюдения над распределением керамики с разными типами орнамента в культурном слое Замошского городища показали, что в ранних слоях чаще всего фиксируется ямочный орнамент в виде вытянутых треугольников, расположенных в верхней части тулова. Орнаментация из различных прочерченных линий характерна для слоев второй половины I тысячелетия до н. э.— рубежа нашей эры. По материалам Новобатекского городища Е. А. Шмидт разделил днепро-двинскую керамику на три хронологические группы. Основные различия между группами заключаются в технологии изготовления посуды. Рассматривая форму, обжиг, обработку поверхности, цвет, он пришел к выводу, что развитие керамики шло от сосудов с «бугристой» поверхностью (слои В—Г V—III вв. до н.э.) к «сглаженно-исчерченной» (слой Б II в. до н.э.— I в. н.э.) и далее к «песчанистой»

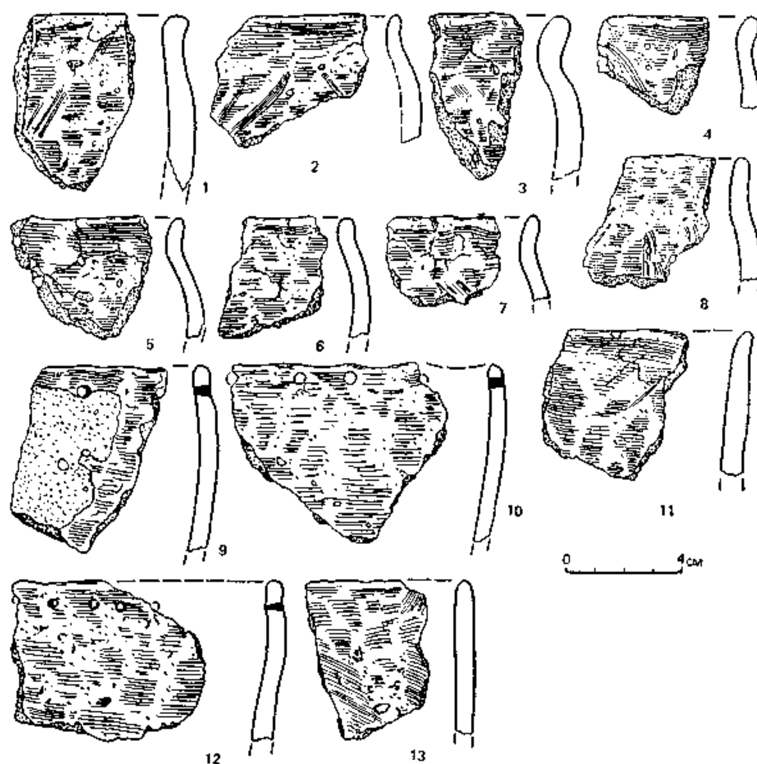

Рис. 50. Городище Замошье. Образцы керамики из верхних и средних слоев

(слой А I—III вв. н.э.) [140, *155—156].* При сравнении керамики у д. Новые Батеки с материалами городищ северной Белоруссии выясняется, что указанные особенности сосудов смоленских городищ во многом характерны и для изучаемой территории. Нижние слои городищ Поддубники, Урагово, Замошье, Кубличи, Заговалино также характеризуются керамикой темно-серой или черной окраски с большим содержанием крупной дресвы. Поверхность черепков снаружи бугристая, что происходит от выступающих зерен дресвы. Механическая прочность слабая. Черепки на изломе темного цвета. Толщина стенок у наших сосудов несколько больше смоленских образцов и составляет от 6 до 10 мм и более. В нижних слоях на керамике можно наблюдать орнаментацию в виде ямочных вдавлений. Чаще всего она обнаруживает себя в слоях VII—III вв. до н. э. Так называемая «сглаженно-исчерченная» керамика широко представлена на всех изучаемых городищах. Она чаще всего сероватого и буровато-желтых тонов. В глине много крупной дресвы. Поверхность сосуда при сглаживании смачивалась, и поэтому зерна дресвы, выступающие наружу, покрывались тонким налетом глины, из-за чего все бугорки сверху кажутся глиняными, а на поверхности заметна слабая исчерченность. Следы оглаживания внутри сосуда выделяются резче. Черепки на изломе как одноцветные, так и двуцветные. Чаще всего это присуще для III в. до н. э.— I в. н. э.

Для верхних напластований характерна керамика в основном светло-красноватого и желтоватого оттенков. В составе теста в большом

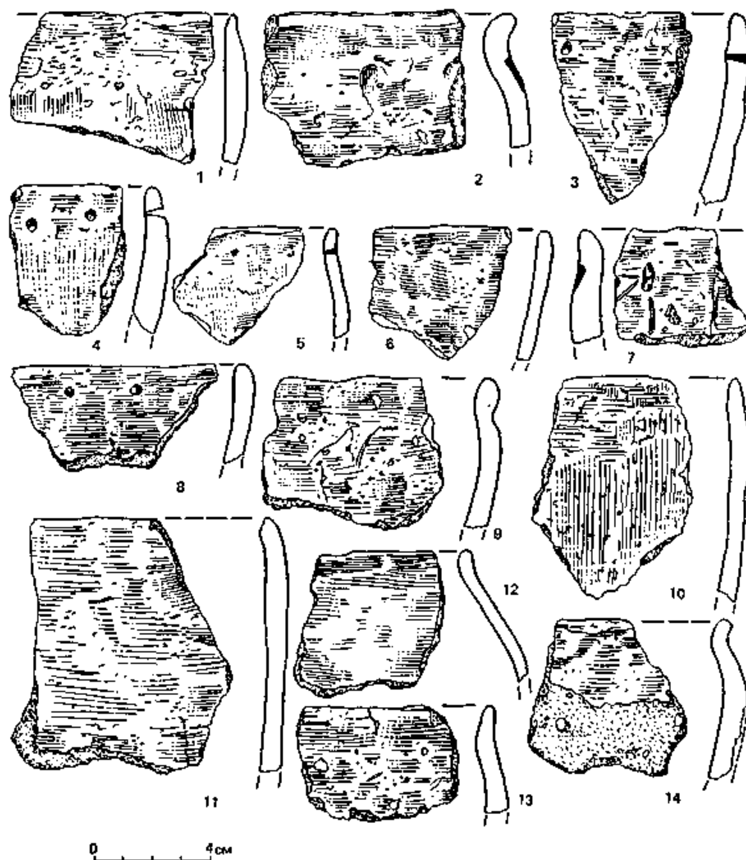

Рис. 51. Городище Замошье. Образцы керамики из нижних слоев

количестве присутствует крупный песок, от чего наружные стенки сосудов напоминают поверхность наждачной бумаги. Много подобной керамики отмечено нами на городище Барсуки Верхнедвинского района, где она происходит от сосудов с прямым или слегка отогнутым венчиком. Широко встречается она на городищах Горовые, Девички, Кострица и т.д. Датировать ее можно II—IV вв.

Безусловно, приведенное описание керамики не отражает полностью всех разновидностей глиняной посуды городищ северной Белоруссии. Изменение ее облика не везде соответствует стратиграфическим данным. Во многих местах архаичного вида керамику можно встретить в верхних слоях, т. е. она может встречаться и даже доминировать вплоть до конца изучаемого периода. Указанная чаще всего относится к памятникам, расположенным в западных и северо-западных частях исследуемой территории. В целом же рассмотренное выше развитие керамической посуды отражало технологический процесс, который имел место в среде днепро-двинских племен как Подвинья, так и Верхнего Поднепровья.

Штрихованная керамика. Наряду с гладкостенной керамикой довольно часто на севере Белоруссии встречается и штрихованная посуда (табл. 5, рис. 53, *10—13)*. Формы ее в целом соответствуют описанной

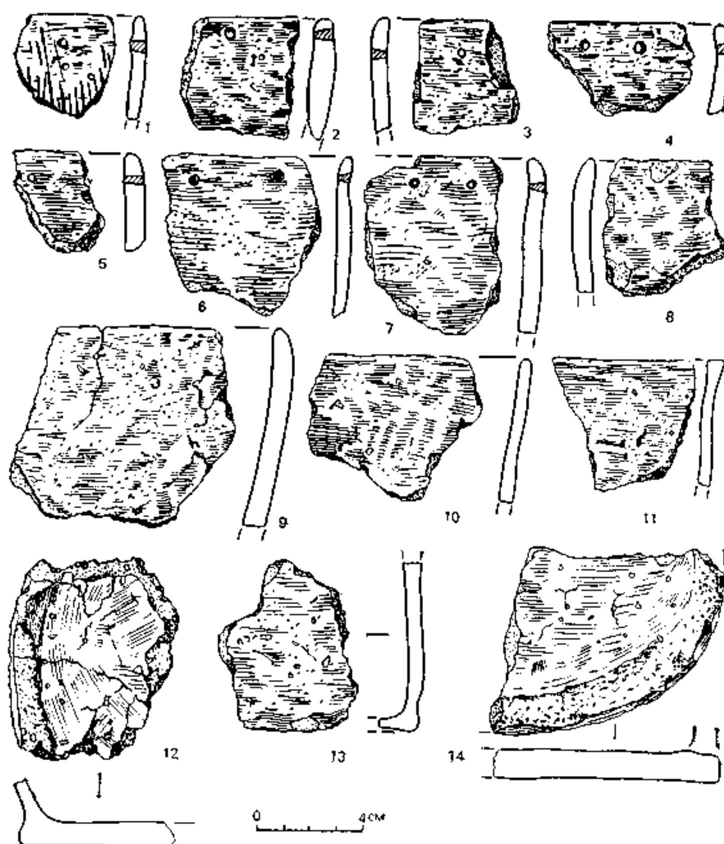

Рис. 52. Городище Замошье. Образцы керамики из нижних слоев

выше гладкостенной посуде и не находят подобных себе среди посуды, характерной для культуры штрихованной керамики. В незначительном количестве штриховка посуды зафиксирована в северо-западной части изучаемого региона (Урагово, Абрамово, Барсуки). Наличие штрихованной керамики в Подвинье связано в первую очередь с влиянием южных соседей — племен культуры штрихованной керамики. Кроме того, проникновение ее на изучаемую территорию произошло в то время, когда шло расселение племен штрихованной керамики на северо-восток в Подвинье, т. е. в первых веках нашей эры [108, *150]*. Однако культура штрихованной керамики не оказала заметного влияния на днепро-двинские племена, и замены типов керамики здесь не произошло. Важно отметить, что на ряде городищ в предматериковых слоях обнаруживает себя керамика с редкими неглубокими штрихами (Замошье, Урагово, Поддубники, Барсуки, Чемерично и др.), которая весьма характерна для торфяниковых стоянок эпохи бронзы Кривина и Осовец, причем формы сосудов идентичны днепро-двинским.

Сетчатая керамика. Значительно реже на городищах северной Белоруссии встречается сетчатая или текстильная керамика (табл. 5). Чаще всего она обнаруживает себя в северо-восточной части изучаемого региона (Витебский, Городокский районы). Текстильная керамика пред-

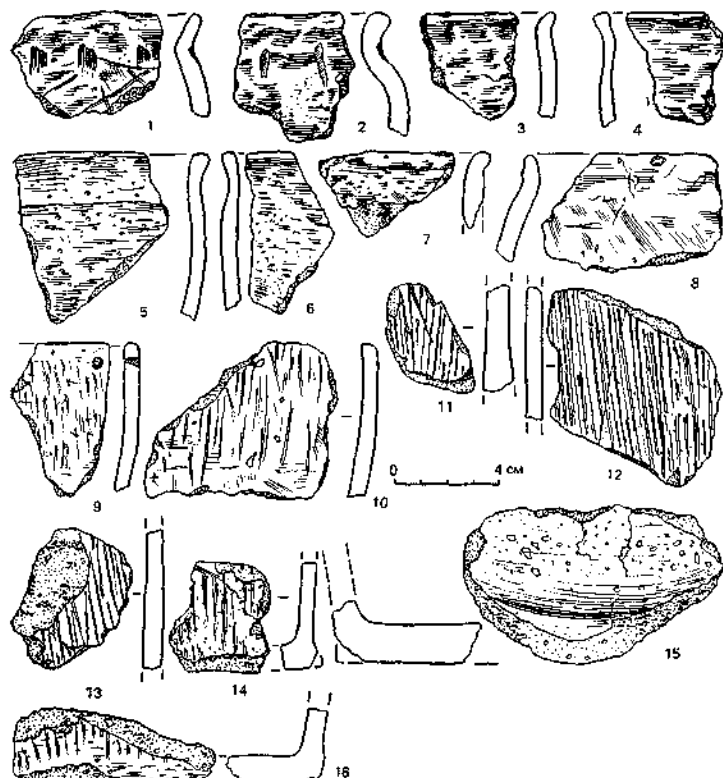

Рис. 53. Городище Замошье. Образцы гладкостенной и штрихованной керамики

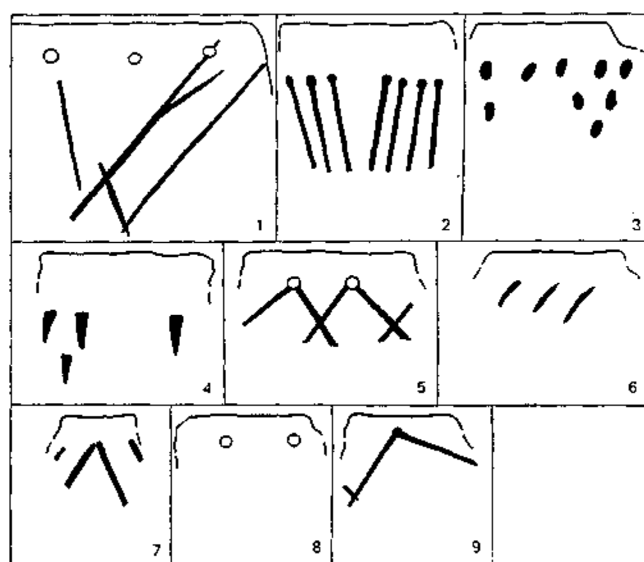

Рис. 54. Орнаментальные мотивы на гладкостенных сосудах баночных форм из городищ Белорусского Подвинья

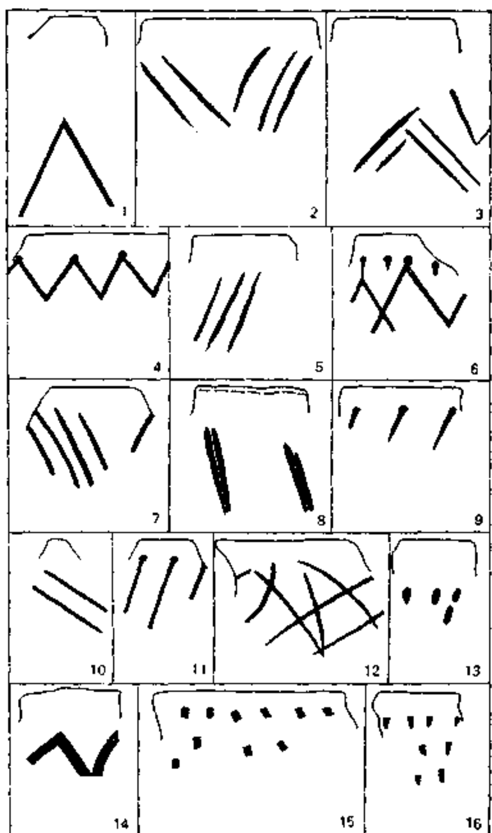

Рис. 55. Орнаментальные мотивы на гладкостенных сосудах слабопрофилированных форм

ставлена главным образом обломками баночных и слабопрофилированных сосудов. Наружная поверхность несет следы отпечатков грубой рогожной ткани. Площадь покрытия из-за фрагментарности трудно установить. Чаще всего шейка и венчик оставались гладкими. Восстановленный сосуд имеет отпечаток от нижней четверти до плечиков (рис. 46, *2)*. Ряд сосудов имеет дополнительную орнаментацию в виде круглых ямок (рис. 56, *1—3, 6, 8)* и выходящих из одной точки линий, расположенных в верхней части. Появление сетчатой керамики на данной территории пока трудно объяснимо. Известно, что к началу железного века она распространяется из восточных областей в бассейны верхнего течения Западной Двины, на территории современных Калининской и Псковской областей [108, *18]*. На городищах Загорцы, Бураково, Мямли она зафиксирована вместе с архаичной лепной посудой [54, *222]*.

Глиняные пряслица. Из глины изготовлялись грузики для веретен— пряслица. На северобелорусских городищах находки пряслиц — сравнительно редкое явление. Их гораздо меньше, чем на памятниках культуры штрихованной керамики, где обнаружено свыше 500 подобных изделий [67, *40]*, но больше, чем на других сопредельных территориях. Всего найдено свыше 50 пряслиц, причем основная масса приходится на городище Кострица Лепельского района (рис. 57, 58). Диаметр отверстия пряслиц не превышает 10 мм и чаще всего колеблется в пределах 4—7 мм. Общий диаметр равняется 2,5—3,6 см, высота от 1 до 2 см и более. Большая часть находок связана с последним периодом существования днепро-двинской культуры — I—IV вв. н. э. По внешнему облику они абсолютно идентичны среднебелорусским экземплярам [67, рис. 26—30]. Имеющиеся в нашей коллекции изделия можно подразделить на шесть типов.

I тип — двояковогнутые, т. е. верхняя и нижняя стороны вогнутые (V тип по А. Г. Митрофанову),— самый распространенный тип (рис. 58); боковая стенка у них округлая.

II тип — вогнутые, т. е. одна плоская, другая вогнутая сторона (11 тип по А. Г. Митрофанову). Всего найдено два экземпляра (Урагово, Кострица) (рис. 57, 1, *2)*.

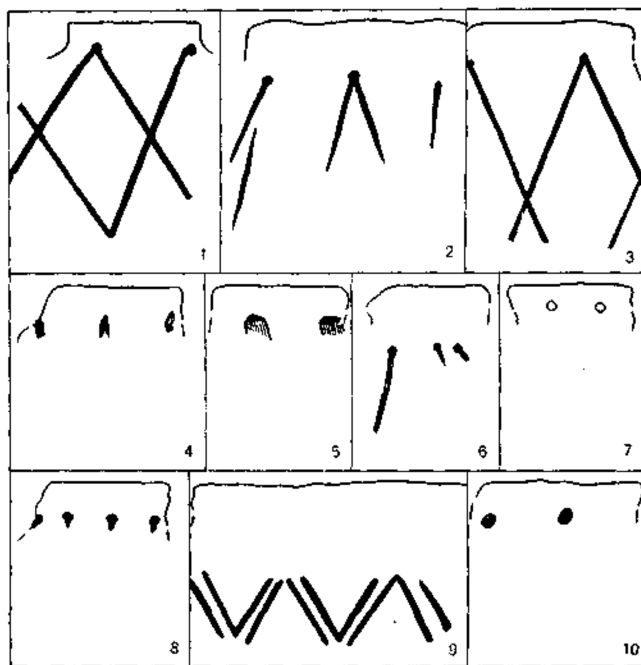

Рис. 56. Орнаментальные мотивы на глиняных сосудах: 1—8 — с сетчатой поверхностью, 9, 10 — со штрихованной

III тип — обоюдоплоские, т. е. нижняя и верхняя стороны плоские, боковые стороны округлые (IV тип по А. Г. Митрофанову). Выявлено 5 штук (Кострица — 2, Бураково — 2, Прудники — 1) (рис. 57, *6—8*).

IV тип — овальные. Сечение овальное. Встречены только на городище Карловка Городокского района в количестве пяти экземпляров. Аналоги этого типа обнаружены только на городищах Волго-Окского

Таблица 5

Виды лепной керамики из городищ Белорусского Подвинья, %

№ п/п	Памятник	Район	Гладкостенная	Штрихованная	Сетчатая	Лощеная	Примечания
1	Бураково	Городокский	86,5	9	4,5		
2	Зароново	Витебский	84,4	11	4,5	0,1	
3	Карловка	Городокский	100	—	—	—	
4	Черкасово	Оршанский	73	20	7	—	
5	Германы	«	в основе				
6	Кубличи	Ушачский	89,7	10	0,3	—	
7	Заговалино	«	92	6	2		
8	Кострица	Лепельский	99	1	—	—	
9	Горовые	Полоцкий	100	—	—		
10	Замошье	«	95	3,2	1,5	0,3	
11	Барсуки	Верхнедвинский	99	0,4	0,2	0,4	
12	Абрамово	«	99,7	0,1	0,2	—	
13	Урагово	«	93	1,5	2,5	—	нижние слои

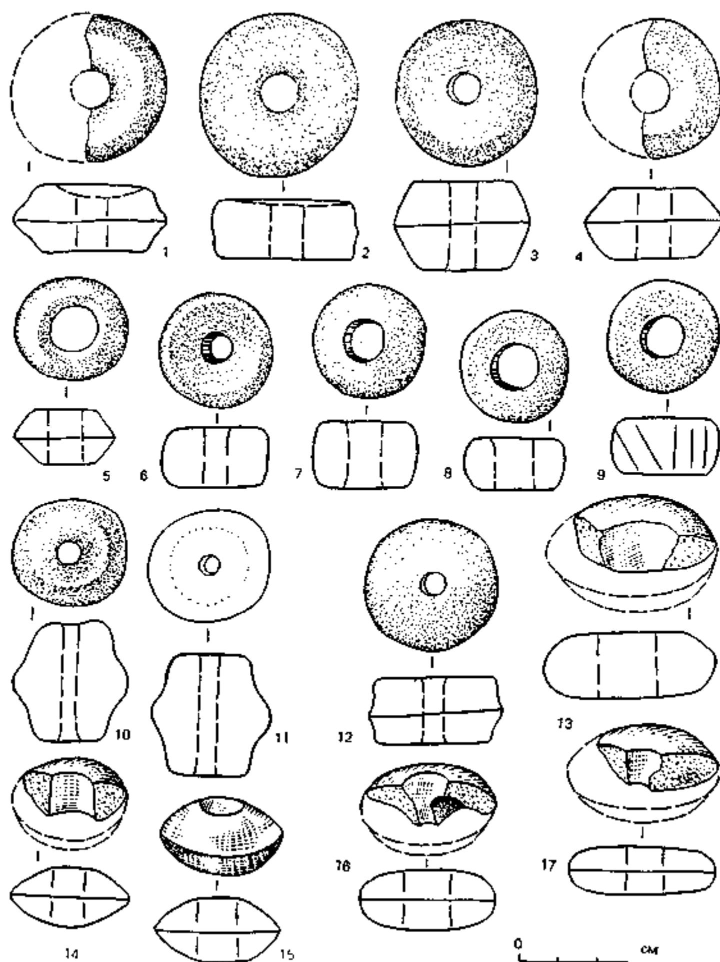

Рис. 57. Глиняные пряслица: 1, 4—Урагово; 2, 3, 8, 10—12 —Кострица; 5 — Язно; 6, 7, 9 — Бураково; 13—17—Карловка

междуречья (Троицкое, Михайловское, Щербинское, Каширское) [99, *67, 87,* табл. VIII, *18]* (рис. 57, *13—17).*

V тип — выпуклые. Как и в III типе, у них плоские верхняя и нижняя стороны, однако боковые стороны посередине имеют выпуклость (рис. 57, *10—12).* Три экземпляра найдены в Кострице. Причем в двух случаях высота превышает диаметр (соотьетственно 3 и 1,5 см). Подобные находки известны из городищ Оздятичи, Новоселки, Лабенщина, Збаровичи [67, рис. 27, *5, 9,* 28, 5, *16, 18, 19].*

VI тип — биконические. Эти пряслица непосредственно предшествуют усеченно-биконическим формам, которые получают широкое распространение со второй половины I тысячелетия н. э. Здесь конус выражен еще нечетко, отверстие небольшое. Найдено три экземпляра: по одному в Кострице, Урагово, Язно.

Следует отметить, что половина пряслиц из городища Кострица орнаментирована (рис. 59). Украшены или боковые стороны, или верхние и нижние, или все сразу. Орнаментация произведена как точками,

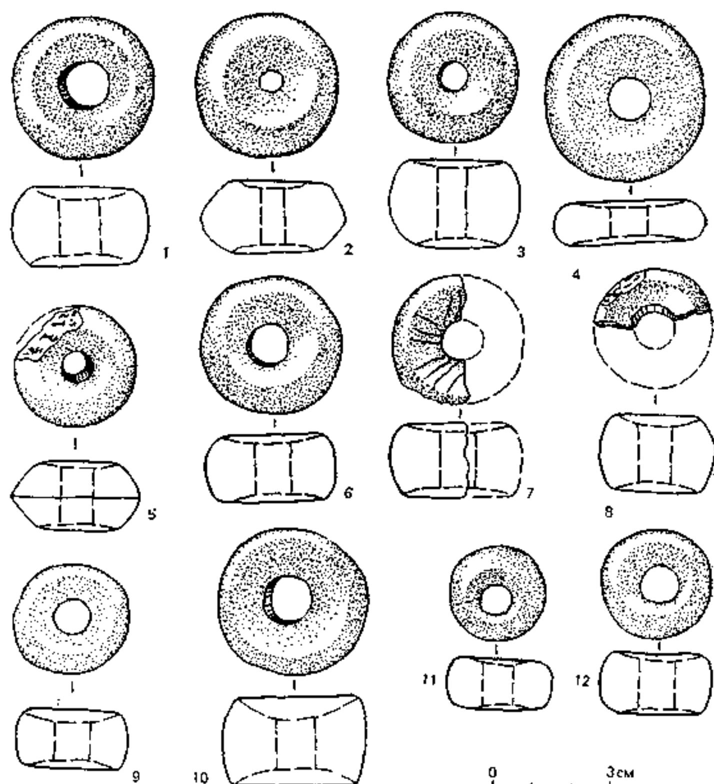

Рис. 58. Глиняные пряслица: 1—3, 6, 7, 9, 10 — Кострица; 4 — Язно; 5 — Прудники; 8— Абрамово; 11, 12 — Заговалино

так и нарезными линиями, имеются и сочетания. Во всех случаях прослеживается определенная последовательность и четкость рисунка (рис. 59). Орнаментированных пряслиц из других памятников изучаемой территории не обнаружено.

Грузики дьякова типа. К изделиям из глины относятся грузики дьякова типа, обнаруженные пока на городише Кострица в количестве десяти штук. Они разных размеров, от 2 до 3,5 см. Диаметр диска их колеблется от 3,5 до 7 см. По окружности диска грузики имеют редкую или частую нарезку (рис. 60). У всех экземпляров имеется цилиндрический канал не более 0,7 см. По внешнему виду они ничем не отличаются от подобных изделий средней Белоруссии и Волго-Окского междуречья.. Мы не будем разбирать все спорные вопросы, связанные с принадлежностью и функциональным назначением этих изделий. Отметим лишь то, что факт максимального распространения грузиков в западном: ареале дьяковской культуры, т. е. там, где ощущалось восточнобалтское влияние племен, является весьма существенным.

Тигли и льячки. Среди других изделий из глины важное значение имели тигли и льячки, использовавшиеся в бронзолитейном производстве.

Тигли для плавления бронзы на изучаемой территории встречены только в обломках, однако они присутствуют почти на всех городищах. Единственно целый экземпляр происходит из нижних слоев городища

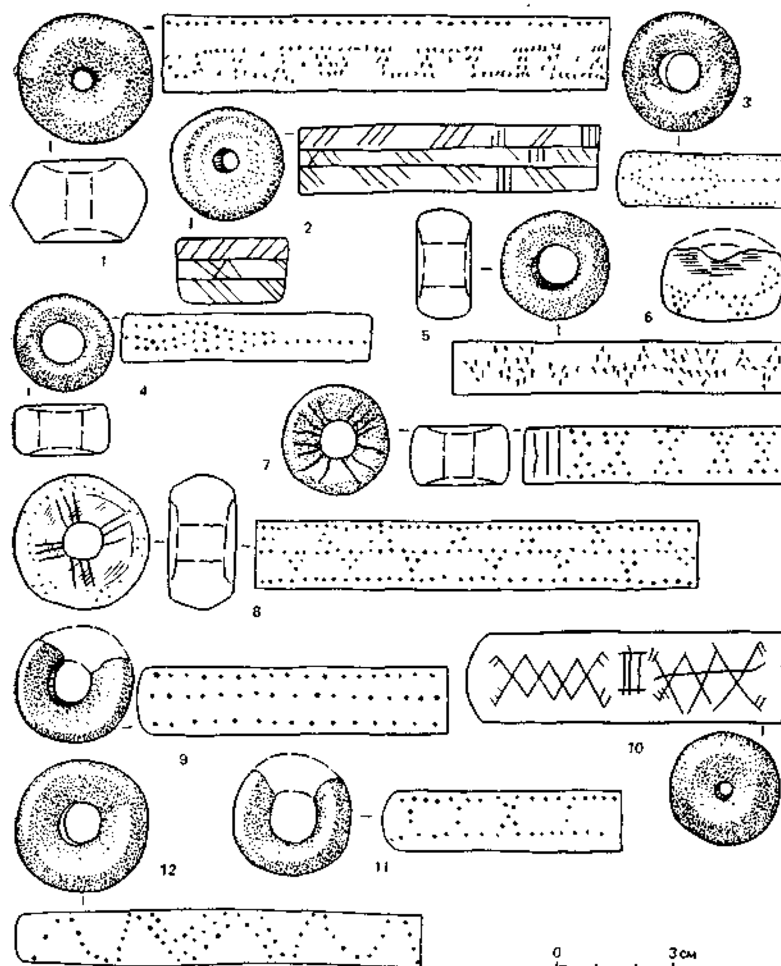

Рис. 59. Городище Кострица. Орнаментированные пряслица

Прудники. Судя по фрагментам и аналогам, все они имели округлое или слегка уплощенное дно и прямые либо расширяющиеся кверху стенки (рис. 18, *14)*. Толщина дна в 1,5—2 раза превосходила толщину стенок и равнялась 1,5—2,5 см, высота до 8 см. Существует утверждение, что древние тигли имели форму толстостенных низких мисок и емкость от 30 до 50 и более куб. см [23, *113,* со ссылкой на исследования И. Дайги и И. Гросвальда]. Мискообразные тигли зафиксированы на обширной территории — средней Белоруссии (Лабенщина), в Верхнем Поднепровье (Новые Батеки), в Нижнем Поволжье [136, рис. 5, *2, 3]*.

Тигли позднего времени с более тонкими стенками имели форму с профилированным венчиком или прямыми стенками, расширяющимися книзу. К подобным относится тигель из городища Прудники, который, судя по обстоятельствам находки, можно отнести к первой половине I тысячелетия н. э.

Единственной пока находкой льячки служит экземпляр из Урагово [186]. Она, как и все многочисленные находки в лесной полосе европей-

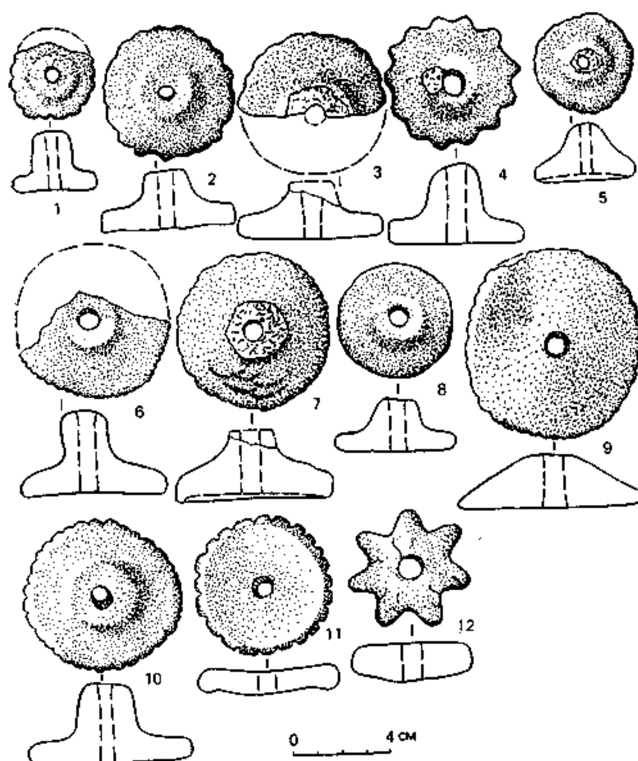

Рис. 60. Городище Кострица. Грузики «дьякова типа»

ской части нашей страны, имеет вид массивной ложки. Изготовлена из желтоватой глины и хорошо обожжена. К настоящему времени в литературе еще не выделены хронологические особенности этих изделий. Анализ материальной культуры и приведенные при характеристике вещей даты позволяют определить продолжительность жизни на городищах днепро-двинской культуры начиная, с VIII—VII вв. до н. э. и кончая IV—V вв. н. э. Весь этот более чем тысячелетний отрезок времени может быть в свою очередь разделен на три периода с характерными вещевыми комплексами и своей сырьевой основой.

Первый период — ранний (VIII—VII вв. до н. э.— V в. до н. э.). Это период образования и раннего этапа существования городищ. Характерно господство костяной и каменной индустрии. Целый ряд предметов, которые позднее изготовляли из железа, в это время делали из кости. Посуда в основном баночных форм с грубой бугристой поверхностью. Орнаментирована часто сквозными отверстиями в верхней части сосуда.

Второй период — средний (IV—I вв. до н. э.). Это время появления изделий из железа и преобладание их к концу периода главным образом в восточной части рассматриваемого региона. Тем не менее кость продолжает являться основным видом сырья при изготовлении разнообразных предметов. Данный факт сближает изучаемую территорию со средней Белоруссией, Прибалтикой, где наблюдалось подобное явление, и в то же время отличает от более южных, а также восточных районов

лесной полосы СССР, где процесс внедрения железа происходил интенсивнее. В керамическом комплексе представлены баночные и слабопрофилированные формы. Для последних характерен орнамент из ямочных вдавлений в виде вытянутых треугольников и прочерченных линий, исходящих из одной точки.

Третий период — поздний (I—V вв. н. э.). К этому периоду относятся главным образом все датировки железных изделий (серпы, ножи, булавки и пр.). Железо становится основным сырьем, и его выплавляется в достаточном количестве, чтобы покрыть все потребности. Преобладающее значение кости падает. Продолжают бытовать прежние формы сосудов с появлением среди слабопрофилированных форм горшков с удлиненной шейкой венчика.

Таким образом, племена днепро-двинской культуры Белорусского Подвинья в истории развития своей материальной культуры прошли как бы три этапа, обусловленные сменой различных видов сырья,— каменно-костяной, костяно-железный и железный. Каждый из этих периодов имеет свои характерные особенности в оборонительных и жилых сооружениях, которые рассматривались в первой главе.

Глава III

ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ДНЕПРО-ДВИНСКИХ ПЛЕМЕН И ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ

1. КРАТКИЙ ФИЗИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК БЕЛОРУССКОГО ПОДВИНЬЯ

Географические условия (климат, рельеф, почвы, природные богатства) в значительной мере влияют на хозяйственную деятельность людей даже в пределах небольших территорий. «Историю можно рассматривать с двух сторон,— отмечают К. Маркс и Ф. Энгельс,— ее можно разделить на историю природы и историю людей. Однако обе эти стороны неразрывно связаны; до тех пор, пока существуют люди, история природы и история людей взаимно обусловливают друг друга» [2, *16*].

Рельеф севера Белоруссии складывался на протяжении длительного времени, начиная с докембрийского периода (архейской эры) и до наших дней. Формирование современного рельефа изучаемой территории, растительности и животного мира связано с четвертичным периодом. В результате деятельности ледников, текучих вод и ветра широко распространились моренные, водно-ледниковые, озерные, речные, лессовидные, эоловые, делювиальные и болотные отложения. Поверхность Белорусского Подвинья — это чередование моренно-грядовых возвышенностей и расположенных между ними водно-ледниковых, озерно-ледниковых и озерно-болотных низин.

В целом рельеф не создает препятствий хозяйственному освоению территории. Однако наличие большого количества возвышенностей и гряд, низин, равнин и плато оказывает значительное влияние на распределение почвенного покрова, на формирование микроклимата, распределение и режим рек, озер и болот. Со всем этим, безусловно, приходилось считаться в хозяйственной деятельности. К примеру, пологие склоны возвышенностей имеют хороший сток, и поэтому они лучше пригодны под земледелие в отличие от более крутых, где наблюдается смыв почвы талыми и дождевыми водами.

В жизни человека, в его разнообразной хозяйственной деятельности большое значение имеет климат. Продолжительность и характер течения теплого и холодного периодов, количество осадков и их распределение по сезонам года — все это обусловливает сроки полевых работ, направление хозяйственной деятельности. Климат оказывает влияние на всю природу: почвы, воды, растительный и животный мир. Равномерное распределение осадков благоприятно сказывается на произрастании растений. С началом субатлантического периода (750—500 гг. до н. э.) наступает значительное ухудшение климата в сторону увеличения количества осадков и понижения средних температур. Это сказалось и на распределении древесной растительности в лесной зоне. В лесах уменьшилось количество деревьев лиственных пород (дуб, липа, орех,

вяз) и широко распространились хвойные, особенно ель, которая становится господствующей породой на всей северной половине европейской территории нашей страны. В лесах уменьшилось количество зверей (туры, благородные олени, кабаны). В озерах стал исчезать водяной орех. Таким образом, уменьшение количества продуктов питания, добываемых собирательством и охотой (орехи, ягоды, грибы), в некоторой степени стимулировало повышение роли скотоводства и земледелия.

Следует принять во внимание, что в I тысячелетии до н. э. изучаемая территория была покрыта крупными лесными массивами, что способствовало сохранению влаги. В связи с этим уровень грунтовых вод, воды в реках и озерах был более высоким по сравнению с современным.

Размещение городищ Белорусского Подвинья свидетельствует о том, что население придерживалось местностей с неровным рельефом и легкими почвами. Равнинная часть территории была заселена значительно слабее пересеченной. В целом же заселение определенной территории зависело от ряда обстоятельств: во-первых, от того, в какой мере местная почва могла подвергаться обработке; во-вторых, от того, насколько растительность была благоприятна для содержания скота; в-третьих, от водного режима (доступ к питьевой воде, размеры паводка) и от других менее значительных факторов. Изучение археологического материала городищ позволяет сделать вывод, что днепро-двинские племена севера Белоруссии вели сравнительно развитое комплексное хозяйство.

Подлинно революционным поворотом в истории населения было повсеместное распространение в эпоху бронзы примитивного скотоводства и земледелия [75, *112*]. Появление новых отраслей хозяйства обычно связывают с расселением в начале II тысячелетия до н. э. новой этнической группы, связываемой с прабалтами. Однако развитие производительных сил у местных племен достигло такого уровня, что этот революционный поворот оказалася уже подготовленным. Продуктивность охоты и рыболовства, а также навыки в хранении продуктов явились условием оседлости, последняя же определяла ограничение хозяйственной жизни территорией небольшого микрорайона. С увеличением населения был связан рост потребления продуктов питания, который мог быть удовлетворен только за счет повышения продуктивности охоты и рыболовства. Превышение определенного уровня продуктивности названных отраслей влекло за собой истощение природных богатств, уменьшение количества зверей и рыбы в данном районе. В связи с этим появляется необходимость перехода от хозяйства, основанного на присвоении, к созидательной, производящей форме экономики. В конце II и первой половине I тысячелетия до н. э. в различных местах и в разное время значение ведущей отрасли приобрело скотоводство, наряду с которым быстро развивалось земледелие. В связи с широким развитием этих новых производящих отраслей хозяйства охота и рыболовство утрачивают свое доминирующее значение в экономике.

2. СКОТОВОДСТВО И ЗЕМЛЕДЕЛИЕ

Скотоводство. Изучение материала свидетельствует о том, что на территории северной Белоруссии на протяжении длительного времени, вплоть до конца I тысячелетия до н. э. основную роль в жизни племен играли скотоводство и охота [66, *219*]. Это и отличает данную территорию от однокультурной области Верхнего Поднепровья, где подсечное

земледелие стало ведущей отраслью хозяйства уже в VI—V вв. до и. э. *[138,361]*.

Остеологический материал из городищ свидетельствует о том, что в памятниках изучаемого периода, численность костей домашних животных превышает численность костей диких. Это свидетельствует о преобладающем значении мяса домашних животных в питании обитателей городищ. Из табл. 6 мы видим, что 66% составляют домашние животные, 34% — дикие.

Таблица 6

Соотношение между домашними и дикими животными городищ севера Белоруссии

Памятники	Общее число особей (абсолютное)	Особи домашних животных, %	Особи диких животных, %
Урагово	114	89,4	10,6
Бураково	23	51,5	48,5
Кубличи	28	71,4	28,6
Зароново	17	58,8	41,2
Кострица	17	58,8	41,2
Всего	209	65,9	34,1

В этом отношении изучаемая территория находилась приблизительно на одинаковом уровне развития с сопредельными лесной зоны (табл. 7). Костный материал свидетельствует о том, что в I тысячелетии до н. э. на севере Белоруссии были известны все основные виды домашних животных: крупный и мелкий рогатый скот, лошадь и свинья. В отличие от городищ Смоленщины, Волго-Окского бассейна, где в стаде преобладал мелкий рогатый скот и значительный перевес имела свинья, на севере Белоруссии преобладал крупный рогатый скот. Этот факт сближает рассматриваемую территорию со средней Белоруссией, а также с Прибалтикой (табл. 8). Если следовать точке зрения о том, что находки костей свиньи являются указанием на оседлость населения и свидетельством наличия развитого земледелия [12, *118]*, то из сказанного можно сделать вывод, что земледелие на изучаемой территории в I тысячелетии до н. э. имело меньшее значение, чем в области дьяковской культуры, в Верхнем Поднепровье. Остатки домашней свиньи на городищах севера Белоруссии по определению В. В. Щегловой очень малы [159, 107, табл. 1].

Крупный рогатый скот давал мясо, молочные продукты; кости животных широко использовались для изготовления различных поделок. Скотоводство северобелорусских городищ носило мясной характер. Лошадь первоначально являлась мясным животным, хотя уже в I тысячелетии до н. э. использовалась и для верховой езды. Об этом говорят предметы конской упряжи, найденные на городищах Ратюнки (псалий костяной), Кострица (псалий железный).

Сопоставляя кости лошадей рассматриваемого периода с костями, обнаруженными в памятниках рубежа I и II тысячелетий н. э., В. И. Цалкин отмечает увеличение в размерах лошадей [126, *63, 97,* табл. 6]. Это объясняется тем, что в I тысячелетии до н. э. и на рубеже нашей эры. она была в основном мясным животным, а в начале нашей эры, когда интенсивно развивалось земледелие, стала использоваться в качестве тягла, а также для военных целей. Здесь требовались крупные и

сильные лошади, которые выращивались с помощью отбора [23, *119]*. Следует предполагать, что помимо хозяйственного назначения лошади играли важную роль в религиозном культе. Прямых доказательств этому факту у нас пока нет, но находки зубов в могильниках Латвии и Литвы [23, *119],* а также скульптурных изображений лошадей на городищах Дьяковском [102, рис. 150, *13]* и Новые Батеки [138, рис. 12] позволяют предполагать, что культ лошади имел распространение и на севере Белоруссии. В этой мысли укрепляет и тот факт, что кости лошадей на Смоленщине составляют до 15% остеологического материала, на Полотчине — 20%, а на крайней северо-западной точке изучаемого региона, т. е. на городище Урагово,— около 23% [159, *107,* табл. 1] всех костных остатков. Аналогичная картина наблюдается и на городищах культуры штрихованной керамики, где костные остатки лошади составляют 24% *[67, 45]*.

Что касается разведения мелкого рогатого скота, то его удельный вес в животноводстве на изучаемой территории, как и в средней Белоруссии и на большей части Латвии, был несколько ниже, чем, например, в западной части Волго-Окского междуречья и части Смоленщины [42, *130—131]*.

В составе костных остатков мелкий рогатый скот составляет в среднем 18% общего числа особей (домашних и диких животных). Соответственно этот же показатель для средней Белоруссии равен 18—20%,

Таблица 7

Соотношение костей различных домашних животных из городищ раннего железного века лесной полосы СССР, %

Ареал	Памятник	Рогатый скот		Свинья	Лошадь
		Крупный	Мелкий		
Литва	Петрошунай	26,2	10,6	23,2	10,9
	Аукштадварис	36,6	35,2	12,7	15,5
Латвия	Мукукалнс	36,0	17,7	24,3	21,3
	Асоте	42,8	21,5	18,4	17,8
	Кланьгюкалнс	38,4	15,1	25,6	20,9
Эстония	Асва	36,5	36,9	14,0	10,7
	Ридала	26,4	39,1	22,3	10,7
Дьяковские городища	Пекуновское	23,8	14,3	38,1	23,8
	Щербинское	17,8	10,8	47,07	20,6
Смоленщина	Тушемля, нижний слой	36,3	14,6	31,7	17,1
	Мокрядино	18,0	17,0	54,8	10,2
	Новые Батеки	25,0	20,0	40,0	15,0
Северная Белоруссия	Урагово	35,1	23,7	7,9	22,7
	Бураково	15,2	15,2	9,1	12,1
	Кубличи	35,7	21,5	7,2	7,2
	Зароново	17,6	17,6	11,8	11,8
	Кострица	29,3	11,8	11,8	5,9
Средняя Белоруссия	Лабенщина	28,6	14,3	21,4	21,4
	Новоселки	37,5	31,2	12,5	18,8
	Кимия	22,2	22,2	33,3	22,3
Верхнее Подвинье	Подгай	37,0	47,0	—	16,0
	Михайловское	29,0	49,0	5,0	17,0
	Городок	44,0	33,0	—	23,0
Верхнеокские городища		26,2	20,9	24,3	26,6
Юхновские городища		28,8	18,1	26,3	26,8
Милоградские городища		39,2	16,8	13,9	30,1

Таблица 8

Соотношение костей домашних и диких животных, %

Ареал	Памятник	Домашние	Дикие
Литва	Петрошунай	71,2	25,0
	Аукштадварис	64,5	35,0
Латвия	Мукукалнс	57,6	42,4
	Асоте	70,3	29,7
	Кланьгюкалнс	71,4	28,6
Эстония	Асва	78,1	21,9
	Ридала	79,3	20,7
Дьяковские городища	Пекуновское	67,7	32,3
	Щербинское	51,1	48,9
Смоленщина	Тушемля, нижний слой, Мокрядино, Новые Батеки	71,6	28,4
Северная Белоруссия	Урагово	89,4	10,6
	Бураково	51,5	48,5
	Кубличи	71,4	28,6
	Зароново	58,8	41,2
	Кострица	58,8	41,2
Средняя Белоруссия	Лабенщина	36,8	63,2
	Новоселки	53,3	46,7
	Кимия	45,0	55,0
Верхнее Подвинье	Подгай, Михайловское, Городок	44,0	56,0
Верхнеокские городища		70,2	29,8
Юхновские городища		82,1	17,9
Милоградские городища		94,9	5,1

южной Белоруссии — 17, Смоленщины — 24, Прибалтики — до 20% (табл.7).

Сопоставление данных по скотоводству (табл. 7) у племен северной Белоруссии со смежными культурами приводит к выводу, что развитие скотоводства на изучаемой территории имеет много общего со смежными территориями. Ближе всего по характеру животноводства к племенам Белорусского Подвинья стоят племена культуры штрихованной керамики, а также городищ Латвии. Особенностью рассматриваемого региона, как уже отмечалось, являются преимущественное разведение крупного рогатого скота, а также низкий процент костных остатков свиньи.

Земледелие. Удельный вес земледелия обитателей северобелорусских городищ не вполне ясен. По всей вероятности, значение земледелия в хозяйственной деятельности населения постепенно возрастало, но мы пока не располагаем надежными критериями для определения его удельного веса на различных этапах развития днепро-двинской культуры.

В хозяйстве II тысячелетия до н. э. на рассматриваемой, как и на сопредельных территориях, земледелие в форме огородничества могло иметь значение как второстепенная отрасль [97, *29]*, основная роль в трудовых процессах которой принадлежала женщине. Это препятствовало дальнейшему развитию земледелия, так как женщина, связанная с жилищем, возделывала землю только вблизи него. Несмотря на то что зерновые содержали все питательные вещества в оптимальном составе, эта пища была недостаточной, так как урожай с небольших делянок был ничтожным. В условиях патриархата (I тысячелетие до н. э.) земле-

делие освободилось от связи с домашним хозяйством, превратившись в постоянную отрасль производства, в которой были заняты и женщины, и мужчины. Земледелие распространялось вширь, перемещалось на отдаленные от жилища участки [97, *34]*, в устройстве которых важное значение имели каменные, а позднее металлические топоры. В конкретных условиях изучаемой территории развитие земледелия было возможно только при условии вырубки леса. Таким образом, единственно возможной формой развития земледелия здесь была подсека.

На исследуемой территории в развитии подсечного земледелия в I тысячелетии до н. э. важная роль принадлежала каменному топору. Свидетельством является тот факт, что находки топоров часто зафиксированы в поле, а не непосредственно в местах обитания людей. В противоположность этому высверлины проушин обнаруживаются обычно на поселениях. Таким образом, изготовленные в местах обитания топоры применялись при подготовке участков для посева. С появлением железных орудий подсечное земледелие вступает в новую, более высокую стадию, осваиваются широкие лесные пространства. На днепро-двинских поселениях северной Белоруссии с конца I тысячелетия до н. э. широко используются железные орудия — топоры, серпы, жатвенные ножи и т. д., характеристика которых дана выше.

Население рассматриваемой территории, как и соседи, возделывало очевидно, ячмень, просо, бобовые, а также пшеницу, остатки которой зафиксированы на городище Загорцы [55, *212]*. Находки каменных зернотерок на каждом городище свидетельствуют о развитости и повсеместном распространении земледелия. Зернотерки ничем не отличались от подобных изделий других синхронных культур и состояли из нижнего крупного, чаще овальной формы, камня и верхнего, имевшего в зависимости от длительности использования различную форму.

Ю. А. Краснов, исследуя локальные различия в земледелии на территории лесной полосы европейской части СССР, указывает на своеобразные черты его на территории локализации балтских племен, т. е. в районе от Прибалтики до верховьев Волги, Москвы-реки и Оки и от Верхнего Подвинья до верховьев Десны. Здесь раньше, чем в других частях зоны лесов, появляются и более широко распространяются бобовые культуры, овес. Только в этом районе зарегистрированы находки спельты, происхождение которой, безусловно, связывается с Западной и Средней Европой. Здесь использовались определенные типы железных серпов (IV, VI и VII), резко отличающиеся от серпов южных окраин лесной зоны. Распространение земледелия на описываемой территории, по мнению Ю. А. Краснова, шло с запада на восток через Прибалтику [42, *86—87]*. Что касается территории днепро-двинской культуры, то темпы развития подсечного земледелия и роль этой отрасли хозяйственной деятельности не везде были одинаковы. Е. А. Шмидт указывает, что подсечное земледелие стало ведущей отраслью хозяйства в Верхнем Поднепровье в VI—V вв. до н. э. Здесь, очевидно, сказывалось влияние южных окраин лесной полосы, южная часть Верхнего Поднепровья, Посемье, Подесенье, где земледелие появляется значительно раньше. Серповидные ножи, судя по исследованиям П. Н. Третьякова, появляются на Смоленщине под влиянием племен зарубинецкой культуры [119, *23]*. В западной же части ареала днепро-двинской культуры, т. е. на территории северной Белоруссии, где хозяйство носило животноводческий характер, земледелие стало ведущей отраслью несколько позднее, хотя уровень развития его был одинаков. Так что разница здесь

только в удельном весе ведущих отраслей хозяйства в раннем периоде-истории.

Широкое распространение железных орудий с начала нашей эры способствовало повышению роли земледелия в экономической жизни населения. Следует отметить, что животноводство в изучаемом регионе имело преобладающее значение еще долгое время. Это вовсе не является показателем замедленного хода общественного развития племен.

Характер хозяйства связан прежде всего с физико-географическими условиями региона, они и объясняют уровень и особенности развития ведущих отраслей хозяйства. Следует также заметить, что особенности развития главных отраслей хозяйства зависели также и от различных источников и путей проникновения этих отраслей в хозяйственную деятельность племен. Особенности впоследствии закреплялись, развивались, благодаря обособленному существованию племен приобретали характерные черты, придавая тем самым своеобразие общей культуре населения.

Что касается распространения пашенного земледелия, то Я. Я. Граудонис считает, что оно на территории восточной Прибалтики существовало по крайней мере в конце I тысячелетия до н. э. [23, *122]*. На распространение пашенного земледелия в первой половине I тысячелетия н. э. в зоне локализации балтских племен указывает Ю А. Краснов [42, *86—87]*.

Мы не располагаем конкретными данными, подтверждающими распространение пашенного земледелия на севере Белоруссии в столь раннее время. Скорее всего, оно появилось здесь со второй половины L тысячелетия н. э. и, безусловно, не имело такой роли, как подсека.

В изучении данного вопроса интерес вызывает свидетельство Тацита о том, что железо аисты применяли редко, однако зерновые и другие культуры возделывали прилежней, чем германцы [23, *120]*. Хотя это указание прямо не относится к нашей территории, тем не менее сказанное является своеобразным доказательством существования развитого-земледелия на севере балтского ареала.

3. ПОДСОБНЫЕ ЗАНЯТИЯ

Охота. Большое значение в хозяйстве днепро-двинских племен Подвинья играла охота, которая была для людей дополнительным источником существования. Для характеристики охоты основным источником наших знаний являются находки костей диких животных, а также изделий, связанных с обработкой объектов охоты.

Изучение костных остатков из поселений северной Белоруссии позволяет утверждать, что охота на диких животных в целях получения мяса играла большую роль, чем охота на пушного зверя (табл. 9).

Из всех костных остатков промысловых зверей мясные составляют 60, пушные 40% [159, *107—109]*. Анализируя материалы определений В. В. Щегловой, можно заключить, что в восточных и северо-восточных пунктах изучаемой территории охотились больше на пушных зверей. Рассматривая эти вопросы, следует заметить, что количество обнаруженных костей диких животных не отражает во всей полноте истинного положения. Пушных зверей часто свежевали в лесу и возвращались только со шкурой, не всегда приносили целиком с охоты и мясных зверей. Из диких животных частыми объектами охотников были кабан, лось, зубр, лиса и в особенности бобр. Преобладание костей бобра среди

костей диких животных, очевидно, объясняется тем, что его красивая шкура служила местным жителям одним из объектов обмена, а мясо употреблялось в пищу. Среди остатков домашних животных не обнаружены пока кости собаки. Не зафиксированы в северной Белоруссии в отличие от южных территорий кости волка, выдры, лесного хорька, барсука [159, *109]*.

С течением времени происходят изменения в характере охоты. Увеличивается количество видов добываемых диких животных. Одновременно возрастало значение пушных зверей. Помимо бобра, важнейшими среди них были лиса, куница, рысь (табл. 9). Кстати, находки остатков рыси свидетельствуют о богатом опыте и незаурядной ловкости древних охотников, ибо одолеть этого хитрого зверя очень сложно. Пушнина представляла собой один из важнейших эквивалентов обмена, поэтому добыча пушных зверей имела не менее важное значение, чем охота на мясных животных. О значении меха в одежде древних говорить не приходится. Некоторую роль в охоте имела добыча птицы, особенно водоплавающей. Кости птиц довольно часто встречаются при раскопках, однако определению они пока не подвергались.

Несмотря на то что охота занимала видную роль в хозяйстве населения, находки орудий добычи зверя очень незначительны. Это несоответствие можно объяснить тем, что население использовало такие орудия, которые до наших дней не сохранились. Несомненно, что к орудиям охоты относились обнаруженные на городищах наконечники копий, дротиков, костяные кинжалы. Для добычи пушных зверей употреблялись специализированные наконечники стрел с тупым концом, зарегистрированные на городищах Урагово, Замошье. Обработка шкур производилась различными, чаще всего костяными орудиями, которые обнаружены при раскопках городищ. Для этой цели служили костяные струги, долота, ножи, выявленные на городищах Поддубники, Урагово и особенно в Замошье.

Рыболовство. Рыбная ловля служила дополнительным источником получения продуктов питания. При выборе места поселения этот фактор также брался в расчет. Сведения о рыболовстве на изучаемой территории чрезвычайно скудны, впрочем, это характерно и для соседних земель. Костные остатки рыб сохраняются очень плохо, причем они почти не подвергались определению. О занятиях населения рыболовст-

Таблица 9

Видовой состав костных остатков пушных и мясных животных из городищ северной Белоруссии (по В. В. Щегловой)

Виды животных	Урагово		Бураково		Кубличи		Зароново		Кострица	
	x	%	x	%	x	%	x	%	x	%
Зубр	8/1	0,9	3/2	6,1	2/1	3,5	—	—	11/1	5,9
Лось	34/5	4,4	21/1	3,0	12/2	7,2	9/2	11,8	53/3	17,6
Кабан дикий	11/1	0,9	—	—	1/1	3,5	3/1	5,9	9/2	11,8
Медведь	6/1	0,9	6/1	3,0	4/1	3,5	1/1	5,9	—	—
Лисица	19/3	2,6	3/3	9,1	9/5	3,5	—	—	—	—
Куница лесная	—	—	1/1	3,0	—	—	—	—	—	—
Рысь	—	—	1/1	3,0	—	—	—	—	—	—
Бобр	2/1	0,9	30/7	21,2	8/2	7,2	12/3	17,6	4/1	5,9

Примечание: x в числителе — число костей, в знаменателе — число особей, % от общего числа особей (домашних и диких).

вом свидетельствуют находки различных приспособлений, связанных с этим промыслом. Это крючки, обнаруженные на городищах Августово, Кубличи, Заговалино, Кострица, Мазурино, остроги, выявленные в Замошье.

Рыбу, видимо, ловили чаще не с помощью индивидуальных орудий лова (удочки, остроги, гарпуны), а с помощью сетей или схожих с ними снастей, остатки которых не сохранились. Грузилом, по всей вероятности, служили гладкие, не обработанные камни. Аналогов своеобразным глиняным грузилам, обнаруженным на городище Малышки, на рассматриваемой территории пока не зафиксировано. Значение рыболовства на севере Белоруссии в данную эпоху равнозначно роли этого занятия на смежных регионах лесной полосы, где изученность его несколько лучше. Для ранних однокультурных городищ Смоленщины, как установил Е. А. Шмидт, кости рыб составляют около 6% общего числа костных остатков. Орудия рыболовства представлены здесь большим количеством однозубых костных гарпунов тех же типов, что на Верхне-Окских городищах, и глиняных грузил от сетей. Довольно значительное место занимало рыболовство в хозяйстве городищ культуры штрихованной керамики, в более западных районах Литвы, Латвии.

Собирательство. В рассматриваемую эпоху это занятие играло важную роль в добывании средств существования. Археологические источники с изучаемых городищ весьма скупы, чтобы иметь представление о том, что, в каких количествах и как собирали люди.

В ранних слоях городищ Поддубники, Мазурино, Замошье обнаружены раковины моллюсков, которые, видимо, употребляли в пищу. При раскопках встречается обуглившаяся скорлупа орехов. Естественно, что сезонный сбор ягод, орехов, грибов, птичьих яиц служил важным дополнением к продуктам скотоводства, земледелия, охоты и рыболовства.

4. ДОМАШНИЕ РЕМЕСЛА

При характеристике материальной культуры, т. е. при описании отдельных категорий предметов, мы в той или иной степени уже затрагивали вопросы, связанные с ремесленной деятельностью населения северобелорусских городищ. Поэтому, характеризуя домашнее ремесло, остановимся лишь на описании методов и приемов обработки различных материалов, связанных с жизненными потребностями людей.

Имеющиеся материалы позволяют судить о наличии у племен днепро-двинской культуры разнообразных домашних ремесел и занятий по обработке камня и кости, железа и бронзы, изготовлению изделий из глины и ткани.

Развитие производства в I тысячелетии до н. э. на рассматриваемой территории вызывало непрерывно возрастающую потребность в различных орудиях труда и предметах обихода. Характер хозяйства и относительно слабое развитие обмена определяли такое положение, при котором члены каждой общины изготовляли все необходимое им сами, т. е. каждый человек должен был овладеть различными трудовыми процессами.

Обработка камня. Разнообразие и сравнительно большое число предметов из камня, обнаруженных при раскопках, указывают на широкое применение данного материала на поселениях изучаемой культуры. Этот факт отличает исследуемую территорию от родственной в

культурно-археологическом отношении области Верхнего Поднепровья и сближает ее с Прибалтикой.

Для изготовления каменных топоров, долот и других изделий население использовало диабаз, диорит, гранит, кварциты, различные породы порфита и иные материалы. В северной Белоруссии эти минералы присутствуют в виде валунов различной величины и формы. Приемы обработки определялись структурой минерала, а также возможностью подобрать наиболее подходящий для изготовляемого орудия кусок. В I тысячелетии до н. э. люди, изготовляя предметы из камня, уже избегали примитивного вида обработки исходного материала путем оббивки. Здесь, как и на сопредельных прибалтийских территориях, применялась точечно-ударная техника [93, *87—88]*. Сущность ее заключается в том, что при обработке камня использовалась остроконечная прокладка — своего рода каменный шпунт. При ударе по нему острый конец его концентрировал силу удара в одной точке обрабатываемой поверхности, направляя приложенное усилие в определенную сторону. Только с помощью этой техники можно было добиться равномерной обработки поверхности минералов, обладавших зернистой структурой, которую имели все минералы, за исключением кремня. С помощью точечно-ударной техники из валунов получали, вероятно, заготовки топоров и долот. Доказательством служат, например, находки «полуфабрикатов» топоров-клиньев из городища Барсуки [184, д. 535, рис. 4, *1—3]*. В дальнейшем изделия подвергались шлифовке, что придавало им более совершенную форму.

Шлифование камня придавало изделиям необходимую симметричную форму, каменному орудию — остроконечную или лезвийную. Оно применялось также для заточки затупившегося орудия. Шлифование представляло собой трудную работу, связанную с большой затратой времени и требовавшую исключительной осторожности [93, *37]*. Поэтому современем оно становилось частичным, шлифовалась только рабочая часть. Так, если у долот отшлифована вся поверхность, то у топоров не всегда. Несколько экземпляров из городища Замошье имеют шлифовку только на лезвийной части [184, д. 715, рис. 5, *5, 7]*.

Важной операцией при изготовлении каменных орудий было сверление отверстий для рукояток — проухов. Шлифованные торцы высверлины свидетельствуют о том, что эта операция являлась обычно завершающей при изготовлении предмета. Каменные высверлины в Белорусском Подвинье обнаружены только на поселениях изучаемого периода, и поэтому с полным основанием их можно считать характерными для I тысячелетия до н. э.

Совершенствование техники сверления определялось получением отверстия при минимальном объеме удаляемой массы камня. Находки высверлин свидетельствуют о том, что изготовление топоров производилось с помощью полого сверла, а это самая высокая ступень в развитии техники сверления камня. Работа с помощью сверла была точной, требовала меньших затрат времени и сил, так как в этом случае приходилось просверливать предмет в глубину лишь в объеме ободка вокруг высверлины.

При сравнении различных каменных высверлин, обнаруженных на севере Белоруссии (в Поддубниках, Урагово, Заговалино, Барсуках, Замошье), выделяются конические — неправильной формы и цилиндрические — строго правильной формы. Подобные факты зафиксированы в соседней Латвии. Я. Я. Граудонис высказывает предположение, что

конические высверлины — более древнего, а цилиндрические — позднего происхождения, так как цилиндрические имеют отшлифованные торцы, а это значит, что сверление производилось полым сверлом, на готовом отшлифованном предмете [23, *125]*. Подобные наблюдения можно отнести и к изучаемым древностям, однако недостаток материала не позволяет пока установить полную идентичность этого явления. Характер же сверления, на наш взгляд, во многом зависел от функционального назначения изделий.

Отдельные находки кремней, а также особых костяных рукояток для кремневых орудий (рис. 26, *5, 10)* говорят о том, что этот минерал не утратил своего значения для людей. В отдельных случаях из кремня продолжали изготовлять скребки, ножевидные пластинки и т. п. В этих находках наблюдается высокий уровень техники ретуши. Эти кремневые отщепы, встреченные на ранних городищах Урагово, Поддубники, Замошье, если и употреблялись для резания, то использовались естественные острые грани. Таким образом, несмотря на то что кремень не вышел полностью из употребления в рассматриваемый период, значение этого минерала в процессе производства резко упало.

Обработка кости и рога животных. Обработка костей и рогов животных для изготовления орудий труда и украшений была широко распространена на ранних этапах существования городищ днепро-двинской культуры. Нижние слои поселений обычно содержат обильный костяной инвентарь при полном отсутствии железных изделий (Поддубники, Урагово, Замошье). Такая картина характерна для древнейших слоев городищ Прибалтики, средней и северной Белоруссии. Здесь костяные изделия бытовали длительное время, но наиболее великое число и разнообразие их приходится на I тысячелетие до н. э.

Техника обработки кости в течение рассматриваемого периода почти не изменяется. Костяные изделия изготовлялись из плоских и трубчатых костей животных, из зубов, рогов и даже трубчатых костей птиц,

Как уже рассматривалось выше, ассортимент изделий из кости и: общее количество предметов были значительными. Булавки, амулеты, ручки и другие предметы свидетельствуют о большом мастерстве лиц, изготовлявших их. При раскопках встречены орнаментированные костяные предметы. Орнамент состоит главным образом из комбинаций параллельных и перекрещивающихся линий, а также из кружков с точкой посередине (циркульный орнамент).

Изучение материала показало, что население применяло такие приемы обработки кости, как расщепление, резание, шлифование, скобление, сверление и полировка. Для изготовления небольших предметов трубчатые кости расщеплялись. Такие осколки в большом количестве зафиксированы на городище Замошье [184, д. 715, опись]. Резание представляло собой сложную операцию и его старались избегать. В случае необходимости кость или рог только немного подрезали и затем обламывали. Рабочую часть костяного орудия обрабатывали путем скобления или шлифования. Для резания и оскабливания кости использовались орудия из кремня. Свидетельством тому являются различной глубины риски от скобления, а также маленький, неровный и шероховатый срез. Когда же использовали металл, то срез получался крупнее и гладкий, а риски от скобления более равномерные. Для шлифования пользовались камнями мелкозернистой структуры. У орудий обрабатывалась только рабочая часть. Этот факт характерен и для дьяковских городищ [36, *16]*. На многих костяных изделиях имеются отверстия,

выемки и т. п. Отверстия как просверливались, так и просто проковыривались. Для сверления употреблялись кремневые отщепы, осколки камней, а также более твердые кости. При изготовлении шильев, кочедыков, иголок, простых булавок первоначальная форма кости зачастую только совершенствовалась, приспосабливалась для практических надобностей. В иных случаях в процессе обработки естественная форма изменялась полностью, например, булавки для украшений (рис. 27, *1—3).* Для изготовления орудий сложной формы использовались приемы, известные еще с палеолита, т. е. кость размягчали перед обработкой путем вымачивания, распаривания, выпаривания или нагревания [15, *70—71;* 125, *221;* 93, *192, 193]*. После этого придавалась нужная форма состругиванием, затачиванием, частичной полировкой и зашлифовкой. В целом по своему характеру техника обработки кости у племен Белорусского Подвинья совершенно такая же, как и у других племен позднего бронзового и раннего железного веков, и, несомненно, была унаследована ими из предшествующих эпох.

Обработка дерева. В изученных памятниках раннего железа на территории северной Белоруссии изделия из дерева не сохранились, однако несомненно, что дерево широко использовалось для удовлетворения повседневных нужд. Рукояти ножей, серпов, шильев, копьевищ, топорища, посуда, всевозможные предметы обихода изготовлялись из дерева, коры, корневищ или растительных волокон. Это доказывается наличием остатков дерева на черенках ножей, серпов, бритв и т. п. Поскольку при раскопках не встречены многие предметы домашнего обихода из глины, к примеру, кухонная утварь, то следует допустить, что они изготавливались из дерева. Обращает внимание и тот факт, что среди глиняной посуды совсем нет мисок, ковшей и т. п. Вероятнее всего, сосуды этих и других форм были из дерева [67, *52]*. Прямым доказательством является находка небольшой части деревянного донышка (диаметр сечения 22—25 см), принадлежавшего скорее всего ведру или небольшому бочонку [157, *40,* рис. 6, *26]*.

Широко применялось дерево в домостроительстве, сооружении хозяйственных построек и сельскохозяйственного инвентаря. Орудиями обработки служили топоры, ножи, долота, резцы и т. д. Резец в виде современного ложкаря обнаружен на городище Кубличи [186, д. 273, рис. 32] (рис. 35, 5).

Шитье, прядение, ткачество и плетение. Эти занятия людей, главным образом женщин, были связаны прежде всего с изготовлением одежды. В климатических условиях конкретной территории это имело особенно важное значение. Характер объектов охоты, наличие овец в стаде, различного рода проколки, шилья, иглы, а также пряслица указывают на то, что одежду шили из звериных шкур и тканей. Большое количество в нижних слоях городищ Поддубники, Урагово и особенно Замошье костяных изделий для обработки кожи, а также отсутствие пряслиц свидетельствуют о том, что одежда на раннем этапе изготавливалась главным образом из шкур зверей. Обрабатывали кожу тупиками, лощилами, стругами и сшивали ее при помощи проколок, игл, шильев.

Изготовление тканей связано с прядением и ткачеством. Этот факт подтверждается многочисленными находками глиняных и каменных пряслиц, их отпечатками на поверхности глиняной посуды (текстильная керамика). Имеются отпечатки тканей на днищах сосудов (Барсуки, Кубличи, Кострица). Особенно широко это явление представлено у южных соседей днепро-двинцев — племен культуры штрихованной ке-

рамики. Судя по отпечаткам, ткани вырабатывались сравнительно тонкие — типа крестьянского холста [67, *50]*. К сожалению, специальные исследования материала по этому вопросу пока отсутствуют. Не обнаружены пока ткани, а также детали одежды рассматриваемого периода. Однако факт появления в последнем периоде пряслиц указывает на наличие этой отрасли домашнего ремесла. Орнаментация же пряслиц, видимо, связана с почитанием населением этого рода занятий, пониманием его важности в жизни людей. Костяные и железные иглы, найденные на городищах (рис. 21, 36, 7—*9),* являлись главным инструментом при шитье одежды.

Обитатели северобелорусских городищ занимались и плетением. Этнографический материал свидетельствует о том, что плетение в хозяйственной деятельности на территории Белоруссии играло весьма важную роль. Предметами плетения были различная утварь, возможно, обувь, сети и т. д. Материалом служили кора деревьев (липа) и лоза, а также различные нити. Инструментом служили шилья, кочедыки, развязыватели узлов и т. п.

Металлургия и кузнечная обработка железа. Известно, что добыча и обработка железа в определенной мере являются показателем общего уровня развития производительных сил, а следовательно, и всей экономики общества. Использование железа Ф. Энгельс считал наиболее характерным признаком высшей ступени варварства — эпохи железного топора, железного плуга и железного меча.

Изучение материала позволяет заключить, что у племен днепро-двинской культуры, особенно в последнем периоде, добыча и обработка железа являлись самостоятельной и для своего времени развитой отраслью домашнего ремесла. При характеристике железных изделий отмечалось, что в изучаемых памятниках северной Белоруссии железо как материал для орудий труда стало играть решающую роль с конца I тысячелетия до н. э., вытеснив почти полностью каменную и костяную индустрию. Это несколько отличает рассматриваемую территорию от районов Верхнего Поднепровья и южной Белоруссии. Добыча и обработка железа на исследуемых памятниках доказываются находками железных изделий и наличием на поселениях остатков железоделательных мастерских, сыродутных горнов, шлаков, криц, болванок, заготовок и т. п.

Из-за отсутствия точно датированных находок трудно определить дату освоения сыродутного способа получения железа из болотных руд днепро-двинскими племенами Белоруссии. Видимо, это произошло в середине I тысячелетия до н. э., когда производство распространилось на сопредельных территориях, исключая Прибалтику. В пределах изучаемого региона можно наблюдать некоторое отставание в железоделательном производстве западных районов (Урагово, Поддубники, Язно, Замошье), где изделия из кости и камня значительно преобладают над железными. На городище Замошье шлак встречен только в верхних слоях при общей мощности культурного слоя до двух и более метров [184, д. 715, опись].

За счет быстрого роста железоделательного производства количество изделий из кости в верхних слоях северобелорусских городищ постепенно уменьшается. Это явление особенно наблюдается в восточных и южных районах изучаемой территории.

Находки железных шлаков, криц, обломков домниц и остатков кузнечных мастерских свидетельствуют о повсеместном развитии железо-

деланья и железообработки. Так, на городище Тербахунь была открыта целая домница, которая представляла собой сводчатое сооружение из обожженной глины [55, *214]*. Остатки сыродутной печи-домницы были обнаружены на городище Кубличи. Судя по ним, верхняя часть домницы, ее стенки сооружались лишь на одну плавку, после чего для изъятия кричного железа она разрушалась. Мощный фундамент, состоящий из хорошо промешанной глины и каменной забутовки, свидетельствовал о систематическом возведении домниц па этом месте. Кубличская домница имела круглую в плане форму диаметром 0,8 м. Толщина стенок равнялась 0,15 м, внутренний диаметр — 0,5 м [158, *274,* рис. 6]. Обломки домниц, шлаки и куски кричного железа найдены на Абрамовском городище [155, 422]. На Бураковском городище обнаружена постройка (древняя кузница) 3X4 м столбовой конструкции, внутри которой находилась прямоугольная в плане яма (2,5X2X0,35 м). На ее краю выявлены основание печи-домницы и две каменные наковальни, а в заполнении— три обломка каменного молота, крицы, шлаки, окалина и куски оплавленных сопел [154, *170]*. Безусловно, здесь осуществлялись металлургия и обработка железа. Подобная постройка встречена и на городище Кострица. Она представляла собой полуземляночное сооружение (4X8 м), на полу которого (на 0,7—0,8 м в материке) устроен большой валунный камень диаметром 1 м. Верхняя часть этого камня-наковальни специально сбита и представляет собой ровную площадку диаметром 0,35 м [186, д. 257]. Обилие шлаков внутри мастерской и вокруг нее свидетельствует о том, что здесь происходил интенсивный железоделательный процесс. Подобные мастерские пока зафиксированы на изучаемой территории, хотя следы производства железа широко известны на днепро-двинских городищах Смоленщины (Новые Батеки, Наквасино, Демидовка, Холм, Баталово и на многих других поселениях) [185, *104]*.

Наличие шлака и других следов на всех исследовавшихся городищах делает очевидным факт, что обитатели северобелорусских поселений получали железо прямо на месте. Такая картина сближает рассматриваемые городища со смоленской группой [185, *105], а* также среднебелорусскими городищами культуры штрихованной керамики [53, *56;* 67, *48]. В* этой связи, видимо, прав А. Н. Лявданский, утверждавший, что «на Двине и в других частях БССР почти на всех ранних (ранее IX в.) поселениях каждая из родовых семей занималась выплавкой для себя железа из местной болотной руды и вырабатывала разные железные орудия труда: топоры, серпы, копья, ножи, шилья и много других предметов» [55, *214]*. По крайней мере, на изучаемой территории нет городищ, на которых не было бы следов производства железа.

Исходя из имеющихся данных, металлургию железа у днепро-двинских племен можно представить в следующем виде. В местах выхода болотной железной руды на поверхность, т. е. в размывах рек и ручьев, а иногда и прямо на дне водоемов, куски железной руды собирались и высушивались. Затем руду разбивали и размельчали каменными пестами. В небольших печах-домницах в результате сыродутного процесса получали кричное железо. Шлак и бракованные крицы говорят, что процесс получения железа был еще несовершенным. Крицы сразу же после извлечения из домниц проковывали молотами на наковальнях.

Орудия труда и другие предметы изготовлялись из кричного железа путем дальнейшей кузнечной обработки. Для этого необходимо наличие наковальни, молота, клещей, горна. К сожалению, целиком сохранив-

шейся кузницы или набора кузнечных инструментов на городищах северной Белоруссии не обнаружено. Отдельные же кузнечные орудия находили неоднократно у нас и на территории соседних родственных племен. Например, на городище Урагово [155, *414—416]* обнаружен железный молоток (рис. 40, *6)* длиной 8,5 см, шириной 5,5 и толщиной 4,5 см. По размерам и массивности он вполне пригоден для выполнения сложных кузнечных операций. На это указывает и сработанность его обушной и других частей. Кузнечный каменный молот найден на городище в Малышках. Он в плане имеет овальные очертания и овальное лоперечное сечение. Его днище 20 см, ширина 16,5 см. В средней части есть желоб, при помощи которого он крепился с рукояткой [67, *48].* На городищах Демидовка, Наквасино, Федотково (Смоленщина) обнаружены железные пробойники и рубильца [185, *107].*

О высоком уровне кузнечного дела, особенно в поздний период бытования днепро-двинской культуры, говорит разнообразный ассортимент железных изделий, среди которых есть крупные массивные вещи (топоры, серпы) и наряду с этим очень мелкие (иглы, шилья, рыболовные крючки, украшения и пр.). Изготовление таких предметов требовало больших навыков и опыта в применении различных приемов и соответствующего инструмента.

О технологии производства железных изделий мы можем судить на основании произведенных М. Ф. Гуриным металлографических анализов железных изделий из городищ северной Белоруссии (Мазурино, Барсуки, Боровно) (рис. 41). Анализ изделий показывает, что населению городищ в рассматриваемый период была известна сварка, а в конце его применялось «пакетирование» сырья при подготовке металла для изготовления орудий труда [25, *76—80].*

Таким образом, несмотря на отставание в освоении добычи и обработке железа, с течением времени племена Белорусского Подвинья достигли того уровня развития этого ремесла, который имел место в балтской среде изучаемого периода.

5. ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Совокупность археологического материала рассматриваемого региона говорит о том, что племена севера Белоруссии с самого начала периода железа находились на стадии развитого патриархата. Основной хозяйственной единицей была большая патриархальная семья. Несколько таких семей объединялись в патриархальный род, который имел свою территорию для проживания, обработки почвы и пастбища.

Как указывалось, на исследуемой территории, как и на сопредельных, имеет место случай гнездового размещения городищ. А. Г. Митрофанов полагает, что каждая группа городищ принадлежала отдельному роду, а отдельное городище — большой патриархальной семье [66, *206].* На примере южнобелорусских городищ А. Н. Лявданский рассматривает группу укрепленных поселений, принадлежащих одному роду [56]. Подобные предположения вполне можно отнести и для северной Белоруссии, хотя следует отметить, что в групповом размещении городищ не всегда можно видеть преднамеренную общественную связь. Здесь допустимо объяснение этого явления наличием наиболее удобных для сооружения городищ природных условий данной местности.

Общинный коллективный характер труда обусловливался подсечным земледелием. Патриархально-родовой характер общественных от-

ношений подтверждается наличием жилых построек в виде длинных домов.

Непрерывный рост производительных сил, особенно в скотоводстве и земледелии, вскоре повлек за собой усиление разложения родового строя, которое можно связывать с концом I тысячелетия до н. э. Комплексное хозяйство с возраставшей ролью земледелия стало обеспечивать людям накопление материальных ценностей, способствовало росту численности населения. В организации общества наступали изменения внутри него, что в конце концов приводило к военным столкновениям. Процесс распада патриархально-первобытных отношений внешне нашел свое отражение в возникновении более мощных искусственных укреплений, необходимых для обеспечения безопасности поселений. Это — яркое свидетельство усиления противоречий между родами и племенами.

Как и у всех других племен эпохи патриархата, на рассматриваемой территории в это время появляется рабство, источником которого были межплеменные войны. Рабство в тот период было весьма ограниченным и носило только домашний патриархальный характер. В качестве некоторого подтверждения существования патриархального рабства Е. А.. Шмидт рассматривает присутствие на городищах незначительной примеси керамики, характерной для соседних групп племен (текстильной, штрихованной). Он предполагает, что такая керамика скорее всего изготовлялась пленными рабынями или рабами по своим обычаям, пока они не осваивали новой для них технологии и приемов изготовления гладкостенной слабопрофилированной посуды [141, *16].* Подобные явления связаны со сложными межплеменными отношениями, и культурные традиции племен имели здесь не последнее значение, хотя и не следует преувеличивать их роль.

Процесс изменения социально-экономической жизни в изучаемую эпоху связан с распадом патриархально-семейной общины на малые семьи. Развитие земледелия требовало освоения новых площадей, новых более отдаленных от центра мест. Земледелие давало возможность существовать более мелким хозяйственным единицам — малым семьям. Этот процесс можно проследить на изменении типа жилых построек: исчезновение длинных (общинных) наземных домов столбовой конструкции и появление на городищах отдельных жилищ меньших размеров (Кострица, Заговалино). Процесс распада первобытнообщинных отношений протекал медленно и родовые институты, вероятно, оставались до конца существования днепро-двинской культуры. В восточной части распространения культуры, т. е. в Верхнем Поднепровье, с массовым появлением железных орудий этот распад начался, как считает Е. А. Шмидт, со второй половины I тысячелетия до н.э. [141, *15].* На севере Белоруссии в связи с отставанием железоделательного производства процесс распада первобытнообщинных отношений начался позднее и протекал медленнее. Как и у племен культуры штрихованной керамики, начало его относят к III—II вв. до н. э. [66, *206].*

Это явление было прогрессивным, так как распад патриархальных родовых отношений, связывавших развитие инициативы отдельных членов рода, устранял одно из существенных условий, препятствовавших широкому распространению паровой системы [97, *55].*

Ограниченность археологического материала не позволяет судить об имущественном неравенстве между родами и патриархальными семьями, нарисовать картину сложного процесса изменения социально-

экономической жизни племен северной Белоруссии. Можно предполагать, что в конце рассматриваемого периода противоречия возникают и внутри патриархально-семейной общины, когда у малых семей усиливается тенденция к хозяйственному обособлению. В первых веках нашей эры выделившиеся малые семьи осваивали новые территории, образуя новые производственные единицы. Этим объясняется факт появления в середине и второй половине I тысячелетия н. э. открытых селищ, которые располагались и вблизи, и на большом удалении от городищ. Так, постепенно происходит смена патриархально-родовой общины сельской, в основе которой уже лежали не кровно-родственные, а территориальные связи, хотя родственные связи не утрачивают еще своего значения.

Глава IV

АРЕАЛ КУЛЬТУРЫ, ЕЕ ОСОБЕННОСТИ В БЕЛОРУССКОМ ПОДВИНЬЕ, ДАТИРОВКА И ЭТНИЧЕСКАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ

1. ТЕРРИТОРИЯ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ДНЕПРО-ДВИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

В историографическом очерке мы уже в той или иной мере касались вопроса территориального распространения памятников днепро-двинской культуры.

Впервые определив идентичность древностей северобелорусских городищ с поселениями Смоленщины, А. Н. Лявданский высказал мысль, что это обстоятельство отражает единый этнокультурный массив, принадлежащий прибалтийским племенам [55]. Однако недостаточная степень изученности памятников не позволила четко ограничить эти древности территориально. Мысль А. Н. Лявданского так и не получила развития.

В конце 30-х годов П. Н. Третьяков выделяет ранние смоленские городища в отдельную археологическую культуру, рассматривая ее как раннеславянскую. Древности же изучаемой территории многие исследователи относили к самостоятельной западнодвинской культуре. На карте границ археологических культур в Белоруссии Л. В. Алексеев разграничивает ее и культуру смоленских городищ по линии западнее Орши от истоков рек Усвейки, Друти и Оболянки, далее на север граница идет восточнее Бешенковичей и, поворачивая к Витебску через верховья р. Великой, уходит на северо-запад [4, *23,* рис. 1]. В дальнейшем более детальное изучение материалов городищ Белорусского Подвинья позволило А. Г. Митрофанову объединить древности Белорусского Подвинья в один этнокультурный массив под названием днепро-двинской культуры [63, *137].* Эта точка зрения прочно вошла в науку и оспаривалась только П. Н. Третьяковым, считавшим, что все Левобережье Западной Двины входило в зону культуры штрихованной керамики, а Правобережье вместе с синхронными древностями Себежского края — в особую группу древних городищ с тонкостенной керамикой [119, *21].* Культуру же смоленских городищ он ограничивал лишь смоленским и отчасти витебским течением Западной Двины [119, *21].* К этому вопросу мы еще вернемся, когда будем рассматривать территориальные особенности развития днепро-двинских племен.

Е. А. Шмидт, долгое время изучающий памятники днепро-двинских племен, определяет границу максимального распространения данной культуры следующим образом (рис. 61). По современному административному делению ее территория в РСФСР охватывает почти всю Смоленскую область, кроме ее северо-восточного угла, самый западный край Калужской области, небольшую часть на севере Брянщины и некоторые районы на самом юге Псковской и Калининской областей, в пре-

делах Белоруссии — северо-восточную часть Могилевской и всю северную часть Витебской областей. Таким образом, южная граница днепро-двинской культуры в пределах Белоруссии пересекает Сож выше Славгорода и Днепр у Могилева, проходит у верховьев Друти и Березины, здесь граница поворачивает к северу, пересекая Западную Двину ниже Полоцка и достигает верховьев р. Великой [185, карта 2]. Но если исходить из этих границ, то придется опустить из ареала изучаемой культуры территории с достоверно днепро-двинскими памятниками (Освейщина, Миорский и часть Браславского районов). Более реальную терри-

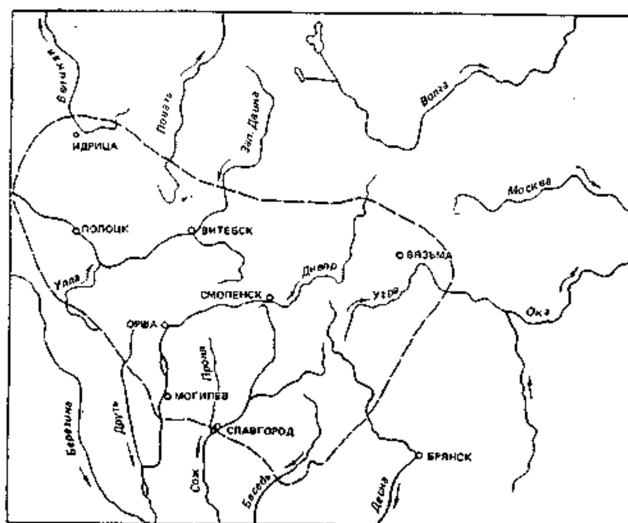

Рис. 61. Границы распространения памятников днепро-двинской культуры во второй половине I тысячелетия до н. э. (по Е. А. Шмидту)

торию распространения отражает карта А. Г. Митрофанова для основных памятников культуры штрихованной керамики и днепро-двинской культуры [66, *186,* рис. 65]. Однако очерченная территория также требует уточнения. Говоря о границах распространения днепро-двинской культуры, нельзя не отметить, что эти границы даже там, где они были хорошо прослежены, повсюду являются очень неопределенными. В равной степени это касается и всех других культур раннего железа лесной полосы. Отдельные культуры разделялись широкими зонами с более-менее смешанной материальной культурой. Этот факт затрудняет определение четких границ между ними. Так, точно определить юго-восточную границу днепро-двинской культуры в пределах Белоруссии пока не представляется возможным. Отнесение всей северо-восточной части Могилевской области в ее ареал является весьма спорным.

Южная граница благодаря исследованиям А. Г. Митрофанова, Л. В. Алексеева, К. П. Шута прослеживается более четко. Следует обратить внимание на тот факт, что раскопки в Лепельском районе (Кострица, Боровно) дают почти чистую днепро-двинскую культуру. Исключение составляет большой процент штрихованной керамики из Августово, однако формы глиняных сосудов — днепро-двинской культуры [65, 77—*79].* Таким образом, граница или, по крайней мере, зона переходной полосы должна находиться, на наш взгляд, несколько южнее.

Не выяснена до конца западная граница изучаемых памятников. На городищах в Браславском районе обнаружена как штрихованная, так и гладкостенная керамика, причем во всех случаях преобладают формы днепро-двинских сосудов. Изучение материала из шурфовок городищ Зазоны, Ратюнки, Масковичи, Лукши (Браславский район) позволяет в предварительном плане провести западную границу от Дунилович через Воропаево на Браслав и Краславу (Латвийская ССР) (рис. 62, 63). Дальнейшее изучение памятников этой территории позволит более четко разграничить изучаемые древности.

На севере днепро-двинской культурой охвачена вся территория белорусского Правобережья Западной Двины, а также некоторые южные районы Псковской области. На северо-востоке, в частности в междуречье Ловати и верховьев Западной Двины, к днепро-двинской культуре

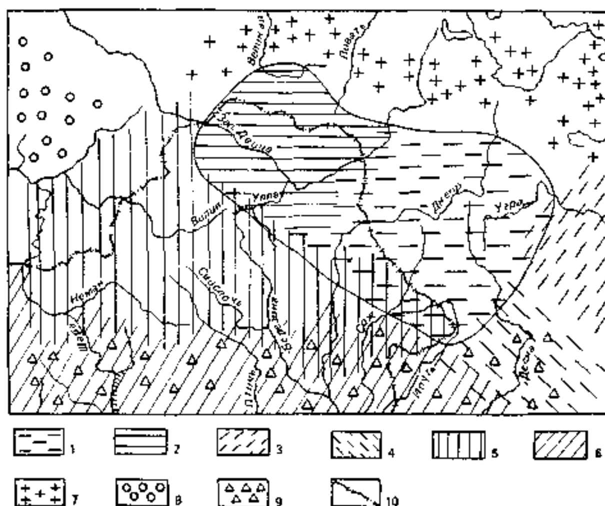

Рис. 62. Ареал днепро-двинской и смежной культур раннего железного века: 1—днепро-двинская культура; 2 — западный вариант культуры; 3 — верхнеокская; 4 — юхновская; 5—культура штрихованной керамики; 6 — милоградская; 7 — дьяковская; 8—памятники Прибалтики; 9 — зарубинецкая; 10 — граница БССР

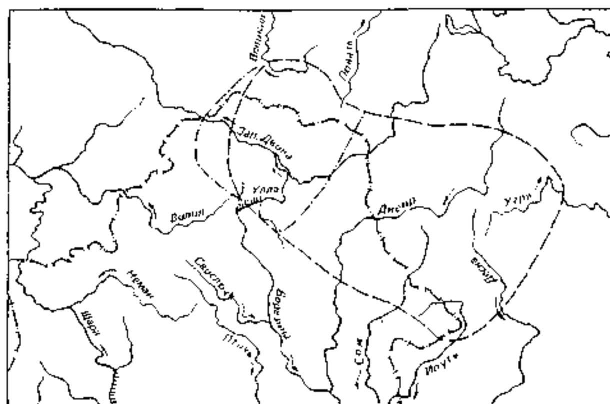

Рис. 63. Ареал днепро-двинской культуры (по Е. А. Шмидту), западный вариант культуры (по автору)

примыкает область городищ с сетчатой керамикой, и переходной полосы подобно той, которая наблюдается на пограничье родственных культур,— днепро-двинской и штрихованной керамики, не обнаруживается. Здесь часто встречаются даже на отдельных участках поселения как с сетчатой, так и днепро-двинской керамикой. Это явление, правда, в меньшей степени наблюдается ка самой северо-восточной окраине Витебщины (Загорцы, Мямли, Бураково). Наличие фрагментов сетчатой керамики в культурных напластованиях объясняется, видимо, некоторой инфильтрацией финно-угорского населения, брачными связями, торговым обменом, пленением населения и т. д.

Таким образом, можно говорить только лишь о частичном смешении этих культур, но не как о переходе одной культуры в другую.

2. ЛОКАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ

В границах указанной территории в раннем железном веке обитали племена, которые вместе с племенами верховьев Днепра составляли одну устойчивую группу восточнобалтских племен, создавших свою культуру, просуществовавшую свыше 1000 лет. Уже первое знакомство с древностями Белорусского Подвинья выявило ряд отличительных черт, способствовавших выделению ее в отдельную культуру. Однако это выделение было преждевременным и объяснялось недостаточной изученностью однокультурных древностей. В дальнейшем новые исследования позволили интерпретировать смоленские и западнодвинские древности как древности одной культуры.

В работе неоднократно отмечались общие моменты, связанные с характером поселения, материальной культуры, хозяйственной деятельностью племен всего ареала днепро-двинской культуры. Понятно, отдаленность различных районов, их разобщенность и замкнутость, различная степень этнокультурных влияний и ряд других факторов не могли не сказаться на появлении различных локальных особенностей.

К. П. Шут, изучавший памятники северной Белоруссии в течение шести лет, сделал попытку на основе керамического материала выделить в пределах Белоруссии себежский и смоленский варианты днепро-двинской культуры. Относя керамику ряда правобережных городищ Подвинья (Бураково, Девички, Борисов, Хутор, Бескатово, Зароново, Казиново, Урагово, Абрамово, Заозерье и др.) к посуде типа керамики себежских городищ, К. П. Шут отмечает, что эти сосуды чаще слабопрофилированные, украшенные в верхней части разнообразными узорами, состоящими из одного, двух или трех рядов ямочных вдавлений, реже из пояса треугольников, образованных такими же ямочками, или из неглубоких ямок, от которых расходятся прочерченные линии [154, *169]*. Заметим сразу, что подобная керамика вовсе не свойственна себежским городищам [60, *133—140]* так же, как и памятникам Правобережья, которые исследовал сам К. П. Шут '[/55]. П. Н. Третьяков еще ранее, опираясь на исследования С. А. Таракановой [111, *111—117],* высказывался за сходство керамики себежских городищ и Правобережья Западной Двины с юхновской керамикой Поднесенья [119, *21]*. К. П. Шут в данном случае, видимо, пытался подкрепить высказывания П. Н. Третьякова «конкретным» материалом. В последнее время П. Н. Третьяков на материалах из городища Осыно счел возможным выделить Себежский край и смежные области (Правобережье Западной Двины) в самостоятельную культуру, где городища, исследованные

К. П. Шутом, находятся на южном пограничье этой культуры [121, *215—216*]. Материал из Левобережья и Правобережья Западной Двины абсолютно аналогичен, и попытка выделения здесь вариантов не имеет под собой никакого основания. Керамический комплекс по всей территории имеет общие характерные черты: тонкостенные, чаще баночных форм сосуды, иногда орнаментированные по низу венчика сквозными отверстиями. Слабопрофилированные сосуды несут орнамент из неглубоких продолговатых вдавлений, расположенных вертикально, а также из прочерченных линий, исходящих из неглубоких ямок. Причем подобная керамика встречается равномерно по обеим сторонам Западной Двины. Более того, материалы из городищ Себежского Поозерья идентичны древностям из городищ Левобережья Западной Двины. Характерным примером могут служить материалы из костеносных городищ Осыно (Себежский район) и Замошье (южная окраина Полоцкого района), где керамический комплекс, а также изделия из камня и кости абсолютно аналогичны. Это сравнение и ряд ему подобных могут служить одним из доказательств наличия одного этнокультурного массива. Принадлежность себежских, как, впрочем, и городищ южной Псковщины, к днепродвинской культуре доказана рядом исследователей [183, д. 328; 90, *166—170;* 60, *133—141],* и в последнее время она ни у кого не вызывает сомнения.

Наблюдения же в пределах изучаемой территории обнаруживают ряд специфических особенностей, которые несколько отличают ее от однокультурной области Верхнего Поднепровья. Прежде всего это относится к керамике. На исследуемой территории значительно преобладают баночные формы сосудов. Концентрация их увеличивается с продвижением к западу от рек Уллы и Оболи (табл. 10, И). Здесь чаще, чем на Смоленском Поднепровье, фиксируется орнаментация глиняной посуды.

Отставание в железоделательном производстве явилось следствием господства вплоть до рубежа нашей эры изделий из кости и камня. Костный инвентарь городищ северной Белоруссии отличается как большим количеством, так и многообразием изделий. Выделяют рассматриваемую территорию и облик некоторых изделий из железа. Это прежде всего серпы с прямоугольной спинкой, топоры южноприбалтийского типа, некоторые виды украшений и т. п. Ряд специфических черт несет в себе устройство поселений, жилищ (столбовая техника построек, конст-

Таблица 10

Формы сосудов из некоторых городищ Белорусского Подвинья, %

№ п/п	Памятник	Район	Баночные	Слабопрофилированные	Примечание
1	Бураково	Городокский	40	60	
2	Карловка	»	30	70	
3	Кострица	Лепельский	45	55	
4	Девички	Полоцкий	—	—	баночные преобладают
5	Замошье	»	62	38	
6	Кубличи	Ушачский	53	47	
7	Барсуки	Верхнедвинский	64	33,5	2,5 % — профилированные
8	Урагово	»	—	—	баночные преобладают

рукции очагов). В отличие от восточных областей ареала культуры в хозяйстве племен на протяжении большого времени преобладает скотоводство.

Эти и ряд других признаков позволяют говорить о некоторых особенностях в культуре племен раннего железа Белорусского Подвинья и вполне допускают группирование специфических черт в особый вариант, который можно назвать западным вариантом днепро-двинской культуры. Условную границу его можно провести от Чашников на юге до верховьев р. Оболи (рис. 63). Подобное разграничение обосновывается тем, что на городищах восточнее этой линии (Загорцы, Бураково, Казиново,

Таблица 11

Распределение форм сосудов по пластам из городища Барсуки Верхнедвинского района, %

Формы сосудов	Пласт				
	I	II	III	IV	V
Баночные	38	42,5	48	57	64
Слабопрофилированные	60	57	52	43	36
Профилированные	2	0,5	—	—	—

Примечание: Толщина пласта 0,2 м.

Карловка, Мямли, Зароново) преобладают слабопрофилированные формы сосудов, в большей мере фиксируется орнаментация, обнаружены фрагменты с зубчатым штампом и отпечатками тонкой веревочки, встречено большое количество сетчатой керамики. На этой территории заметно влияние дьяковских городищ. Данные особенности несколько отличают эту область от западной части Подвинья и в большей степени сближают ее с территорией Верхнего Поднепровья и Верхнего Подвинья. Территория Белорусского Подвинья, находясь в ареале восточнобалтского населения, являлась связующим звеном между древностями прибалтийских и днепровских балтов. Влияние, которое испытывали племена Белорусского Подвинья как с одной, так и с другой стороны, не могло не вызвать специфических особенностей, которые можно наблюдать в истории развития этих племен. Некоторый застой в культуре объясняется тем, что изучаемая территория Подвинья не испытывала такого влияния, как это наблюдалось в Верхнем Поднепровье от более развитых южных культур. Этногенетические процессы, вызванные проникновением зарубинецких племен в Верхнем Поднепровье в начале нашей эры, способствовали развитию особенностей в культуре племен Верхнего Поднепровья [145, *102]*, причем до такой степени, что эти древности выделяются в новую культуру типа Адаменского селища или киевского типа. Территория же Среднего Подвинья испытывала это влияние уже опосредованно через верхнеднепровские племена и племена культуры штрихованной керамики. Притока нового населения здесь не наблюдается вплоть до IV—V вв. С этого времени судьба племен Белорусского Подвинья переплетается со сложными этническими процессами, связанными со значительными передвижениями племен типа Адаменки, повлекшими за собой образование новой культуры типа Банцеровского городища. В. Б. Перхавко в результате анализа местных особенностей, выделяет четыре локальных варианта культуры типа Банце-

ровщины, которые порождены как участием в их генезисе нескольких этнокультурных компонентов, так и различными местными традициями и не адекватными внешними влияниями и импульсами [76, *19]*. Таким образом, местные субстратные особенности изучаемой территории не могли не влиять на формирование выделенного им атокинского варианта (среднее течение Западной Двины и юг Псковщины) культуры типа Банцеровщины, равно как и тушемлинского варианта той же культуры на территории Смоленского Поднепровья и Посожья. Это в свою очередь лишний раз доказывает наличие своеобразных черт в культуре племен Белорусского Подвинья эпохи раннего железа.

3. ДАТИРОВКА КУЛЬТУРЫ

Древнейшие находки на городищах северной Белоруссии относятся к первой половине I тысячелетия до н. э. К их числу помимо архаичной керамики относятся различные типы каменных топоров, костяные изделия.

Изделия из бронзы и железа на изучаемой территории раньше второй половины I тысячелетия до н. э. не датируются. Исключение составляет железный псалий (Кострица), который К. П. Шут по южным аналогам датирует VI—V вв. до н. э. Этим временем он и определяет нижнюю дату городищ северной Белоруссии [154, *181]*. Такие находки, как топор скифского типа (Кубличи), навершие бронзовой булавки и бляшки с эсовидными завитками, железная шейная гривна, на которые указывает К. П. Шут, не могут служить подтверждением данной даты, они относятся, как мы рассматривали, к более позднему времени. Близким к указанной дате можно рассматривать фрагмент рубчатого браслета (Кубличи), который по тушемлинскому аналогу можно датировать V—III вв. до н. э. [119, *47—48,* рис. 14, *5]*. Более ранние изделия из железа и бронзы на изучаемой территории пока не зафиксированы.

В связи с датировкой городищ определенный интерес вызывают находки костяных булавок (Замошье, Ратюнки), являющихся специфическими предметами убора древних балтов. В нашей коллекции имеется несколько экземпляров, которые по стратиграфическим данным, а также по прибалтийским параллелям можно относить к первой половине I тысячелетия до н. э. Их с известной достоверностью можно датировать по бронзовым образцам. Так, булавку с искусственно приданной формой и ушком в верхней части (рис. 27, 1), аналогичную булавке из Двиете (Даугавпилсский район) и схожую с бронзовой булавкой из Слажасского могильника, можно датировать IV—V периодов бронзы (не позднее VIII—VII вв. до н. э.). Таким образом, нижняя датировка изучаемых поселений по костяным изделиям в связи с запаздыванием железоделательного производства имеет особое значение.

Наиболее поздние слои городищ Белорусского Подвинья могут определяться посоховидными железными булавками, основная масса которых по аналогиям с находками в Литве и Латвии датируется II—IV вв. н.э. *[175,212]*.

В конце периода существования культуры широко бытуют биконические пряслица, которые с V в. приобретают четко выраженную усеченно-биконическую форму. В Верхнем Поднепровье днепро-двинская культура в связи *с* проникновением зарубинецких племен прекращает свое существование во II—III вв. н. э. Поздние слои городищ определяются некоторыми предметами балтских типов, которые датируются II—III вв.

н. э. [88, *124]*. С этого времени основной формой поселений здесь становятся открытые селища. На территории северной Белоруссии этот процесс смены типов поселений относится к IV—V вв. Слои же городищ после V в. содержат уже иной материал, который связывается с культурой типа Банцеровского городища.

4. ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ЭТНИЧЕСКАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ

Весьма важный вопрос происхождения днепро-двинской культуры на территории Белорусского Подвинья ввиду неизученности памятников эпохи бронзы на данной территории остается открытым. Ясно одно, что в конце эпохи бронзы, при переходе к железному веку в северной Белоруссии, как и в верховьях Днепра, сложилась сравнительно однородная и своеобразная культура поселений с гладкостенной посудой баночных и слабопрофилированных форм.

Известно, что древнейшие городища в лесной полосе европейской части СССР связываются с культурой «боевых топоров и шнуровой керамики», распространившейся в Прибалтике, Поволжье и Поднепровье во II тысячелетии до н. э. Носителей этой культуры считают древними балтами, или прабалтами [71, *14]*. Работы на Кривинском торфянике (Сенненский район) показали, что в северной Белоруссии длительное время существовало местное неолитическое население, культура которого в первой половине II тысячелетия до н. э. постепенно приобретала черты, свойственные культуре бронзового века [75, *127]*. Широкому проникновению шнуровиков в Белорусское Подвинье препятствовали, очевидно, неблагоприятные условия края (лесистость, заболоченность, наличие большого количества водоемов и т. п.). Пришлые племена по уровню культуры стояли выше древнего местного населения охотников и рыболовов и способствовали распространению здесь скотоводства и земледелия. С течением времени меняется облик керамического материала. На округлодонных и плоскодонных сосудах с примесью песка и дресвы появляются шнуровые оттиски, нарезные линии, оттиски линейного штампа, которые чаще начинают концентрироваться в верхней части сосудов. Очевидно, в несколько более позднее время здесь появляются слабо или вовсе неорнаментированные плоскодонные сосуды со штриховкой на стенках [75, *127]*. Последний факт вызывает особый интерес, так как на некоторых памятниках эпохи бронзы (торфяниковые стоянки Кривина, Осовец) наряду с типичной для бронзового века керамикой содержится много фрагментов от штрихованных сосудов, по форме напоминающих днепро-двинские. Этот факт позволил А. Г. Митрофанову сделать предположение о местном происхождении днепро-двинской культуры [63, *138]*. В свою очередь на ряде городищ (Чемерично в Лепельском [158, *270]*, Барсуки в Верхнедвинском, Замошье в Полоцком районах) встречена своеобразная штрихованная керамика (неглубокие редкие штрихи и т. п.), весьма характерная для стоянок Кривина и Осовца. Известно, что территория распространения ранней штрихованной керамики значительно шире той территории, на которой позже располагались поселения культуры штрихованной керамики, и, более того, ранняя штрихованная керамика была характерной не для одной, а для нескольких археологических культур [64, 75]. Скудная информация о памятниках поздней бронзы не позволяет делать каких-либо определенных выводов о генезисе днепро-двинской культуры, однако она пока и

не исключает того предположения, что первыми носителями ее были автохтоны края.

Вопрос об этнической принадлежности днепро-двинских городищ не является ныне дискуссионным. Населенность городищ раннего железного века Белорусского Подвинья племенами восточнобалтской языковой группы неоспорима. Существенным в настоящее время является определение племенного членения в этнической истории восточных балтов. Северная Белоруссия, как и Смоленское Поднепровье с примыкающими к нему районами Волго-Окского междуречья, занимает северо-восточную часть древней балтской территории. Вся эта территория характеризуется своеобразным гидронимическим материалом, причем гидронимические изоглоссы близки к археологическим границам. Более поздние письменные источники позволяют назвать эту группу балтов голядскими племенами [91, *28]*. Говоря о гидронимии бассейна Западной Двины на изучаемой территории, следует подчеркнуть, что здесь нет ни одного названия, словообразовательная структура которого не имела бы соответствия в верхнеднепровской гидронимии [38, *153]*. Это в известном смысле подтверждает общность исторического прошлого бассейна Верхнего Днепра и среднего течения Западной Двины.

На основании изучения многочисленной гидронимии балтского происхождения литовский языковед К. Буга пришел к выводу, что Верхнее Поднепровье и Среднее Подвинье являлись родиной предков литовцев и латышей, причем в Среднем Подвинье локализовались предки латышей, а к юго-востоку от них, т. е. в бассейне Верхнего Поднепровья,— предки литовцев [160, *732, 739,* карты]. Археологически пока трудно доказать эти выводы, но указанные в работе некоторые отличия в культуре племен Среднего Подвинья хоть и глухо, но говорят о племенном членении в восточнобалтской среде.

В последнее время В. В. Седов высказал иную точку зрения. Он выделил особую группировку балтов — днепровскую, относя к ней близкие между собой культуры раннего железного века: днепро-двинскую, верхнеокскую, распространенную в бассейне верхнего течения Оки, и юхновскую в Подесенье. Племена культуры штрихованной керамики он относит к другой группировке балтов — летто-литовской.

На рассматриваемой территории и особенно в ее северо-восточной части ощутимо влияние финно-угорских племен. В связи с этим есть все основания говорить о том, что в I тысячелетии до н. э. население северо-востока Белоруссии в этническом отношении не было однородным. Поэтому представляется не случайным тот факт, что до сих пор не установлено, кому принадлежали в раннем железном веке бассейны рек Ловати и верхнего течения Западной Двины — балтам или финно-угорским племенам. Как указывалось выше, на городищах этой территории (Бураково, Загорцы, Мямли и др.) в нижних горизонтах встречена сетчатая керамика, которая является главным показателем археологической культуры, связываемой с финно-угорскими племенами. Это обстоятельство свидетельствует о том, что в I тысячелетии до н. э. определенное культурное влияние на балтоязычное население Полоцко-Витебского Подвинья действительно оказывали финно-угры. Однако из-за отсутствия данных определить границу названных этносов в изучаемое время затруднительно. В результате сложных процессов сегментации и ассимиляции эти этнические группы постепенно обозначились как самостоятельные единицы и в дальнейшем все явственнее определялась зона соприкосновения финно-угорских и балтских племен. В конце

I тысячелетия до н. э. она проходила на интересующей нас территории по линии оз. Лубанас (восточная Латвия)—район верховьев Западной Двины [35, *45]*. Здесь имеется ряд спорных моментов, однако изучаемой территории они не касаются. Данные говорят о том, что с самого начала исследуемого периода обитателями городищ северной Белоруссии были балтские племена, четкое членение которых на изучаемой территории пока невозможно провести.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На севере Белоруссии (бассейн Западной Двины) в раннем железном веке складывается своеобразная группа восточнобалтских племен, которые вместе с племенами Смоленского Поднепровья и юга Псковщины составили единую этнокультурную группировку, получившую в литературе название племен днепро-двинской культуры.

Территория распространения этой культуры в пределах БССР включала в себя по современному административному делению почти всю Витебскую область, ограниченную с запада линией Друя — Браслав—Воропаево, с юга — Воропаево—Докшицы—Лепель—Чашники и далее через верховья рек Друти, Прони и Беседи (Могилевская область) граница уходила в Смоленскую область.

Наряду с общими элементами в культуре городищ северной Белоруссии выделяются особенности, которые несколько отличают изучаемую территорию от однокультурной области Верхнего Поднепровья. Это прежде всего преобладание в керамическом комплексе баночных форм посуды, чаще встречаемая орнаментация сосудов в виде сквозных отверстий, ямочных вдавлений, прочерченных нарезных линий. Вплоть до рубежа нашей эры преобладают изделия из камня и особенно из кости. Имеются в обиходе обитателей городищ предметы как связанные с внешним влиянием (чаще всего прибалтийским), так и специфического характера (железные топоры, рубчатые браслеты, серпы с прямоугольной спинкой, украшения из кости и т. д.). В хозяйстве племен Белорусского Подвинья долгое время ведущей отраслью являлось скотоводство, и только с широким распространением подсечного земледелия, роль его падает.

Своеобразие культуры рассматриваемых племен связано со значительным внешним влиянием и в первую очередь со стороны культуры штрихованной керамики, а также культур Прибалтики. В отличие от восточных областей ареала здесь почти не ощущалось влияния более развитых южных культур, а если отдельные элементы и прослеживаются, то уже в измененном виде. На данной территории'не происходили сложные этнические процессы, связанные с передвижениями зарубинецких племен в первых веках нашей эры и повлекшие за собой значительные изменения в социально-экономической жизни племен. Днепро-двинская культура просуществовала в чистом виде вплоть до V в. н. э.

Все субстратные особенности нашли свое отражение в последующей культуре типа Банцеровщины и, в частности, в ее атокинском варианте, имевшем место на изучаемой территории в третьей четверти I тысячелетия н. э.

Все те особенности, которые имели место в раннем железном-, веке и описаны нами, группируются западнее линии Чашники—Бешенковичи—

Шумилине—Езерище. Она и ограничивает западный вариант днепро-двинской культуры от основного ареала (рис. 61; 62).

На основании нового материала произведен пересмотр времени возникновения городищ, определяемых ранее VI—V вв. до н. э. Находки костяных украшений, изготовленных по бронзовым образцам, позволяют отнести время возникновения укрепленных поселений к VIII—VII вв. до н. э. Последний период существования изучаемой культуры для северной Белоруссии определяется IV — началом V в. н. э.

Изучение таких факторов, как расположение, устройство, форма площадки, вид оборонительных сооружений и соотношение их отдельных элементов, а также степени развитости поселений позволило произвести предварительную классификацию городищ Среднего Подвинья, подразделить их на несколько типов с характерными вариантами.

Все хронологические особенности и изменения, которые мы рассматривали выше в характере оборонительных и жилых сооружений, в материальной культуре, уровне хозяйственной деятельности позволяют разделить время существования изучаемой культуры на три периода, которые отражают значительные изменения в социально-экономической жизни населения.

Первый период — ранний (VIII—V вв. до н. э.) — характеризуется слабыми укреплениями на площадке городищ или вообще их отсутствием; полным отсутствием изделий из железа и широким использованием предметов из камня, кости, рога животных и т. д.; гладкостенной посудой в основном баночных форм с грубой, бугристой поверхностью, орнаментированной чаще всего сквозными отверстиями и слабопрофилированной с ямочными вдавлениями в верхней части; преобладанием скотоводства, охоты, рыболовства над подсечным земледелием.

Второй период — средний (IV—I вв. до. н. э.) — определяется более совершенными укреплениями, окружавшими площадку со всех сторон и включавшими как деревянные, так и земляные сооружения в виде вала и рва; домами в виде удлиненных сооружений, разделенных на отдельные жилые помещения с очагами; появлением железных изделий и преобладанием их к концу периода, главным образом в восточной части рассматриваемого региона; гладкостенной посудой баночных и слабопрофилированных форм с несколько сглаженной поверхностью, часто орнаментированной группами прочерченных линий, исходящих из одной точки; значительным удельным весом скотоводства и его преобладающим значением в хозяйстве. Этот период связывается с началом распада первобытнообщинных отношений.

Третий период — поздний (I—IV—V вв. н. э.) — характерен наличием совершенной системы укреплений вокруг площадки и склонов городища чаще всего из кольцевых валов и рвов вокруг склона; небольшими наземными постройками четырехугольной формы с каменными очагами; широким распространением железных орудий труда и оружия; глиняными сосудами прежних форм с появлением среди слабопрофилированных форм горшков с удлиненным профилем венчика; превращением земледелия и скотоводства в ведущие отрасли хозяйства.

Последний период существования днепро-двинской культуры связан с крупными социально-экономическими изменениями в жизни местного населения: ростом производительных сил, усилением разложения родового строя, выдвижением на первый план территориальной общины. Это открывало более широкие возможности для перемещений людей, взаимопроникновения и повсеместного распространения элементов

материальной культуры. Внешне это нашло выражение в изменении керамического комплекса, появлении открытых поселений-селищ и т. д. Эти перемены совпали со сложными этническими процессами, обусловленными значительными передвижениями племен с более южных территорий, что способствовало появлению новых культурных черт, а в конечном итоге и формированию новой культуры.

К середине I тысячелетия н. э. в результате этих процессов в среде местных племен в Смоленском Поднепровье и Белорусском Подвинье формируется банцеровско-тушемлинский вариант древностей третьей четверти I тысячелетия н. э., на первой стадии которых наиболее заметны признаки субстрат-культуры и особенности их локальных вариантов. С течением времени памятники банцеровско-тушемлинского облика приобретают более однородный характер. С расселением славянских племен заканчивается последний этап балтского периода в этнической истории Белорусского Подвинья.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 21, с. 23—178.
2. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 3, с. 7—544.
3. Алексеев Л. В. Археологические памятники эпохи железа в среднем течении Западной Двины.—Тр. ПОКЭ, М., 1959, т. 1, с. 273—315.
4. А л е к с е е в Л. В. Полоцкая земля.— М., 1966.— 295 с.
5. Аникиевич К. Т. Сенненский уезд Могилевской губернии.— Могилев, 1907.— 150с.
6. Амброз А. К. К истории Верхнего Подесенья в I тыс. н. э.— СА, 1964, № 1, с. 56—71.
7. Бадер О. Н. Древние городища на Верхней Волге.—МИА, 1950, № 13, с. 90—132.
8. Беляев И. Д. История Полоцка или Северо-Западной Руси до Люблинской унии.—М., 1872.—456 с.
9. Б о б р и н с к и и А. А. Из истории технологии восточноевропейского гончарства.— В кн.: Древняя Русь и славяне. М., 1978, с. 46—55.
10. Бривкалне Э. Н. Городище Тервете и его историческое значение.— Тр. ПОКЭ, М., 1959, т. 1, с. 254—272.
11. Банки на Л. В. Археологические памятники I тысячелетия до нашей эры на территории Латвийской ССР.— КСИИМК, 1952, вып. 12, с. 66—76.
12. Вассар А. К. Укрепленное поселение Асва на острове Сааремаа.— ДПГ: Археолог. сб., Таллин, 1955, № 1, с. 113—133.
13. Вассар А. К. К изучению племен I—V вв. в западной и юго-западной Эстонии.— В кн.: ВЭИЭН. Таллин, 1956, с. 187—218.
14. Галанина С. А. Скифские древности Поднепровья: Эрмитаж, колл. Н. Е. Бранденбурга.— САИ, М., 1977, вып. Д1-33.—67 с.
15. Герасимов М. М. Обработка кости на палеолитической стоянке Мальта.— МИА, 1941, № 2, с. 65—85.
16. Говорский К. А. Археологические изыскания в окрестностях г. Полоцка.— ЗАО, Спб., 1853, т. 5, прилож. V, с. 98—103.
17. Голубовичи В. и Е. Славянские поселения Правобережной Диены в Вилейском округе БССР.—КСИИМК, 1945, вып. 11, с. 126—132.
18. Городцов И. А. Старшее Каширское городище.— Изв. ГАИМК, 1934, вып. 85, с. 6—105.
19. Горюнова Е. И. Городище Торфель.—КСИИМК, 1950, вып. 31, с. 148—156.
20. Горюнова Е. И. Этническая история Волго-Окского междуречья.— МИА, 1961, № 94.— 264 с.
21. Гр аков В. Н. Каменское городище на Днепре.— МИА, 1954, № 36.— 327 с.
22. Граудонис Я. Я. Строительство в Мукукалнс по материалам археологических раскопок 1959—1961 гг.— В кн.: Тезисы докл. на науч. отчетной сессии, посвященной итогам археолог. и этнограф. экспедиций 1961 г. Рига, 1962, с. 40—42.
23. Граудонис Я. Я. Латвия в эпоху бронзы и раннего железа.— Рига, 1967.— 165с.
24. Гуревич Ф. Д. Археологические памятники Великолукской области.— КСИИМК, 1956, вып. 62, с. 95—107.
25. Гурин М. Ф. Древнее железо Белорусского Поднепровья.— Мн., 1982.— 127 с.
26. Довнар-Запольский М. В. Очерки истории Кривичской и Дреговичской земель.— Киев, 1891.— 170 с.
27. Дубінскі С. А. Археалагічная праца на Беларусі ў 1919—1928 гг.— Працы, т. 1, с. 257—261.
28. Дубінскі С. А. Доследы культур жалезнага перыяду на Віцебшчыне, Магілёўшчыне і Міншчыне.— Працы, т. 1, с. 275—285.

29. Дубінскі С. А. Чаркасаўскае гарадзішча пад Воршай.— Працы, т. 2, с. 71—79.
30. Дубінскі С. А. Гарадзішча каля в. Германоў Аршанскай акругі.— Працы, т. *Ч,* с. 81—83.
31. Д у б ы н и н А. Ф. Троицкое городище.— МИА, 1970, № 156, с. 5—98.
32. Дубынин А. Ф. Щербинское городище.— В кн.: Дьяковская культура. М., 1974, с. 198—281.
33. Загорульский Э.М. Археология Белоруссии.— Мн., 1965.— 227 с.
34. Загорульский Э. М. Древняя история Белоруссии.— Мн., 1977.— 134 с.
35. История Эстонской ССР (с древнейших времен до наших дней).— Таллин, 1952.— 554с.
36. Изюмова С. А. Техника обработки кости в дьяковское время и в древней Руси.— КСИИМК, 1949, вып. 30, с. 15—25.
37. Ілліньска В. А. Скiфські сокиры.— Археологія, Киів, 1961, т. XII, с. 29—31.
38. Катонава Е. М. Заходнедзвінская гідранімія на тэрыторыі Беларусь—В кн.: Пытанні беларускай тапанімікі. Мн., 1970, с. 153—158.
39 Кир ко р А. К. Литовское и Белорусское Полесье.— В кн.: Живописная Россия. Спб., 1882, т. 3,—496 с.
40. К о в п а н е н к о Г. Т. Пам'ятки скіфського часу в басейні реки Ворскли.— Археологія, Киів, 1961, т. XIII, с. 62—80.
41. Косвен М. О. Очерки истории первобытной культуры.— М., 1957.— 240 с.
42. Краснов Ю. А. Раннее земледелие и животноводство в лесной полосе Восточной Европы.—М., 1971.— 168 с.
43. Крис X. И. Костяные и железные наконечники стрел Троицкого городища — МИА, 1970, № 156, с. 145—169.
44. Крживицкий Л. Последние моменты неолитической эпохи в Литве.— М. 1913, с. 301—308.
45. Куликаускене Р., Римантене Р. Литовское народное искусство.— Вильнюс, 1956, т. 1.—335 с.
46. Л а з а р е в и ч - Ш е п е л е в и ч Л. Ю. Извлечение из отчета об исследованиях и раскопках в 1901 г. в Витебской губернии.— ИАК, Спб., 1904, вып. 6, с. 1—5.
47. Лявданский А. Н. Некоторые данные о городищах Смоленской губернии.— НИСГУ, Смоленск, 1926, т. III, вып. 3, с. 181—296.
48. Ляўданскі А. Н. Археалагічныя доследы ў Смаленскай губерні за 1918—1928 гг.—Працы, т. 1.—296 с.
49. Ляўданскі А. Н. Археалагічныя доследы ў вадазборах рр. Сожа, Дняпра I Касплі ў Смаленскай губерні.— Працы, т. 2, с. 269—339.
50. Ляўданскі А. Н. Археалагічныя доследы ў Віцебскай акрузе.— Працы, т. 2, с. 93—105.
51. Ляўданскі А. Н. Археалагічныя доследы ў Полацкай акрузе.— Працы, т. 2, с. 157—199.
52. Ляўданскі А. Н. Археалагічныя доследы ў Аршанскай акрузе.— Працы, т. 2, с. 31—47.
53. Л я ў д а н с к і А. Н. Археалагічныя доследы ў Смаленшчыне.— Працы, т. 3, с. 5—67.
54. Лявданский А. Н. Археологические исследования в БССР после Октябрьской революции.— Сообщения ГАИМК, 1932, № 78, с. 54—61.
55. Ляўданскі А. Н., Палікарповіч К. М. Археалагічныя доследы ў БССР у 1933—1934 гг.—Зап. БАН, Мн., 1936, кн. 5, с. 210—217.
56. Лявданский А. П., Коваленя А. Д. Материалы по обследованию р. Сож в 1936 г. Дневник. Архив ИИ АН БССР, б/н.
57. Левашова В. П. Сельское хозяйство.— В кн.: Очерки по истории русской деревни X—XIII вв.—Тр. ГИМ, 1956, № 32, с. 19—105.
58. Левенок В. П. Городища юхновской культуры.— КСИА АН УССР, 1957, вып. 7,. с. 49—53.
59. Мельниковская О. Н. Племена Южной Белоруссии в раннем железном веке.—М., 1967.—195 с.
60. М и н а с я н Р. С. Памятники раннего железного века на юге Псковской области.— Археолог, сб., Л., 1974, № 16, с. 133—141.
61. Минасян Р. С. Классификация серпов Восточной Европы железного века и раннего средневековья.— Археолог. сб., Л., 1978, № 19, с. 74—85.
62. М и т р о ф а н о в А. Г. К истории населения средней Белоруссии в эпоху раннего-железа. Автореф. дис. ... канд. ист. наук.— Л., 1955.— 25 с.
63. М и т р о ф а н о в А. Г. Археология Белоруссии за советский период (написана в соавторстве с В. Д. Будько).—СА, 1967, № 4, с. 123—145.
64. М и т р о ф а н о в А. Г. Территория распространения и проблема происхождения культуры штрихованной керамики.— В кн.: Тезисы докладов к конференции по археологии Белоруссии. Мн., 1969, с. 69—76.

65. Митрофанов А. Г. Августовское городище.— В кн.: Тезисы докладов к конференции по археологии Белоруссии. Мн., 1969, с. 77—81.
66. Митр о ф а но в А. Г. Памятники восточнобалтийских племен.— В кн.: Очерки по истории Белоруссии. Мн., 1970, ч. 1, с. 184—225.
67. Митрофанов А. Г. Железный век средней Белоруссии.— Мн., 1978.— 160 с.
68. Монгайт А. А. Археология Западной Европы: (бронзовый и железный века).— М., 1974.—408 с.
69. Моора X. А. Памятники позднего неолита и ранней эпохи металла в Прибалтике.— КСИИМК, 1952, вып. 21, 48, с. 3—24.
70. Моора X. А. Вопросы сложения эстонского народа и некоторых соседних народов в свете данных археологии.— В кн.: ВЭИЭН. Таллин, 1956, с. 49—141.
71. Моора X. А. О древней территории расселения балтийских племен.— СА, 1958, № 2, с. 9—33.
72. Моора X. А. Вопросы этногенеза народов Советской Прибалтики по данным археологии.—КСИЭ, 1950, № 12, с. 29—37.
73. Никольская Т. Н. Культура племен бассейна Верхней Оки в I тыс. до н. э.— МИА, 1959, № 72.— 150 с.
74. Никольская Т. Н. Городище у дер. Николо-Ленивец (раскопки 1954—1958 гг.).—СА, 1962, № 1, с. 221—240.
75. Очерки по археологии Белоруссии.— Мн., 1970, ч. 1.— 272 с.
76. П е р х а в к о В. Б. Раннесредневековые древности междуречья Днепра и Немана V—VIII вв.: Автореф. дне. ... канд. ист. наук.— М., 1978.— 22 с.
77. Поболь Л. Д. Славянские древности Белоруссии — Мн., 1971, ч. 1.— 232 с.; 1973,, ч. 2,—241 с.; 1974, ч. 3.—423 с.
78. Покровский Ф. В. Археологическая карта Виленской губернии.— Тр. Виленс. отд-ния Моск. предварительного комитета по устройству в Вильне IX АС, Вильна, 1893, отд-ние. II, с. 1—164.
79. Покровский Ф. В. К исследованию бассейна Вилии в археологическом отношении—Тр. X АС в Риге, М,, 1899, т. I, с. 71—171.
80. П у з и к о в а А. И. Новые курганы скифского времени в Белгородской области.— КСИА АН СССР, 1966, вып. 107, с. 80—91.
81. Римантене Р. К. Стоянка каменного и бронзового веков Самантонис.— СА, 1960, №2, с. 115—127.
82. Романов Е. Р. Раскопки в Могилевской губернии в 1888 г.— В кн.: Древности /Тр. МАО, М., 1889, т. 13, вып. 1, с. 65—83.
83. С а п у н о в А. П. Река Западная Двина.— Витебск, 1893.— 612 с.
84. Сапунов А. П., Друцкий-Любецкий В. Материалы по истории и географии Дисненского и Вилейского уездов Виленской губернии.— Витебск, 1896.— 143с.
85. Сведения 1873 года о городищах и курганах: Витебская губерния.— ИАК, Спб.,. 1903, вып. 5, с. 6—29.
86. Седов В. В. Булавки восточных балтов в эпоху раннего железа.— Acta-Baltica-Slavica, 1962, V, с. 129—145.
87. Седов В. В. Городище Церковище.—КСИА АН СССР, 1964, вып. 102, с. 70—74,
88. Седов В. В. Культура днепро-двинского междуречья в конце I тысячелетия до н. э.—СА, 1969, № 2, с. 116—125.
89. Седов В. В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья.— М., 1970.— 200 с.
90. Седов В. В. Городища Себежского Поозерья.— Studia archeologica in memoriarr H. Moora. Tallin, 1970, с. 166—171.
91. Седов В. В. Гидронимика и археология средней полосы Восточной Европы.— В кн.: Тезисы докладов на заседаниях, посвященных итогам полевых исследований
1962 г. АН БССР, отд-ние общественных наук. Мн., 1963^ с. 27—31.
92. Семенов С.А. Экспериментальные исследования- первобытной техники.— СА, 1959, № 2, с. 35—46.
93. С е м е н о в С. А. Первобытная техника.— МИА, 1957, № 54.— 240 с.
94. Сементовский А. М. Памятники старины Витебской губернии.— Спб., 1867.— 74 с.
95. Сементовский А. М. Белорусские древности.— Спб., 1867.— 136 с.
96. С е р б а ў I. А. Археалагiчныя помнiкi Ушацкага раёна Полацкай акругi.— Працы, т. 2, с. 85—91.
97. С л о б о д к и н В. М. К вопросу о развитии и смене систем земледелия (от времени его возникновения на территории СССР до I тысячелетия н. э.).— В кн.: Материалы по истории земледелия СССР. М., 1952, т. 1, с. 9—65.
98. Смирнов А. П. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего-Поволжья и Прикамья.—МИА, 1952, № 28.—274 с.
99. Смирнов К. А. Дьяковская культура (материальная культура городищ междуречья Оки и Волги).— В кн.: Дьяковская культура. М., 1974, с. 7—90.
100. Смирнов К. Ф. Вооружение савроматов.— МИА, 1961, № 101.— 162 с.

101. Спицы н А. А. Обозрение некоторых губерний и областей в археологическом отношении.—ЗРАО, Спб., 1899, т. 11, вып. 1/2, с. 177—302.
102. Спицын А. А. Городища дьяковского типа.—ЗОРСА, Спб., 1903, т. V, вып. 1, с. 111—142.
103. Спицын А. А. Новые данные о городищах дьяковского типа.— ЗОРСА, Спб., 1905, т. VII, вып. 1, с. 83—93.
104. Спицын А. А. Отчет о раскопках, произведенных в 1905 г. И. С. Абрамовым в Смоленской губернии.—ЗОРСА, Спб., 1906, т. VIII, вып. 2, с. 185—211.
105. Станкевич Я. В. Археологическая разведка в Великолукской области.— КСИИМК, 1951, вып. 38, с. 82—90.
106. Станкевич Я. В. Исследование памятников первого тысячелетия новой эры в верховьях Западной Двины за 1949—1951 гг.—КСИИМК, 1953, вып. 52, с. 60—67.
107. Станкевич Я. В. Древнейшие укрепленные поселения в верхнем течении Западной Двины.— ДПГ: Археолог, сб., Таллин, 1955, № 1, с. 95—109.
108. Станкевич Я. В. К истории населения Верхнего Подвинья в I и начале II тысячелетия н. э.— МИА, 1960, Аb 76.— 327 с.
109. Сяргеенка Я. Гарадзішча пры селішчы Бабінавічы.—Наш край, 1926, № 8/9.
110. Тараканова С. А. Раскопки древнего Пскова.— КСИИМК, 1949, вып. 27, с. 104—112.
111. Тараканова С. А. Себежские городища и курганы.— Тр. ПОКЭ, М., 1959, т. 1, с. 111—127.
112. Тарасенка В. Р. Археалагічныя доследы гарадзішч на Смаленшчыне ў 1926—1928 гг.—Працы, т. 2, с. 121—145.
113. Третьяков П. Н. К истории доклассового общества Верхнего Поволжья.— Изв. ГАИМК, 1935, вып. 106, с. 97—180.
114. Третьяков П. Н. Некоторые вопросы этногонии восточного славянства.— КСИИМК, 1940, вып. 5, с. 10—16.
115. Третьяков П. Н. К истории племен Верхнего Поволжья в первом тысячелетии н. э.— МИА, 1941, № 5.— 150 с.
116. Третьяков П. Н. Восточнославянские племена.— М., 1953.— 312 с.
117. Третьяков П. Н. Чаплинское городище.—МИА, 1959, № 70, с. 119—153.
118. Третьяков П. Н. Работы Верхнеднепровской археологической экспедиции 1957 г.—КСИИМК, 1960, вып. 79, с. 80—82.
119. Третьяков П. Н. Древние городища Смоленщины.— В кн.: Третьяков П. Н., Шмидт Е. А. Древние городища Смоленщины. М.; Л., 1963, с. 3—141.
120. Третьяков П. Н. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге.— М.; Л., 1966.—308с.
121. Третьяков П. Н. Городище Осыно.— СА, 1976, № 3, с. 203—216.
122. Трубникова Н. В. О технике нанесения узоров на посуду городецких и дьяковских городищ.—КСИИМК, 1952, вып. 47, с. 125—129.
123. Турчинович О. Обозрение истории Белоруссии с древнейших времен.— Спб., 1857.—303 с.
124. Федорова Р. В. Уничтожение леса и примитивное земледелие в каменном веке по современным экспериментам и пыльцевым анализам.— СА, 1962, № 1, с. 241—257.
125. Фосс М. Е. Костяные и деревянные изделия стоянки Веретье.— МИА, 1941, № 3, с. 212—235.
126. Цалкин В. И. Материалы для истории скотоводства и охоты в древней Руси.— МИА, 1956, № 51.— 183 с.
127. Цалкин В. И. К истории животноводства и охоты в Восточной Европе.— МИА, 1962, № 107.— 129 с.
128. Шадыро В. И. О железном веке северной Белоруссии.— В кн.: Древнерусское-государство и славяне. Мн., 1983, с. 16—18.
129. Шадыро В. И. Исследование памятников раннего железа в среднем Подвинье.— АО—1975. М., 1976, с. 429—430.
130. Шадыро В. И. Изучение раннего железного века Белорусского Подвинья.— В кн.: Материалы научной конференции молодых ученых Литвы и Белоруссии. Вильнюс, 1977, с. 99—103.
131. Шадыро В. И. Изучение городища у дер. Барсуки.— АО—1976. М., 1977, с. 419.
132. Шадыро В. И. Исследования в Подвинье.—АО—1977. М., 1978, с. 427—428..
133. Шадыро В. И. Раскопки городищ на севере Белоруссии.— АО—1981. М., 1982, с. 365.
134. Шадыра В. І. Гарадзішчы ранняга жалезнага веку на поўначы Беларуси—Весці АН БССР, сер. грамад. навук, 1979, № 5, с. 77—83.
135. Шадыра В. І. Гарадзішча Замошша на Полаччыне.— Помнікі гісторыі і культуры Беларусі, 1980, № 2, с. 27—29.
136. Шилов В. П. Калиновский могильник.—МИА, 1959, № 60, с. 323—523.

137. Шмидехельм М. X. Археологические памятники периода разложения родового строя на северо-востоке Эстонии (V в. до н. э.— V в. н. э.).— Таллин, 1955.— 271 с.
138. Шмидт Е. А. Некоторые особенности культуры городищ верховьев Днепра во второй половине I тысячелетия до н. э.— МИСО, Смоленск, 1961, вып. 4, с. 344—367.
139. Шмидт Е. А. К вопросам хронологии и этнической принадлежности древних городищ верховьев Днепра.— В кн.: Тезисы докладов на научно-отчетной сессии, посвященной итогам археологических и этнографических экспедиций 1961 г. Рига, 1962, с. 38—40.
140. Шмидт Е. А. Городище у дер. Новые Батеки.— В кн.: Третьяков П. Н., Шмидт Е. А. Древние городища Смоленщины. М.; Л., 1963, с. 141—177.
141. Шмидт Е. А. Племена верховьев Днепра и некоторых смежных территорий в железном веке (VIII в. до н. э.—III—IV вв. н. э.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук.— М., 1963.— 22 с
142. Шмидт Е. А. Хозяйственные и культурные связи племен, населявших Смоленщину в раннем железном веке.— МИСО, Смоленск, 1967, вып. 6, с. 241—251.
143. Шмидт Е. А. К истории скотоводства и земледелия на территории Смоленской области.—УЗ СПИ, Смоленск, 1967, вып. 17, с. 140—153.
144. Шмидт Е. А. Исследования в Смоленском Поднепровье.— АО—1967. М., 1968, с. 40—43.
145. Шмидт Е. А. Особенности развития днепро-двинской культуры в первых веках н. э.— В кн.: Беларускія старажытнасці. Мн., 1972, с. 100—114.
146. Шмидт Е. А. Днепро-двинские племена в I тысячелетии н. э.: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук.— М., 1975.— 33с.
147. Шноре Э. Д. Асотское городище по данным археологических раскопок 1949—54 гг.—Рига, 1958.—38 с.
148. Шноре Э. Д. Городища древних латгалов.—В кн.: ВЭИНП. М., 1959, т. 1, с. 222—232.
149. Шноре Э. Д. Асотское городище.—МИАЛ, 1961, вып. 2.—234 с.
150. Шноре Э., Цимермане И. Поселение и могильник в Кивты (восточная Латвия).— В кн.: От эпохи бронзы до раннего феодализма. Таллин, 1966, с. 175—185.
151. Шрам ко Б. А. Следы земледельческого культа у лесостепных племен Северного Причерноморья в раннем железном веке.— СА. 1957, №'1, с. 178—198.
152. Шрамко Б. А. К вопросу о технике земледелия у племен скифского времени в Восточной Европе.—СА, 1961, № 1, с. 73—90.
153. Штыхов Г. В. Археологическая карта Белоруссии.— Мн., 1971, вып. 2.— 275 с.
154. Шут К. П. Памятники раннего железного века на севере Белоруссии.— В кн.: Древности Белоруссии. Мн., 1966, с. 166—182.
155. Шут К. П. Городища эпохи раннего железного века на северо-западе Белоруссии.— В кн.: Доклады к XI конференции молодых ученых Белорусской ССР. Мн., 1967, с. 406—424.
156. Шут К. П. Исследование древних городищ северной Белоруссии.— АО—1968. М., 1969, с. 342—344.
157. Шут К. П. Городище Заговалино Ушачского района.— В кн.: Тезисы докладов XII конференции молодых ученых Белорусской ССР. Мн., 1969, с. 31—42.
158. Шут К. П. Городище Кубличи Ушачского района.— В кн.: Древности Белоруссии. Мн., 1969, с. 262—289.
159. Щеглова В. В. О видовом составе и соотношении между домашними и дикими животными на городищах эпохи раннего железа севера Белоруссии.— В кн.: Тезисы докладов к конференции по археологии Белоруссии. Мн., 1969, с. 106—110.
160. Būga K. Rinktinai rastai.—Vilnius, 1961, s. 732—742.
161. Bukowski Z Kilka uwag na temat funkciji niektórych ozdób guzikowatych kultury łużyckiej.—Archeologia Polski. W-wa, 1960, t. 5, z. 2, s. 197—241.
162. Daugudis V. Aukštadvario pilikalnio itvirtiiiimai ir pastatai.— Тр. АН ЛитССР, сер. А, 1962, № 1, p. 43—69.
163. Daugudis V. Seniausieji mediniai pastatai ir įrenginiai Lietuvoje (3 M. e. I tūkstantmečio I puses pastatai).— Тр. АН ЛитССР, сер. А, 1976, № l, p. 57—67.
164. Dechelette J. Manuel d'archeologie prehistorique, Celtique et Gallo-Romaine.— Paris, 1927, t. 4.—746. p.
165. Gaerte W. Urgeschichte Ostpreussens.—Königsberg, 1929.—274 S.
166. Gedl M. Cmentarzysko kultury łużyckiej w Dankowie, pow. Kłobuck.— Materiały Archeologiczne, Kraków, 1961, t. 3, s. 65—111.
167. Gedl M. Szkieletowy obrządek pogrzebowy w kulturze łużyckiej.— Kraków, 1964.— 139 s.
168. Graudonis J. Par dažiem Latvijas agro metaly periodą kaulą rotadatu tipiem.— Arheologija un etnografija, Riga, 1974, XI, Ipp. 63—73.

169 G r i g a l a v i č i e n e E . I tūkstantmečio pr. m. e. Lietuvos piliakalniu kaulo dirbiniai (1. Darbo įrankiai).—Tp. AH ЛитССР, сер. A, 1975, т. 4, (53), p. 73—83.
170. G r i g a l a v i č i e n e E. I tūkstantmečio pr. m. e. Lietuvos piliakalniu kaulo dirbiniai (2. Medžioklės ir žvejybos įrankiai, ginklai).— Tp. AH ЛитССР, сер A, 1976,. т. 1 (54), p. 51—56.
171. G r i g a l a v i č i e n e E. I tūkstantmečio pr. m. e. Lietuvos piliakalniu kaulo dirbiniai (3. Papuošalai).—Tp. AH ЛитССР, сер. A, 1976, т. 3 (56), p. 69—80.
172. K o s t r z e w s k a M. Wyroby kamienne kultury łużyckiej.— Przegiąć Archeologiczny, 1953, 9, 2/3, s. 239—246.
173. K o s t r z e w s k i J. Przedmioty brązowe i żelazne z grodu kultury lyzyckiej \\r Biskupine, s. 1., 1950, s. 96.
174. Latvijas senatne: Gelvedis par muzeja ekspozicija.— Riga, 1959, 38 Ipp.
175. Kulikauskas P., K u l i k a u s k i e n e R., T a u t a v i č i u s A. Lietuvos-archeologijos bruožai.— Vilnius, 1961.— 558 p.
176. Lietuvos TSR archeologijos: Atlasas —Vilnius, 1975, t. 2,—226 p.
177. M a l i n o w s k i T. Osadnictwo kultury łużyckiej wczesnej epoki żelaznej w Siupcu —«Fontes», 1958, t. VIII/IX, s. 1—97.
178. M o o r a H. Die Eisenzeit in Lettland bis etwa 500 n Chr. Tartu, 1929, 1938, t. I, II, 533 S.
179. P i a s k o w s k i J. Metaloznawcze badania przedmiotów żelaznych z Mieżan i Sudaty (LSRR).— Wiadomości Archeologiczne, 1966, t. 31, z. 4, s. 363—378.
180. S l a w i ń s k i W., G i e r a s i m o v M., K o ś c i k A. Szczątki roślinne z kurhanów z okresu rzymskiego odkryte na Suwalszczyżnie.-- Wiadomości Archeologiczne, 1958,. t. 25, s. 145—148.
181. S t u b a v s A. Par Latvijas pilskalnu tipologijų un klasifikacijų.— Arheologija un etnografija, Riga, 1974, XI, Ipp. 74—88.
182. S u l i m i r s k i T. Kultura wysocka. — Kraków, 1931. —220 s.
183. М и т р о ф а н о в А . Г. Отчет о раскопках в 1961 — 1962 гг. (городища Поддубники и Толкач).— Архив ИИ АН БССР, д. 147.— 40 с.; Отчет о полевых исследованиях в 1966 г. (археолог, разведки на территории Себежского и Опочского районов; Псковской области). Там же, д. 328; Отчет западнодвинского отряда в 1974 г.— Там же, д. 473.
184. Ш а д ы р о В. И. Отчет об археологических исследованиях в 1975 г.— Архив ИИ АН БССР, д. 525; Отчет о полевых исследованиях в 1976 г.— Там же, д. 535; Отчет о полевых работах в 1977 г.— Там же, д. 714; Отчет об исследованиях в северной Белоруссии в 1978 г.— Там же, д. 715; Отчет о полевых исследованиях в 1979 г.— Там же, д. 720.
185. Ш м и д т Е. А. Днепро-двинские племена в I тысячелетии н. э. 1975 г.— Архив ИА АН СССР, ф. р-2/2152.
186. Ш у т К. П. Отчет о полевых археологических работах в 1964 г.— Архив ИИ АН БССР, д. 237; Отчет о полевых работах в 1965 г.— Там же, д. 257; Отчет о раскопках и разведках в 1966 г.— Там же, д. 273.
187. Ш т ы х о в Г. В. Отчет об археологических исследованиях в Витебской области в.- 1965 г.—Архив ИИ АН БССР, д. 259; Отчет о раскопках за 1970 г.—Там же,, д. 368; Отчет о раскопках в 1972 г.— Там же, д. 413.
188. Гос. музей БССР (фонды, колл. №8305, 102, 7206).
189. Вильнюс. ист.-этногр. музей (фонды инв. № 1644, 1911).
190. Ин-т истории АН БССР, колл. № 1095.
191. Каунас. гос. ист. музей (фонды, инв. № 1461, 606).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АО — Археологические открытия (сборник)
АС — Археологический съезд
БАН — Белорусская Академия наук
ВЭИНП — Вопросы этнической истории народов Прибалтики
ВЭИЭН — Вопросы этнической истории эстонского народа
ГАИМК— Государственная Академия истории материальной культуры
ГИМ — Государственный исторический музей
ДПГ — Древние поселения и городища
ЗАО — Записки императорского археологического общества
ЗОРСА — Записки Отделения русской и славянской археологии императорского Русского археологического общества
-ЗРАО — Записки Русского археологического общества
ИА АН СССР — Институт археологии АН СССР
ИАК — Известия императорской археологической комиссии
ИИ АН БССР — Институт истории АН БССР
КСИА — Краткие сообщения Института археологии
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры
КСИЭ — Краткие сообщения Института этнографии им. Н. Н. Мпклухи-Маклая АН СССР
МАО — Московское археологическое общество
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
МИАЛ — Материалы и исследования по археологии Латвии
МИСО — Материалы по изучению Смоленской области
НИСГУ — Научные известия Смоленского государственного университета
ПОКЭ — Прибалтийская объединенная комплексная экспедиция
Працы, т. 1—3 — Запіскі аддзелу гуманітарных навук Ін-та беларускай культуры, кн. 5. Працы кафедры археалогіі, т. 1. Мн., 1928; Запіскі аддзелу гуманітарных навук Беларускай АН. Працы археалагічнай камісіі, т. 2. Мн., 1930; Працы секцыі археалогіі Ін-та гісторыі Беларускай АН, т. 3. Мн., 1932
СА — Советская археология
САН — Свод археологических источников
УЗ СПИ — Ученые записки Смоленского педагогического института

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вадим Иосифович Шадыро

**РАННИЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК
СЕВЕРНОЙ БЕЛОРУССИИ**

Заведующий редакцией А. И. Валаханович
Редактор Н. И. Тараненко
Художник А. Г. Звонарев
Художественный редактор А. А. Кулаженко
Технический редактор В. И. КРУченок
Корректор Т. П. Гилевич

ИБ № 2300

Печатается по постановлению РИСО АН БССР. Сдано в набор 21.05.85. Подписано в печать 07.08.85. АТ 17354. Формат 70Х100 1/16. Бум. тип. № 1. Гарнитура литературная. Высокая печать. Усл. печ. л. 10,32. Усл. кр.-отт. 10,40. Уч.-изд. л. 9,55. Тираж 830 экз. Зак. № 1193. Цена 1 р. 30 к.

Издательство «Наука и техника» Академии наук БССР и Государственного комитета БССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 220600. Минск, Ленинский проспект, 68. Типография им. Франциска (Георгия) Скорины издательства «Наука и техника». 220600. Минск, Ленинский проспект, 68.